МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Актуальные вопросы филологических исследований

Материалы Всероссийской научной конференции
6 апреля 2012 года

Сборник статей

Пермь 2012

УДК 80
ББК 80
А 43

А 43 **Актуальные** вопросы филологических исследова-ний: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апреля 2012 г. / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – 280 с.

ISBN 978-5-7944-2005-0

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы филологических исследований», прошедшей 6 апреля 2012 г. на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия:
В. В. Абашев, Е. А. Баженова, Е. В. Ерофеева, Б. В. Кондаков, В. А. Мишланов, И. И. Русинова

Ответственный редактор:
кандидат филологических наук, доцент **И. И. Русинова**

ISBN 978-5-7944-2005-0

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Антипова Е. А.	ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ (на примере г. Миасса)	6
Базылев В. Н.	ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ (НЕРОДНОМУ) ЯЗЫКУ	10
Бакланова И. И.	РОЛЬ ВОПРОСА В ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ОТ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ	14
Башкова И. С.	РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СБОЕВ В СПОНТАННЫХ НАРРАТИВАХ ПОДРОСТКОВ	19
Бутенко А. А.	РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ В АКТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА (на материале произведений Т. С. Элиота)	23
Гаранович М. В.	ЯЗЫКОВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ	29
Жданова Е. А., Белых А. А.	ЭНТОМОСЕМИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ (лингвогеографический аспект)	35
Казанкова А. А.	О РЕГИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, В ОСНОВЕ КОТОРЫХ ЛЕЖИТ ОНИМ	39
Карзенкова Е. П.	ДИСКУРС БЛИЗКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ФЕНОМЕН РЕВНОСТИ	42
Кульгавова Л. В.	ЭТИМОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИ-ОЧЕРК О СЛОВЕ *FLAPPERS*	48
Нечаева Л. С.	МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ КАРТЫ ДЛЯ ЛАРНГ (на материале карты Л171 СЫРОЕЖКА)	52
Олешков М. Ю.	СЦЕНАРИЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	59
Павлова Д.С.	ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ «ТЕМПЕРАМЕНТ» И «СПЕЦИАЛЬНОСТЬ» НА СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ УСТНОГО ТЕКСТА ИНДИВИДА	64
Романов Д. А.	СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В «РАССУЖДЕНИИ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ» Г.Р. ДЕРЖАВИНА	68
Соловьева Н. В.	АВТОРИЗАЦИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ	74
Соловьева О. Е.	СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНТЕКСТНЫХ АНТОНИМОВ В ЛИРИКЕ БЭЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ	80
Тихомирова Л. С.	РОЛЬ ВОСПРИЯТИЯ В НАУЧНОМ СОЗНАНИИ	84

Ширинкина М. А.	О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНОНИМНЫХ ТЕКСТОВ (на примере писем-обращений граждан в органы власти)	92
Шкураток Ю. А.	К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ЗНАХАРЬ*	97

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СМИ И ИНТЕРНЕТА

Карпова Т. Б.	НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА	103
Костомарова Н.А.	СЦЕНАРИЙ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ	108
Кошкарова Н. Н.	ФУНКЦИИ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	112
Крижановская Е.М.	ПРОГРАММНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ПАРТИЙ «ЛДПР» И «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»: ТЕМАТИЧЕСКАЯ, РЕЧЕВАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА (по материалам официальных интернет-сайтов)	117
Мехонина Е. Н.	ФИЛЬТРАЦИЯ ЗАВЕДОМО ПРОТИВОПРАВНОГО КОНТЕНТА В РУНЕТЕ (защита блогов и форумов, безопасный поиск)	122
Пономарев Н. Ф.	ПУБЛИЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК МЕДИАНАРРАТИВ	125
Пустовалов А. В.	ИНТЕГРАЦИЯ КРУПНЕЙШИХ ИЗДАНИЙ США В *FACEBOOK*	133
Соколова Е. А.	ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ: МАТЕРИНСКИЕ РОЛИ И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ	138

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ

Боброва М. В.	ТОПОНИМИЯ с. ТРОЕЛЬГА КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ	143
Гордеева О. В.	«МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА ХОЗЯЙКИ МЕДНОЙ ГОРЫ» КАК ИДЕЯ ДЛЯ ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ	148
Жидких М. Г.	К ВОПРОСУ О СИНОНИМИЧНОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ	154
Зверева Ю. В.	НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ, МОТИВИРУЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (на материале пермских говоров)	159
Логунова Н. В., Мазитова Л. Л.	ИСТОРИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ С ПОЗИЦИИ АДРЕСАНТА И В ПОЗИЦИИ АДРЕСАТА (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX века)	164
Малышева В. А.	АНТОНИМИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В ИДИОЛЕКСИКОНЕ	170

Масальцева Т. Н.	ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ 1930-Х гг.: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ	178
Пантелеева Л. М.	ИСТОРИЯ НАИМЕНОВАНИЙ СОЛЯНЫХ ВАРНИЦ	181
Печищев И. М.	ПЕРМЯКИ И ГОРОЖАНЕ: В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ	188
Русинова И. И.	ОБРАЗЫ-ВОПЛОЩЕНИЯ «ВСЕЛЯЮЩИХСЯ» ДУХОВ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ	193
Фирсова А. В.	ЛИТЕРАТУРА И ТУРИЗМ: К ВОПРОСУ О КАРТИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	198
Чугаев Н. В.	К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ОЙКОНИМОВ	203
	ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА	
Абрамова В. С.	ТРАНСФОРМАЦИЯ РИТУАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА	208
Арустамова А. А.	ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В «ФИЛМОРСКОЙ ПОВЕСТИ» П. П. БАЛАКШИНА	213
Бурдина С. В.	АНТИНОМИЯ «ВЕРА – БЕЗВЕРИЕ» В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.БОГОМОЛОВА	219
Гашева Н. Н.	КИНО КАК АКТУАЛЬНЫЙ ВИД ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	225
Гладких Ю. Г.	АКВАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТАХ В. П. АСТАФЬЕВА: НЕКОТОРЫЕ МОДЕЛИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СДВИГОВ	234
Загороднева К. В.	РЕЦЕПЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА И ГОГОЛЯ В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»	240
Коннова М. Н.	АКСИОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «Я ПОНЯЛ ЖИЗНИ ЦЕЛЬ И ЧТУ...»	248
Павловский М.	ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (европейский и македонский нарративы в македонской драме)	253
Сухоева Д. А.	ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ В «ЕВПРОПЕЙСКОЙ НОЧИ» В. Ф. ХОДАСЕВИЧА	263
Шуплецова Ю. А.	ОЖИДАНИЕ РАЗЛУКИ КАК ОСНОВНОЙ МОТИВ ЛИРИКИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ	271

ЯЗЫК И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Антипова Е. А.
Россия, Миасс

ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ (на примере г. Миасса)

В настоящее время система образования России характеризуется глубокими противоречиями: во-первых, существует дисбаланс между состоянием и развитием бюджетного и платного образования на всех его уровнях, во-вторых, изменяется структура спроса на различные образовательные услуги. Рынок образовательных услуг развивается очень динамично, он представлен как государственными, так и негосударственными учреждениями. Особой популярностью пользуются платные образовательные услуги, под которыми понимается «комплекс целенаправленно создаваемых и предлагаемых населению возможностей для приобретения определенных знаний и умений, для удовлетворения тех или иных социальных потребностей» [Основы андрагогики 2004: 19].

Рынок образовательных услуг – это материальные взаимоотношения участников образовательного процесса: учащихся, организаций, предоставляющих образовательные услуги, а также лиц и организаций, оплачивающих эти услуги.

По своим целям и содержанию образовательные услуги подразделяются на три вида:

а) ориентированные на потребности рынка труда – профессиональные;

б) ориентированные на потребности развития организаций и социальных общностей – социальные;

в) ориентированные на потребности развития человека – социально-культурные [там же 2004: 19].

По проекту Федерального закона «Об образовании» платные образовательные услуги оказываются на основании индивидуальной предпринимательской деятельности, участниками образовательных отношений признаются органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, осуществляющие образовательную деятельность, индивидуальные предприниматели, педагогические работ-

© Антипова Е. А., 2012

ники, обучающиеся, их родители, работодатели и их объединения. Таким образом, внешним клиентом выступают те, кто финансирует платную образовательную деятельность [Проект закона «Об Образовании в Российской Федерации» 2011: 15].

В городе Миассе 10 вузов, ориентированных на потребности рынка труда, 12 училищ и техникумов, каждый из которых занимается оказанием платных образовательных услуг. Например, в уставе педагогического колледжа содержится перечень платных образовательных услуг «9.1. Колледж вправе оказывать населению, предприятиям, учреждениям и организациям платные дополнительные образовательные услуги (обучение по дополнительным образовательным программам, преподавание специальных КУРСОВ И ЦИКЛОВ ДИСЦИПЛИН, репетиторство, занятия с учащимися углубленным изучением предметов и ДР. услуги) за рамками соответствующих образовательных программ и государственных образовательных стандартов» [Устав Государственного среднего профессионального образовательного учреждения «Миасский педагогический колледж» 2010: 12].

В уставе 24 школ города есть положения об оказании платных образовательных услуг, в которых очень подробно описаны условия их оказания, где потребителем услуг именуется «организация или гражданин, имеющие намерение заказать, либо заказывающие образовательные услуги для себя или несовершеннолетних граждан, либо получающие образовательные услуги лично» [Устав МОУ «МСОШ № 21» 2009: 8].

Однако жителями города такие нововведения характеризуются на городском форуме резко негативно:

– Десятки миллиардов родительских денег, вращающихся в сфере образования (репетиторы, вузы и пр.) вследствие вредоносных реформ, нечаянно оказались ВНЕ личных карманов власти.

– Объявленный курс Фурсенко на ПЛАТНОСТЬ образования получает закон, позволяющий по закону взимать ДАНЬ с родителей (как это сделали в ЖКХ).

Сами педагоги оказание платных образовательных услуг воспринимают по-разному:

– С этого момента образование и станет услугой, а мы с вами кем станем? Как-то жутко не хочется называться «сутенершей».

– Каждый себя оценивает в соответствии со своими знаниями, я и оказываю услуги в соответствии с этим.

– А я положительно отношусь к таким изменениям, давно пора [Миасский городской форум].

Большинство представителей внутренней языковой среды относятся к нововведениям положительно:

– Наконец-то можно будет нормально работать.

– Хоть какая-то надбавка к зарплате.

– Это хорошая поддержка для тех детей, которые хотят учиться, которым нужны знания [там же].

Языковая сфера образовательных услуг – это особая среда, которая складывается из внешней (учитель – родитель) и внутренней языковой среды (учитель – учитель, учитель – администрация).

По данным опросов, проведенных нами среди родителей школьников в 2010–2011 гг., на 2010 г. образование не считают услугой более 70% респондентов, только 22% видят в образовании услугу.

Такого же мнения придерживается 68% преподавательского состава школ на 2010 г. и только 29% уверены, что оказывают образовательные услуги.

По данным опроса, проведенном в 2011 г. и начале 2012 г., на вопрос «Считаете ли вы образование услугой?» уже 52% родителей ответили «да», 17% – «не знаю», 32% – «нет». Мнение педагогов за последние два года практически не изменилось. 63% – «да», 33% – «нет», 4% – «не знаю».

Изменение отношения к образованию как к услуге в среде родителей произошло в связи с переходом многих образовательных учреждений на автономное обеспечение, с внесением в устав платных образовательных услуг.

Внешнее восприятие образовательной сферы также претерпело некоторые изменения. С древнейших времен статус учителя был высок, его уважали, относились с почтением:

От педагога зависит, чем станет сердце ребенка – нежным цветком или засушенной корой (И. Сухомлинский)

Учитель, могущий наделить своих воспитанников способностью находить радость в труде, должен быть увенчан лаврами (Хаббард Элберт Грин).

Учителя, которым дети обязаны воспитанием, почтеннее, чем родители, которым дети обязаны лишь рождением: одни дарят нам только жизнь, а другие – добрую жизнь (Аристотель)

Нет более быстрого пути к овладению знаниями, чем искренняя любовь к мудрому учителю (Сюнь-цзы).

По данным материалов миасского городского форума в сознании горожан складывается негативный образ учителя:

Любой учитель может сделать ученика дураком (Вадим Мозговой).

Не всякий учитель – классный специалист (Константин Кушнер).

Не обязательно быть учителем, чтобы учить.

Я не учитель, но научить могу хоть кого [там же].

В связи с реформами, происходящими в образовании, изменяется языковое сознание представителей образовательной сферы. Наблюдается снижение социального статуса учителя. Современные интернет-источники именуют учителя так: «училка», «зануда», «русичка», «математичка», «кричалка», «злюка», «МТС», «Лариска», «Падлыч» , «циклоп», «Кощей», «бабуля», «Фрекенбок», «Дубина», «Тетя Лошадь», «Крыса» [там же]. Деятельность учителя характеризуется глаголами с отрицательной коннотацией: «достала», «привязалась», «задолбала», «бесит», «заставила», «выбесила» [там же].

В современной России идут активные изменения в сфере образования, которые вызывают волнения и в среде родителей, и в среде преподавателей. Бурное обсуждение происходит в Интернете, который формирует негативное отношение к учителю как организатору учебного процесса. Осуществляется коммерциализация образования, вместе с тем нельзя говорить о полной коммерциализации, так как образование – это социокультурный процесс, он не сводим к простой коммерческой деятельности. Образование – это комплексный процесс, направленный на обучение, воспитание и развитие подрастающего поколения.

Список литературы

Основы андрагогики. Терминологический словарь-справочник для студ. соц.-гум. специальностей. / сост. Маслова В.В. Мариуполь, 2004. 19 с.

Проект закона «Об Образовании в Российской Федерации от 15 июля 2011» (версия 3.0.3.) URL: http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/ (дата обращения: 15.03.2012).

Устав Государственного среднего профессионального образовательного учреждения «Миасский педагогический колледж» URL: http://www.pedagogcollege.narod.ru/stranicu/ystav.htm (Дата обращения: 15.03.2012).

Положение об оказании платных образовательных услуг / Устав МОУ «МСОШ № 21» URL: http://www.sh21.narod.ru/stranicu/ystav.htm (дата обращения: 15.03.2012).

Миасский городской форум URL: http://www.newsmiass/narod.ru.htm (дата обращения: 15.03.2012).

Базылев В. Н.
Россия, Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ (НЕРОДНОМУ) ЯЗЫКУ

Коммуникативное взаимодействие является важной формой работы с иноязычным текстом по специальности. Так же, как и другие формы, оно может выступать и как средство, и как методический прием в обучении профессионально ориентированному иноязычному общению. По сути его следует отнести к одной из разновидностей так называемого кооперативного метода, получившего распространение в методике обучения гуманитарным дисциплинам в некоторых вузах [Базылев 2010 в: 30–32]. Основу данного метода составляет самообучение студентов, т. е. самостоятельное приобретение знаний по заданной тематике и последующий обмен информацией в группе. Высокую мотивацию взаимодействия партнеров в ходе учебного общения обеспечивает принцип информационного пробела, который предполагает, что каждый из участников разговора владеет лишь частью информации, относящейся к одной и той же теме. Обменявшись такой информацией, каждый из них может воссоздать целостную картину предмета изучения, а затем сравнить собственное общее восприятие и понимание темы с тем, что усвоено партнером. При этом на фоне приобретения специальных знаний и совершенствования коммуникативных иноязычных навыков и умений студенты развивают и когнитивные способности, имеющие важное значение в организации самостоятельной познавательной деятельности личности будущего специалиста [Базылев 2010 б: 256–257].

Существует несколько вариантов организации коммуникативного взаимодействия в условиях учебного занятия по иностранному языку. Предметом обсуждения в учебных ситуациях коммуникативного взаимодействия могут стать лексика (или специальные термины), конкретная информация и проблема, связанные с той или иной темой или будущей специальностью студента [Базылев 2010а; Базылев 2011].

Вариант I. Текст, подлежащий усвоению, разбивается на несколько частей (абзацев) в соответствии с количеством учащихся в группе. Каждый студент получает задание тщательно изучить один абзац в течение определенного времени (например, 10–15 минут, в зависимо-

© Базылев В. Н., 2012

сти от объема текста). Затем в ходе коммуникативного взаимодействия, организованного как поочередный диалог со всеми членами группы, учащийся излагает суть изученного, добиваясь полного усвоения его партнерами, и выслушивает, в свою очередь, информацию последних. Завершив разговор с собеседниками, каждый из студентов в течение 3–5 минут пытается мысленно восстановить полный текст и воспроизвести максимум информации в логической последовательности. При этом он может сделать необходимые записи в виде тезисов или опорного конспекта. На занятии целесообразно выслушать не более одного – двух студентов и организовать групповое обсуждение их монологов. В ходе обсуждения варианты монологов могут быть скорректированы либо выработан третий, коллективный вариант. На последнем этапе студентам предлагается прочитать учебный текст целиком и оценить, чей вариант был ближе к оригиналу.

Вариант 2. Все студенты группы изучают текст целиком (либо дома, либо в аудитории, если он небольшой по объему). Далее одни получают задания, которые обязывают их в ходе изложения текста опустить какую-то важную информацию или допустить информационную ошибку, а другие – выявить пробелы и неточности, допущенные собеседником. Работая в парах, студенты следуют указаниям в полученных заданиях.

Вариант 3. Студенты изучают один и тот же текст. Затем они делятся на две группы. Задача первых (группа А) заключается в том, чтобы составить как можно больше вопросов по содержанию текста, ответы на которые помогли бы подробно изложить текст. Студенты второй группы (группа Б) должны задать несколько вопросов, связанных с текстом, ответы на которые помогли бы проинтерпретировать и обсудить информацию и проблемы, содержащиеся в нем. Работа осуществляется в парах: сначала при ведущей роли студента из группы А. В этом случае имеет место контроль усвоения текста. В другом случае происходит смена лидера, и участники разговора определяют ключевые понятия, интерпретируют соответствующие высказывания и факты, представляющие для них интерес, пытаются найти решение проблем, обозначенных в тексте или возникших в связи с ним. В конце они фиксируют основные вопросы, затронутые в беседе, и формулируют выводы. На заключительном этапе преподаватель организует фронтальный оперативный контроль, где один представитель каждой пары дает краткое резюме состоявшейся беседы.

Вариант 4. После работы с учебным материалом или в конце изучения темы преподаватель выделяет проблему, задает проблемную ситуацию, требующую решения, и сообщает ее студентам. Работая

самостоятельно, каждый студент возвращается к изученному материалу и извлекает из учебного и дополнительных текстов различные данные и факты, которые характеризуют проблему и имеют принципиальное значение для ее решения. Тщательно изучив и проанализировав отобранный материал, они ищут оптимальный способ выхода из проблемной ситуации. Во время коммуникативного взаимодействия в парах студенты обмениваются результатами своей работы: сначала сообщают отобранную информацию, а затем, опираясь на нее, предлагают свое решение. В ходе взаимодействия может возникнуть дискуссия по поводу значимости выделенных данных и по сути решения проблемы. В этом случае на помощь приходит преподаватель или группа, которые выступают в качестве экспертов, заслушивая точки зрения дискутирующих, анализируя и оценивая их.

Подобных вариантов может быть гораздо больше. Но сколько бы их ни было, все они подчинены единому алгоритму, положенному в основу методики организации учебных ситуаций коммуникативного взаимодействия. При этом коммуникативное взаимодействие-взаимообучение может осуществляться как в фиксированных парах, так и в условиях смены партнеров, а коммуникативное взаимодействие-сотрудничество – в фиксированных парах или мини-группах. В слабых группах второй уровень коммуникативного взаимодействия, как правило, опускается в целях экономии времени на занятии. В ряде случаев, по усмотрению преподавателя, его можно интерпретировать как внеаудиторную самостоятельную работу.

Данный вид организации учебной деятельности студентов на занятиях по иностранному (неродному) языку уместен, прежде всего, в группах студентов, уровень сформированности иноязычных умений которых выше среднего или высокий. В группах студентов, имеющих средний или ниже среднего уровень, он возможен под пристальным контролем преподавателя, так как наряду с усвоением информации в ходе взаимообучения существует опасность усвоения студентами иноязычных ошибок партнеров по общению. В этом случае преподаватель может организовать подготовительный этап, предшествующий самообучению и коммуникативному взаимодействию, и обеспечить лексико-грамматическую поддержку в виде наглядных опор на доске или на отдельных карточках, которые раздаются студентам той или иной группы в соответствии с заданием и содержанием текста. В группах смешанного уровня ведущую роль в коммуникативном взаимодействии следует поручить более сильным студентам: на этом этапе они становятся «учителями» и «наставниками» своих партнеров, а взаимодействие осуществляется в режиме «учитель – ученик». В этом случае

данный вид работы может приобрести игровой характер при усилении организаторской и контролирующей функции преподавателя.

Эффективность иноязычного коммуникативного взаимодействия как методического приема и средства тем выше, чем выше дисциплинированность, организованность и подготовленность группы к занятию. В отдельных случаях оно обеспечивает переход к совместному проектированию в парах или мини-группах, что представляет собой творческую учебную деятельность более высокого уровня.

Список литературы

Базылев В. Н. Урок-коммуникация // Риторика как предмет и средство обучения: Материалы XV Международной научной конференции / под ред. Ю. В. Щербининой, М. Р. Савовой. М.: МПГУ, 2011. С. 49–53.

Базылев В. Н. К вопросу о речевом поведении в процессе коммуникации // Язык и сознание: Психолингвистические аспекты: Сб. ст./ под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: ИЯ РАН. Изд-во «Эйдос», 2010 а. С. 253–263.

Базылев В. Н. Самоопределение студентов в семиотическом пространстве конкурирующих ценностей // Психолого-педагогическое сопровождение в образовательных учреждениях Российской Федерации формирования человека как личности на этапе межпоколенческого перехода молодежи: сб. статей / под общ. ред. С. П. Иванова. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2010 б. С. 256–259.

Базылев В. Н. Российское образование XXI века: Новые ценности // Формирование духовно-нравственной культуры учителя: Материалы Международной науч.-практ. конференции / отв. ред. Павлов В. И. Чебоксары: Чувашский ГПУ им. И. Я. Яковлева, 2010 в. С. 27–32.

Бакланова И. И.
Россия, Пермь

РОЛЬ ВОПРОСА В ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ОТ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ

Сбор диалектного материала относится к числу непростых задач. Результативность поездки на диалектологическую практику определяется множеством причин, среди которых назовем лишь одну – подготовленность студентов к общению с информантами. Если говорить более конкретно – умение студентов задавать вопросы.

Задача данной работы – показать зависимость вопроса диалектолога и информации, полученной в ответ.

В работе мы будем анализировать собственно-вопросительные предложения, функция которых – получить информацию от собеседника. Напомним, что в зависимости от объема и характера сведений, которые хочет получить говорящий в ответе, различаются общие, частные и альтернативные (разделительные) вопросы. Формулировка общих вопросов неинтересна для исследования, так как ответ на такие вопросы очевиден: либо «Да», либо «Нет». Как показал анализ материала, альтернативных вопросов в диалектных записях тоже мало. Большего внимания заслуживают частновопросительные предложения, которые «заключают в себе вопрос, направленный на выяснение отдельных сторон какой-либо ситуации» [Краткая русская грамматика 2002: 525].

Материалом для исследования стали записи диалектной речи автора статьи и студентов, проходивших диалектологическую практику под его руководством в Оханском, Карагайском, Нытвенском, Чернушинском районах.

Общение с информантами имеет свою специфику, которая определяется задачами диалектологической практики. Сбор материала ведется как минимум по трем направлениям: 1) для составления словарей исследуемой территории; 2) для составления «Лексического атласа русских народных говоров» (далее ЛАРНГ); 3) для комплексного изучения особенностей диалектной речи. В зависимости от задач практики находятся и вопросы диалектологов, направленные либо на выяснение отдельных толкований, либо на выяснение наличия слова в говоре (ЛАРНГ), либо на запись непрерывной речи (в виде рассказов) для изучения синтаксиса, интонации и пр.

© Бакланова И. И., 2012

Известно, что наибольшую ценность имеют подробные записи диалектной речи, включая диалоги. Более того, в записях должна преобладать речь информантов, тогда как диалектологи должны лишь направлять ход беседы своими вопросами. Добиться успеха можно в том случае, если учитывать «конситуацию», а именно влияние трех факторов на структуру высказывания в разговорной речи: «(а) контекста – речевого окружения данного высказывания; (б) визуально-чувственной ситуации – всего, что партнеры коммуникации видят и ощущают; (в) частно-апперцепционной базы – индивидуального опыта говорящих, их знаний» [Земская и др. 1976: 193–194].

На деле знакомство с информантами часто начинается с общих вопросов о жизни, которые, как показывают примеры, дают отрицательные ответы, т.е. ставят диалектоносителя в затруднительное положение:

1) [Здравствуйте, мы спрашиваем бабушек о жизни. Поможете нам?] *О / дак чё / я идь нечё не знаю / вона к суседушке обратитеся / она шибко много знат / в этом деле мастак* //

2) [Нас интересует все: как вы раньше жили, чем занимались?] *Я очень беспрокая нынче стала / у меня ничё голова не варит* //

3) [Расскажите о себе, о Вашем детстве, молодости.] *Ой девонька мила / чё и сказать тебе / чё спрашивать меня / я эдь ничё не знаю / я в жизни плохо была / ничё не видела* //

Вероятно, такие вопросы нельзя назвать удачными с точки зрения получения информации, поскольку они недостаточно учитывают особенности конситуации, не позволяют участникам беседы «разговориться».

Вопросы, содержащие местоимения *что* или *кто*, направлены на выяснение содержания какого-либо понятия или значения какого-либо выражения. Вопросы вариативны: *что такое?, что значит?, что означает?*:

[А **что** это **такое** – кочерга?] *Кочерга-то / дак это хворь у дитяток малых / с роду если не вывели ё-то / дак пупырки будут / знать-то у тебя до конца не вывели //*

[**Что такое** куделя?] *Дак куделя / это лён //*

[А **что такое** коровяк?] *Не знаете // ну это корову дёржишь навоз выкидываешь / а потом значит его берешь / настаиваешь / и этой водой поливаешь //*

[А **кто такая** медовица?] *Медуница / это она вот больше пчёлки / летает вот такая / ну бегат жужжит / вот летат тут* //

[**Что такое** взяток?] *Ну дак / взяток вот мёд на цветочках это вот мёд / пыльца // оне со цветов берут / вот теперь медоносы стали / росцвёл иван-чай //*

[**Что такое** матка?] *Ну это мать из всех / она побольше как пчёлка-то / вот побольше маленько //*

[**Что такое** мшайник?] *Мшайник / мшаник / ну деревянно стоит как вроде бани / она на мху и там специально сделаны нары и на них ульи ставишь зимой вот //*

[**Что значит** «притворить» квашонку? подсыпать муки надо?] *Да / муки подсыплешь / а потом и ждёшь / когда она поднимется снова / это тесто / тогда и выкатаешь //*

Ответы на поставленные вопросы продиктованы лексикографическими задачами: диалектолог пытается узнать толкование слова, которое впоследствии войдет в диалектный словарь или в Лексический атлас русских народных говоров. Как выясняется, ответы строятся примерно одинаково. Большинство ответов начинается с употребления частиц *ну дак, дак, ну это, дак это, это вот*: ***Ну дак** / взяток вот мёд на цветочках это вот мёд / пыльца // оне со цветов берут / вот теперь медоносы стали / росцвёл иван-чай //*; другая часть ответов содержит повтор слова и описание толкования *Медуница / **это** она **вот** больше пчёлки / летает вот такая / ну бегат жужжит / вот летат тут //*. Нередко в ответе используется местоимение *это* в функции подлежащего: [Что это такое?] - во время вопроса показывают на предмет – ***Это-то** / салазки таки / корытцо тако // дедушко внучку сделал с горы кататься*.

Структура предложений-ответов нехарактерна для диалогической речи, в которой преобладают неполные предложения. Причину мы видим в том, что диалогичность речи в этом случае весьма условна: данные вопросы ориентируют не на общение, а на сообщение, их функция – получить как можно более развернутый ответ. При всем этом некоторые ответы можно признать удовлетворительными, достаточными для написания дефиниции слова, однако большая часть требует уточняющих вопросов диалектологов. Л. Я. Костючук убеждена в том, что студенты, готовясь к диалектологической практике, должны быть обучены методике задавания вопросов информантам: вопрос должен звучать «естественно в прогнозируемой беседе» [Костючук 2010: 39], тогда результат сбора материалов будет высоким.

Интересно представлены в записях вопросы «о сущности, специфике, об отличительных свойствах, выделяющих лицо, предмет или явление из ряда других» [Краткая русская грамматика 2000: 527]. В литературном языке грамматически они представлены предложениями

с местоимением *какой* или с сочетанием *что за* с им. п. или вин. п. существительного, в наших же материалах они более разнообразны (*что* вместо *что за* в ситуации непосредственного общения (в так называемой визуально-чувственной ситуации):

[**Какие** грибы у вас растут?] *Разные / всякие есть // я вот в лес давеча ходила / больно грибницы захотелося // я идь синявок полной куль набрала //*

[А еще **какие** грибы у вас есть?] *Да полно их всяких // и рыжики / дождевики / свинари / кубышки / солдаты / матрёны / ямщицкой гриб //*

[А кормовые культуры **какие-то** выращивали?] *Корова была дак мы садили эту свёклу / а эту свёклу как кормовую / и кабачки для коровы тоже садили //*

[**Какой** мед бывает?] *Бывает липовый / бывает цветочной / но у нас больше-то цветочной //*

[**Другие** названия были у моркови, бобов?] *Да я как помню всё морковь есть морковь / бобы есть бобы / горох есть только вот сахарный и простой горох //*

[**Что** у Вас растет?] *А всё растёт / покажу эдате / ну посмотрите //*

[А **что за** цветы у Вас?] *Ой / да я откуда знаю / эти от вовсе не знаю какоё названьё / прошлой осенью вот помалёхоньку садила ли-ко чё нынчо у меня разрослись / кому-то придётся отдать //*

В данном случае ответы в основном представлены неполными предложениями, что характерно для живой речи. К сожалению, ответы на эти вопросы нельзя назвать информативно достаточными, они сводятся к перечислению предметов. Такие вопросы могут быть полезны при сборе информации для ЛАРНГ, если есть необходимость в выявлении синонимов, если отрабатывается лексика одной тематической группы.

Мы обратили внимание на то, что, отвечая на такие вопросы, информанты часто используют риторические вопросы:

[Расскажите, Анфиса Михайловна, дайте рецепт **какого-то** Вашего любимого кушанья.] ***Каки тогда кушанья были*** */ ничё и вовсе не было // счас-то гляди чего ведь токо нету // молода-то когды была / парёнки соскали / ты буди и не слыхала вовсе / это как конфеты счас //*

[Были ли у вас игрища, гулянья? **Какие** праздники отмечали?] ***Како уж нам тогды веселиться было*** */ октябрьску одну празновали / гудели три дня //*

[Знаете ли Вы **какие-нибудь** приметы?] ***Ой / дак чё / каки приметы*** [я знаю] *// Вот месяц народит рожком / холод будет / а если в другую сторону / тепло //*

[А **какие** интересные случаи были?] ***Да кто его знат*** */ уж теперь я все и забыла // ходили / приставлялись тоже ведь //*

Риторический вопрос в качестве ответа возникает и в других ситуациях: [А **где** Вы работали?] ***О где чё я токо не рабливала*** */ когда мала была / коров пасла колхозных //*

Мы проанализировали лишь часть вопросов, оставив без внимания явные диалоги, когда ответы могли быть выражены словами: *ага, но, да, ну* и пр. Мы не осветили и местоименные вопросы, включающие местоимения *чей*, местоименные наречия *когда, почему, зачем.* Однако даже фрагментарный анализ вопросов к информантам показал, что грамматический строй и вопросов, и ответов отличен от строя, описанного О. А. Лаптевой, что существует прямая зависимость между формулировкой вопроса и ответом на него. Вероятно, будет лучше, если общение будет начинаться не с общего вопроса (А как Вы жили раньше?), а с вопроса типа: *Давно ли Вы здесь живете? Много ли в деревне старожилов?* По-видимому, разговор желательно заводить издалека, до тех пор, пока информант не заинтересуется беседой и не захочет говорить о личном. При общении нужно уметь слышать собеседника, обращаться, прежде всего, к тому индивидуальному опыту, о котором приятно или хотя бы не больно вспоминать; спрашивать нужно о том, что находится вокруг и может быть предметом лексикографического интереса. Другими словами, желая получить как можно больше информации, мы должны так строить свои вопросы, чтобы максимально учитывать особенности конситуации.

Список литературы

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Костючук Л. Я. Роль так называемых «параллельных текстов» в получении ответов по вопросам программы Лексического атласа русских народных говоров //Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 38–42.

Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 2002. 726 с.

Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.

Башкова И. С.
Россия, Пермь

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СБОЕВ В СПОНТАННЫХ НАРРАТИВАХ ПОДРОСТКОВ

Материалом нашего исследования послужили записи рассказов подростков (18 текстов) по серии картинок «*Frog, where are you?*». Серия из 24 картинок о поисках мальчиком и его собачкой сбежавшей лягушки – стандартный материал для изучения повествований детей разных стран. У всех информантов была одна и та же коммуникативная установка – построить целостный, связный, законченный рассказ по серии картинок, наиболее полно описывая все эпизоды. Именно этот метод исследования представляет для нас интерес, т.к. ***целью*** нашего исследования является анализ случаев сбоев и определение причин их появления в спонтанном нарративе подростков, составленном именно по серии картинок [Зеленина 2004; Овчинникова 2004]. ***Предметом*** нашего исследования является разнообразие и формальные характеристики сбоев в планировании речи, ***объектом*** – спонтанные нарративы подростков. Таким образом, исходная ***гипотеза*** следующая: сбои в планировании и реализации спонтанного монолога у подростков являются признаком утомления и истощения.

Для подтверждения или опровержения исходной гипотезы мы провели анализ сбоев при планировании речевого высказывания, выявленных нами в 18 нарративах подростков. В результате анализа мы выявили, что появление разных сбоев обусловлено следующими причинами:

I. Сбои в грамматике:

1) формирование системы передачи сложных синтаксических отношений:

1.1. категория таксиса («мальчик *решил… вскарабкаться* на дерево и… и… *задал вопрос*»).

В 64% случаев сбой обнаруживается в конце предложения, при этом, до сбоя встречается пауза хезитации («… вечером мальчик, как обычно, *ложился спать* и оставил лягушку на полу»).

В 20% случаев встретилось формирование формы глагола по аналогии с предыдущим предложением. Однако использование по аналогии вызвало сбой в употреблении таксиса («*решил заглянуть – мало ли сидит… посмотрел, – вылазит хомячок*»).

© Башкова И. С., 2012

В 16% случаев – в конце предложения, как показатель усталости подростка («с утра, когда он проснулся, он начал искать ее по всему дому, но так и не *мог найти*»).

В большинстве случаев при формулировании сложного предложения подростки устают к концу и не следят за формами употребляемых ими глаголов или используют аналогичные формы.

1.2. порядок слов («они решили… пойти… ээ… *на поиски в лес*»).

В 56% случаев встретилось нарушение в конце речевого высказывания, при этом, ему предшествовала пауза хезитации («…они решили… пойти… ээ… на поиски в *лес*»).

В 25% случаев – в конце предложения («они пошли в лес *искать его*»).

В 19% случаев сбою предшествовала пауза хезитации («пес… высунулся из окна *тоже*…»).

В большинстве случаев подростки используют неправильный порядок слов, т. к. строят достаточно длинное предложение, которое решают исправить / дополнить уже после произнесения большей части.

1.3. семантическое управление («олень *подхватил*… ээ… мальчика… *на свою… голову*»)

В 48% случаев сбой обнаруживается в конце предложения после паузы хезитации («мальчик увидел много веток, торчавшие *из-под… за камнем*»).

В 22% случаев – перед паузой («он посмотрел ээ… *под* всеми углами»).

В 22% – по аналогии с той конструкцией, которая уже употреблялась («Как-то раз мальчику подарили…» ⇒ «они искали везде:… и за камнем. *Как-то раз* из-за камня вылез олень…»).

В 7% – в конце («… и принялся *искать* свою лягушку *сквозь ветви*», «олень подхватил… ээ… мальчика… на свою… голову и побежал, *и* пес за ними»).

В большинстве случаев сбоям, возникающим в конце высказывания, предшествует пауза хезитации, что свидетельствует о затруднениях, существующих с семантическим управлением. Возможно, подростки просто еще не знакомы с теми или иными конструкциями, но если в начале – середине предложения они стараются выбрать знакомые конструкции, то к концу устают, что и вызывает сбои. Поэтому в ряде случаев они строят предложения с аналогичными словами, которые могут быть неуместны с точки зрения семантики.

1.4. синтаксический сбой в планировании ССП («олень уронил мальчика… ээ… в болото, *и*… сам пес упал туда же»).

В 56% – в конце после паузы («мальчик… подобрал собаку, *но* она его лизнула»).

В 44% случаев – после паузы хезитации («олень уронил мальчика… ээ… в болото, *и*… сам пес упал туда же», «… пчелы разозлились, мальчик… *искал* его в норе»).

Данный тип сбоя встречается, как правило, в конце, т. к. при построении сложного предложения подростки к концу утомляются контролировать его правильность, хотя пауза хезитации, которая предшествует ряду сбоев, говорит о попытках контроля.

1.5. формирование системы местоименных замен («пока мальчик звал… ээ… собака… у *нее* на голове была банка… такая… *они* искали *ее*… получилось… ээ… собака упала с окна и… мальчику пришлось спуститься за *ней* ну и спасти *ее*»).

В 47% случаев – в конце («и олень побежал к обрыву с мальчиком на *его* голове»).

В 34% – после паузы в конце высказывания («… увидели небольшую *семью* лягушат, *в котором* тут же нашли своего любимца»).

В 19% – после паузы («… они потерялись, но потом ээ… *его собака* нашла *его*»).

Как правило, такого рода сбои встречаются в конце, т.к. построив длинное высказывание, подросток может потерять субъект действия и выбрать иное местоимение для его замены. Но паузы хезитации могут сказать о попытках верной замены.

II. Сбои в лексике:

1) лексические замены («они решили… *выдвинуться*… на поиски», «та *ответила укусом*», «на *берегу* болота», «не смогли *ответить речью*»).

В 85% случаев – после паузы в конце (… они увидели… *скошенное* дерево) (причем, в 34% случаев замена обусловлена незнанием реалии, например, *скошенное дерево* – вместо бревно; *дупло* – вместо улей).

В 15% – после паузы (… за большим … *сломанным* деревом они увидели).

Как правило, сбои встречаются в конце, что говорит об утомляемости подростка, нежелании выбирать подходящую лексическую единицу. В целом, сбои характеризуются стремлением к упрощению речи. Хотя в ряде случаев наблюдается попытка обдумать употребление дальнейшей единицы.

1.1. повтор («*Та ответила укусом… та ответила… укусом*»).

В 38% случаев – после паузы («*Та ответила укусом… та ответила… укусом*», «погналось *целая… ээ… целая… целый рой* пчел»).

В 31% случаев повтор характеризуется использованием последнего слова для начала предложения («… они *заглянули* за старое дерево, которое валялось там неподалеку. *Заглянули* и увидели двух больших лягушек»).

В 27% – в конце после паузы («мальчик очень *раз... разочаровался*»).

В 4% случаев – в конце для уточнения («… и они упали в *болото*, небольшое *болото*»).

2) инерционность лексического выбора («вдруг из… ээ… *большого* камня появился *большой* олень… он выронил его с… *большого* обрыва», «Они *оказались* в болоте, собака *оказалась* на голове у мальчика»).

В 31% случаях подростки использовали одно и то же слово для окончания предыдущего предложения и начала нового («… ночью, *когда* они спали… *Когда* мальчик проснулся…»).

В 27% случаев – в конце после паузы («… *мальчик и его собака*… упали… с обрыва… э… *мальчик и собака* м… стали выбираться из болота»).

В 25% – перед паузой («но… нигде *не мог ее найти*… но он никак *не мог ее найти*»).

В 17% – в конце («Они *оказались* в болоте, собака *оказалась* на голове у мальчика», «у мальчика была *собака, собака* помогала ему»).

Итоги исследования

Проанализировав сбои, мы выяснили, что нарушения в речевом высказывании встречаются, как правило, уже в конце, после паузы хезитации, что свидетельствует о затруднении в планировании, и может быть вызвано утомлением подростка, его стремлением упростить речь: частыми были случаи построения предложений по аналогии с предыдущими (наибольшее количество построений по аналогии связано с инерционностью лексического выбора).

Также часто сбою предшествует пауза хезитации, выступающая показателем причины появления сбоя – затруднении в планировании высказывания. Максимальное число раз паузы предшествовали повтору (подросток задумывался над возможной заменой лексической единицы, однако в памяти всплывал реализованный недавно фрагмент).

Сбоев в середине, «на ровном месте», без явных признаков затруднения выбора (что могло бы сказать о наличии, например, афазии) нами не было выявлено. Что свидетельствует о формировании речевой способности, а не о ее разрушении.

Список литературы

Зеленина Е. В. О вариативности коммуникативных стратегий пятилетних детей // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2004. Вып. 6. Вариативность речевого онтогенеза. С. 42–46.

Овчинникова И. Г. Вариативность повествования в зависимости от нейропсихологических особенностей ребенка // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2004. Вып. 6. Вариативность речевого онтогенеза. С. 24–42.

Бутенко А. А.
Россия, Саратов

РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ В АКТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА (на материале произведений Т. С. Элиота)

Процесс становления и развития картины мира в сознании языкового коллектива и отдельной личности является одним из центральных вопросов, исследуемых различными лингвистическими дисциплинами (лингвокультурологией, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой, лингвостилистикой) в рамках современной антропоцентрической парадигмы. Особое внимание уделяется анализу овнешнения представлений о пространстве. Изучение, познание и приспосабливание пространства под свои нужды каждым отдельным народом играют важную роль в формировании его национально-специфической картины мира. Исследователи утверждают, что в основе познания мира человеком лежат именно пространственные восприятия и значения, на базе которых развилось в дальнейшем и осознание других типов связей предметов окружающей человека действительности [Lakoff 1987, Кубрякова 1997, Цивьян 1975].

Понятие пространства не связано напрямую с какой-либо языковой категорией. Е. С. Кубрякова подчеркивает, что существенность понятия пространства и его бытийной сути приводят к тому, что пространственные значения и значения пространственных отношений проходят фактически по всем частям речи [Кубрякова 1997], т. е. предлоги, наряду с полнозначной лексикой, концептуализируют действительность, отражают культуру и менталитет народа и тем самым участвуют

© Бутенко А. А., 2012

в формировании национальной языковой картины мира. С 80-х гг. XX в. активно развиваются новые подходы к изучению семантики пространственных предлогов: функциональный, психолингвистический, когнитивный. Неслучайно предлогам уделяется так много внимания, эта часть речи служит для выражения пространственных значений, которые являются концептами базового уровня. В большинстве работ исследуется семантика пространственных предлогов и их функционирование в составе языковой картины мира [Бороздина 2003, Пекар 2000]. Рассмотрим, как предлоги с обозначением пространственных отношений участвуют в реализации фрагмента картины мира автора – художественного концепта – на примере произведений Т. С. Элиота.

Художественная картина мира (ХКМ) – вторичное образование, опосредованное языком и индивидуальной картиной мира автора. Изучение ХКМ осуществляется посредством рассмотрения ее единиц – индивидуально-авторских концептов. В настоящем исследовании рассматривается индивидуально-авторский пространственный концепт ДОМ.

Когнитивные признаки (КП) художественного концепта овнешняются самостоятельными частями речи (существительными, прилагательными); данные КП образуют ядро и периферию. Лексико-грамматические средства языка с пространственной семантикой наряду с лексическими реализуют дополнительные когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта.

Методика анализа предлогов разрабатывалась многими учеными (см.: [Маляр, Селиверстова 1998, Пекар 2000]). За единицу анализа принимается микроконтекст с предлогом (предложное сочетание); описываются реализуемые предлогом отношения между локализуемым объектом (фигурой) и ориентиром (фоном). Когнитивные признаки, вербализуемые лексико-грамматическими средствами, делятся на две группы по признаку наличия или отсутствия перемещения в пространстве.

Когнитивный признак статического расположения в пространстве включает такие компоненты как:

- локализуемый объект;
- ориентир;
- расположение объекта относительно ориентира.

Вторая группа – когнитивный признак перемещения объекта относительно ориентира характеризуется следующими компонентами:

- (движущийся) локализуемый объект;
- направление движения;
- траектория движения (начальная точка, конечная точка);

- (позиция наблюдателя) ориентир.

Данные когнитивные признаки могут по-разному актуализироваться в художественных концептах: в фокусе внимания оказываются различные аспекты.

В рассматриваемом на материале поэтических произведений Т.С. Элиота концепте ДОМ признак статического расположения реализуют 67 предложных сочетаний с семантикой статики: 31 *in*, 21 *on/upon*, 4 *among*, 2 *along*, 4 *at*, 1 *beneath*, 1 *against*, 1 *beside*, 2 *behind*.

Среди **локализуемых объектов** (ЛО) выделяется группа с родовой семой «человек», в которую входят две подгруппы: «человек» и «люди»:

- человек (говорящий/лирический герой) (20): (Prufrock) «In the room the women come and go» (2);
- человек, представленный метонимиями (4): (Pr) «all the hands / That are raising dingy shades / In a thousand furnished rooms».

В предложных сочетаниях с семантикой статики можно выделить две группы **ориентиров**:

- составляющие дома, в основном комнаты (30): (PofL) «four wax candles in the darkened room»; (MatW) «They are rattling breakfast plates in basement kitchens»;
- предметы для чаепития, кухонная утварь (7): (Prufrock) «That lift and drop a question on your plate»; (Prufrock) «Among the porcelain»; «among the teacups»; (Prufrock) «Arms that lie along a table».

Компонент «**расположение ЛО относительно ориентира**» актуализуется в нескольких группах признаков:

- расположение ЛО внутри пространства, обозначенного ориентиром (сочетания с предлогом in) (31): (Prufrock) «In the room the women come and go» (2); (Ger) «an old man in a draughty house»; «stiffen in a rented house»;
- расположение ЛО (непосредственно) на поверхности ориентира (сочетания с предлогами on/upon) (21): (Prufrock) «Like a patient etherised upon a table»; (RWN) «Here is the number on the door»;
- расположение ЛО между/среди ориентиров (сочетания с предлогом among) (4): (Mr. App) «His laughter tinkled among the teacups»;
- расположение ЛО вдоль ориентира (сочетания с предлогом along) (2): (Prufrock) «Arms that lie along a table»; (Pr) «Sitting along the bed's edge»;
- расположение ЛО рядом с ориентиром (с одной из его сторон) (сочетания с предлогом at) (4): (RWN) «Put your shoes at the

door»; (MatW) «Morning at the Window»; (SwAmongN) «Sprawls at the window-sill»;

- расположение ЛО позади ориентира (сочетания с предлогом/наречием behind) (2): (Prufrock) «Shall I part my hair behind»; (RWN) «I could see nothing behind that child's eye»;
- расположение ЛО рядом / около ориентира (сочетания с предлогом beside) (1): (Prufrock) «here beside you and me»;
- расположение ЛО на фоне ориентира (сочетания с предлогом against) (1): (Pr) «The thousand sordid images / … / They flickered against the ceiling».

Всего представлено 8 различных видов статического расположения объекта.

Когнитивный признак перемещения в пространстве реализуется 16 предложными сочетаниями. Перемещение в пространстве ДОМА включает следующие характеристики.

Среди **ЛО** выделяются следующие группы:

- метонимические обозначения людей (3): «[arms] wrap about a shawl»; (Prufrock) «Skirts that trail along the floor»; (RWN) «eyes … / Trying to peer through lighted shutters»;
- предметы быта обитателей ДОМА (3): (Pr) «You tossed a blanket from the bed»; «You curled the papers from your hair»; (Prufrock) «Settling a pillow by her head».

Наиболее многочисленной группой ориентиров среди предложных сочетаний с семантикой движения являются существительны, обозначающие:

- составляющие ДОМА (7): (Prufrock) «Beneath the music from a farther room»; «turning toward the window»;
- предметы интерьера (2): (Pr) «You tossed a blanket from the bed»; (SwE) «Rises from the sheets in steam».

Наблюдаются также различные виды перемещения в пространстве ДОМА:

- движение с обозначенной траекторией (начальная точка) выражается сочетаниями с предлогом from (3): (Pr) «You tossed a blanket from the bed»; «You curled the papers from your hair»; (SwE) «Rises from the sheets in steam»;
- движение с обозначенной траекторией (конечная точка) – сочетаниями с предлогом to / towards (2): (Prufrock) «to lead you to an overwhelming question»; «to roll it towards some overwhelming question»; «turning toward the window»;
- перемещение ЛО рядом с ориентиром – сочетаниями с предлогами about, by, along (4): (Prufrock) «wrap about a shawl»; (Prufrock)

«Skirts that trail along the floor»; (Prufrock) «Settling a pillow by her head»;

- перемещение ЛО по/через ориентир through, across, between (3): (RWN) «eyes … / Trying to peer through lighted shutters»; (PofL) «With the smell of hyacinths across the garden»;
- перемещение ЛО между двумя ориентирами (сочетания с предлогом between) (1): (Pr) «the light crept up between the shutters».

Очевидно, что в пространстве ДОМА гораздо более значимым является статическое расположение локализуемых объектов, (67 единиц); автор использует 8 групп различных предлогов для обозначения местонахождения ЛО: «в/внутри», «на поверхности» «среди/между», «вдоль», «за/позади», «между», «около/рядом», «на фоне», «за/сзади».

Особенностью вербализации представлений о доме в английской национальной картине мира является то, что лингвокультурный концепт ДОМ является макроконцептом и состоит из двух тесно взаимосвязанных микроконцептов, репрезентированных лексемами HOUSE и HOME. Каждый из них обладает своим набором когнитивных признаков (КП):

- HOUSE: «здание, помещение», «здание для жилья или каких-либо других целей»;
- HOME: ядерные КП: «свой (чужой)», «место, где обитает семья», «постоянство», «надежность», «безопасность», «возможное начало и обязательная конечная цель любого путешествия»; периферийные КП: «доброжелательность», «уют», «комфорт», «личное пространство».

Художественный концепт ДОМ в ранней поэзии Т. С. Элиота становится диаметрально противоположным аналогичному концепту языковой картины мира. В национальном понимании дом – это свое, защищенное пространство (HOME), в то время как для лирического героя Т.С. Элиота дом предстает чужим, враждебным, недоступным местом, т. е. индивидуально-авторский концепт сохраняет лишь когнитивные признаки языкового микроконцепта HOUSE и содержит только универсальные черты, присущие концепту ДОМ в любой культуре, – это здание со стенами, полом, потолком. Когнитивные признаки национально-специфичного микроконцепта HOME (такие как «уют» и «комфорт») в структуре индивидуально-авторского концепта получают отрицательную коннотацию, становятся своей собственной противоположностью. Так, например, ЯКП 1 «составляющие части ДОМА» подчеркивает преобладание неодушевленных объектов в пространстве дома, отсутствие человеческого тепла и уюта. Элиотовский

ДОМ не помещение, где обитает семья, а некое здание общественного назначения, – гостиница, ночлежка, и т. д. ЯКП 2 «обитатели ДОМА» представлен не людьми, а их метонимическими обозначениями: это обезличенные руки, ноги, глаза, платья. ЯКП 3 «предметы для чаепития», на первый взгляд реализующий представления о традиционном пятичасовом английском чае, на самом деле отражает однообразие, рутинность, цикличность существования обитателей ДОМА. Следовательно, несмотря на кажущиеся совпадения в названиях КП художественного и языкового концептов, лексическое наполнение этих признаков в художественном концепте отражает их несостоятельность.

Предлоги с семантикой статики (67 единиц) актуализируют дополнительный когнитивный признак концепта ДОМ – «Статическое расположение в пространстве ДОМА», обозначающий стремление лирического героя задержаться, обжиться внутри ДОМА, ощутить уют и тепло домашнего очага, т. е. данный когнитивный признак перекликается с ядерными когнитивными признаками в составе национально-специфичного концепта HOME. Если когнитивные признаки художественного концепта, выраженные лексическими средствами, являются противоположными по смыслу аналогичным им когнитивным признакам в составе этнического, то признак, реализуемый лексико-грамматическими средствами, становится единственным совпадающим с признаком языкового концепта.

Список литературы

Бороздина И. С. Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2003. 19 с.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН, СЛЯ. т.55. 1997. №3.

Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках // Slavistische Beitrage. 1998. Bnd.362. Munchen: Otto Sagner, 1998. 345 с.

Пекар В. И. Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2000.

Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке, в кн.: Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago: Chicago University Press, 1987.

Список источников

Eliot T.S. Complete Poems and Plays 1909-1950. London, 1971.

Список сокращений

Prufrock – Love Song of Alfred J. Prufrock
Pr – Prelude
RWN – Rapsody on a Windy Night
MatW – Morning at the Window
PofL – Portrait of a Lady
SwE – Sweeney Erect

Гаранович М. В.
Россия, Пермь

ЯЗЫКОВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Традиционно одним из центральных объектов социолингвистики признается социальная дифференциация языка. Большая часть работ, посвященных проблеме дифференциации языка, скорее, констатирует наличие разных подсистем в национальном русском языке, нежели детально описывает каждую из них. Естественно, что такое описание невозможно без широкого обследования носителей языка этих подсистем, обеспечивающего получение достаточно надежного и репрезентативного материала. В подобном углубленном социолингвистически ориентированном изучении коммуникативно-значимыми являются профессионально и социально ограниченные подсистемы – профессиональные и социально-групповые жаргоны. Для современного состояния русского языка весьма характерны также языковые особенности различных групп людей, объединяющихся по общности интересов, хобби.

В современном мире процент городского населения неизменно возрастает, поэтому городская культура становится доминирующей. Однако в рамках городской культуры выделяются социальные общности, представляющие определенные субкультуры. Это не просто группы людей, объединенных по какому-либо социальному признаку – «профессии», «хобби» и т. д., но люди, для которых данный социальный признак стал основным при формировании стиля жизни и общения с окружающими.

© Гаранович М.В., 2012

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 11-04-00009а «Языковые субкультуры в структуре городской культуры».

Единой устоявшейся системы взглядов на явление субкультуры сегодня нет. Каждая наука понятие «субкультуры» интерпретирует и описывает с позиций своего предмета и своей методологии, поэтому в науке сформировался ряд наиболее распространённых подходов к изучению данного явления. Например, **синергетический подход** описывает взаимодействия субкультур как хаотически разворачивающийся процесс, при котором одни субкультуры усиливаются, а другие угасают. **Информационный подход** представляет образ субкультуры как сочетание социальных феноменов с информационными, где коллективное сознание формируется в процессе передачи информации от индивида к индивиду, а СМИ активно влияют на этот процесс. **Иерархический подход** интерпретирует культуру как иерархически организованную систему, в которой культуры высшего уровня развиваются по собственным законам, отличным от законов, по которым развиваются группы низшего уровня [Колесин 1999]. **Когнитивный подход** заключается в представлении о субкультуре как системе познавательных теоретических конструктов, сквозь призму которых воспринимается окружающая действительность [Соколов 1999]. Согласно концепции **социокультурной стратификации**, субкультура – это картина мира, общая для определённой большой группы людей [Слюсаревский 2002]. Именно различия в картинах мира порождают разнообразные субкультуры. Всё разнообразие субкультур в обществе интегрирует в единую культурную систему. Это лишь часть перечня существующих научных подходов к изучению субкультур.

Мы возьмем за основу классификацию субкультур, предложенную социологом Н. Н. Слюсаревским [там же 2002]. Составляющими субкультуры являются:

1) лингвистические особенности;
2) ценности;
3) стиль и образ жизни;
4) социальные институты;
5) процедурное знание (система знаний и навыки);
6) потребности и склонности.

Субкультура – сложное по своему происхождению, дифференциации и внутренней структуре явление. Поэтому, говоря о той или иной субкультуре, мы будем иметь в виду именно то социальное образование, которое формируется на основе вышеназванных признаков. А носителем субкультуры выступает та социальная группа, которая имеет культурные признаки, отличающие ее от других общностей.

Рассмотрим некоторые особенности, характеризующие субкультуру.

У представителей субкультур со временем вырабатывается свой язык. Наличие его позволяет говорить о самостоятельной субкультуре. **Лингвистическая составляющая** является одной из самых интересных сторон изучения субкультур. Именно посредством изучения языка участников субкультуры мы узнаем об их видении мира, ценностях, склонностях и потребностях.

Ценностью может быть любой объект – материальный или идеальный. Он служит фокусом стремлений, желаний групп или отдельных лиц. В субкультуре выбранные ценности присущи всей группе в целом и каждому индивиду в частности. Ценности можно разделить на две группы: 1) объект восхищения, идеал социального поведения который предопределяет поведение как индивида, так и группы в целом; 2) нормальное и правильное поведение, которое принято внутри субкультуры.

В рамках категории **стиль и образ жизни** можно говорить о таких компонентах, как социальные роли и статусы. Образ жизни индивида в культуре и субкультуре предполагает набор ролей в разных обстоятельствах.

Образ жизни – это социально-психологическая категория, выделяя которую, мы акцентируем внимание на субъективной стороне человеческой деятельности, мотивах, формах поступков, повседневном поведении индивида. Субкультура накладывает отпечаток на все сферы общения и деятельности человека, такие как труд, быт, общественная жизнь и культура поведения.

Составляющая **социальный институт** включает в себя такое понятие, как система норм. В культуре институт – это относительно устойчивые типы и формы социальной практики, в рамках которых организуется жизнь общества с социально устойчивыми связями. В субкультуре это частично реализуется, так как деятельность любого социального института определяется набором социальных норм и предписаний, регулирующих типы поведения. Субкультура может называться субкультурой в том случае, если ее формально-правовая база закреплена юридически, заявляет Н. Н. Слюсаревский [там же 2002]. Для получения официального статуса группы ее члены обозначают цель деятельности, функции для достижения этой цели, набор социальных ролей и статусов. Формально закрепленная структура дает возможность осуществлять социальный контроль внутри группы и успешно выполнять нормативные акты. В различных субкультурах есть свои способы упорядочения. В рамках этого возникают специфические для них институты, которые обнаруживают присущую им иерархию – например, организатор в игре.

Система норм участниками субкультур обычно не осознается, и обучение нормам происходит на примере реального поведения других членов группы. В ходе получения определенной социальной роли внутри группы и осознания обязанностей, предписанных ей, индивид осваивает **систему знаний и навыков**. Социальная роль в группе определяется при наличии определенных **склонностей** у человека, желания заниматься тем или иным видом деятельности. **Потребности** же складываются из-за нехватки чего-либо. Занимаясь какой-либо деятельностью внутри субкультуры, человек компенсирует эту нехватку. Игровые субкультуры строятся на принципе ухода из реальности и получения удовольствия в рамках того мира, который строится с другими участниками посредством определенного видения мира.

С позиции лингвистики, как нам кажется, субкультура отличается от доминирующей культуры города среди прочего специфическими «субъязыками», прежде всего – специфической лексикой. Посредством особого языка формируется и сохраняется языковая идентичность субкультурной группы в рамках единого социокультурного и языкового пространства. Субкультура – это прежде всего система норм и ценностей, отличающих группу от большинства сообществ. Ценности субкультуры не означают отказа от национальной культуры, принятой большинством, они обнаруживают лишь некоторые отклонения от нее.

Субкультуры, функционирующие в культурном пространстве г. Перми и Пермского края, чрезвычайно разнообразны. Отсюда вытекает и разнообразие языков и языковых вариантов, обслуживающих данные субкультуры.

Социолингвистические методы полевых исследований и анализа полученных данных (наблюдение за естественной речью и запись ее на цифровой диктофон; метод включенного наблюдения, предполагающий активное участие интервьюера; метод анкетирования; запись спонтанной речи и т. д.) позволяют создать базу данных «Лексикон представителей субкультур города Перми».

На сегодняшний день коллективом лингвистов Пермского государственного национального исследовательского университета собраны наиболее актуальные сленговые лексические единицы и проанализированы лексико-семантические объединения лексики, функционирующей в «языках» представителей различных субкультур Пермского края, а именно ролевиков, фанатов Формулы-1, торговых представителей дистрибьюторских компаний, любителей японской анимации, игроков онлайн-игр, участников ночных поисковых игр и др. На основе базы данных предполагается создание «Словаря сленговой лексики молодежных субкультур г. Перми».

На понятие «субкультура» также можно выйти через феномен «группового языкового сознания», которое отчетливо проявляется в сплоченных группах (общностях) – субкультурах: «Групповое сознание как интегральная характеристика любой более или менее организованной или очерченной общности существует объективно независимо от сознаний отдельных индивидов, обладает по отношению к ним принудительной силой и заставляет человека следовать нормам, принципам и правилам поведения своей группы» [Николаева 2004: 89]. Таким образом, формируясь в определенной социальной среде или культуре, человек одновременно формируется и в определенной субкультурной среде. Социальным, профессиональным, религиозным и иным группам, формирующимся на основе общности интересов (хобби, увлечение и т. д.), свойственно создавать свою собственную, отличную от других культуру, собственные знаковые системы (языковые коды), стереотипы мышления и стандарты поведения, которые становятся особенно очевидными при столкновении с другими культурами и субкультурами. Это несовпадение порождает культурные барьеры в коммуникации. Наиболее очевидные среди них – семантические барьеры, возникающие из-за языковых различий: представители различных субкультур могут говорить на одном языке, но не понимать друг друга из-за различий лексиконов и из-за смыслового наполнения используемых слов.

Приведем некоторые примеры субкультурного переосмысления лексических единиц, которые мы обычно можем встретить в городской коммуникации:

1) из лексикона ночных поисковых игр (***маньяк*** – человек, готовый броситься на поиски заветного кода куда угодно и когда угодно, даже в самых экстремальных для других участников условиях; ***пенсионеры*** – экипажи, которые приезжают на локацию, когда код сняли; ***мажорка*** – название Октябрьской площади. В игре – традиционное место старта для участников из-за удобства позиции, потому что она располагается в центре города; ***аборигены*** – местные жители района, где спрятан код);

2) из лексикона ролевиков (***маньяк*** – человек, приезжающий на полевую игру только для того, чтобы побиться на мечах, независимо от концепции игры и своей роли; отличается склонностью к немотивированному убиению всех встреченных; ***дивный*** – первоначально – самоназвание толкиеновских эльфов, в нынешнем значении – человек, не желающий принимать повседневную реальность и потому настойчиво декларирующий свою принадлежность к миру фантастическому, «заигравшийся»).

Очевидно, что коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом – языком субкультуры. Овладение социокультурным кодом субкультуры, на языке которого осуществляется коммуникация (общими для всех членов данного лингвокультурного сообщества знаниями и представлениями, хранящимися в его «когнитивной базе»), является основной задачей исследования, разрабатываемого коллективом пермских лингвистов под руководством Т. И. Ерофеевой в рамках проекта «Языковые субкультуры в структуре языковой культуры», нацеленного на изучение бытующих в рамках городской культуры г. Перми языков субкультур.

В целом необходимо отметить, что анализ составляющих и лексики субкультурных образований г. Перми показывает, что городская культура и субкультура, будучи неразрывно связанными, функционируют в едином культурно-языковом ареале города, являясь отражением стиля жизни, ценностей, поведения, стереотипов общества. Наличие субкультур не должно оцениваться отрицательно. Все эти культурные формации являются интеграционным целым единого культурно-языкового пространства и поэтому заслуживают пристального научного интереса со стороны культурологов и филологов. Использование элементов локально окрашенной речи, элементов сленга определенных субкультур в речи представителей единого культурно-языкового ареала не должно рассматриваться как «языковая неполноценность»: субкультуры не противопоставлены городской культуре, они являются равноправными составляющими языковой культуры города и обогащают ее новыми языковыми элементами.

Список литературы

Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. №1. С. 130–136.

Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 3. С.117–127.

Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход, 1999. URL: http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm (дата обращения: 16.03.2012).

Жданова Е. А., Белых А. А.
Россия, Ижевск

ЭНТОМОСЕМИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ (лингвогеографический аспект)[1]

В рамках работы над атласом русских говоров Удмуртии, которая осуществляется при помощи лингвогеографической информационной системы «Диалект»[2], ведется исследование слов тематической группы «Природа» методом лингвистической географии. Материалом послужила лексика, собранная на территории Удмуртской Республики по Программе собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров [Программа 1994].

В данной статье представлены результаты анализа лексико-семантической группы энтомосемизмов в русских говорах Удмуртии. Отметим, что результаты нашего исследования нельзя считать окончательными по причине недостаточной обследованности говоров интересующего нас региона. В настоящее время в распоряжении авторов статьи имеются данные о наименованиях насекомых, собранные в 16 населенных пунктах.

В подраздел «Животный мир» раздела «Природа» Программы собирания сведений для ЛАРНГ включено 18 вопросов, посвященных названиям насекомых. В результате анализа лексем, репрезентирующих на территории Удмуртской Республики эту группу наименований, выяснилось, что лишь некоторые из них представляют интерес для картографирования. Это обозначения, являющиеся ответами на вопросы № 01366 «Гусеница», №01367 «Мотылек», № 01370 «Пчела», № 01371 «Овод», № 01372 «Жук», № 01378 «Светлячок».

На карте, составленной на основании ответов на вопрос № 01366 «Гусеница», отражены различия корневых и аффиксальных морфем в названиях данного насекомого.

© Жданова Е. А., Белых А. А., 2012

[1] Работа выполнена при поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта «Лингвистическое и программное обеспечение исследования диалектного языка методами картографирования и лексикографии», грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук № МК-3121.2011.6.

[2] Лингвогеографическая система «Диалект» [Электронный ресурс]. URL: http://www.manuscripts.ru/dl. Ижевский государственный технический университет, Удмуртский государственный университет, 2005–2011.

По данным карты, на большей части территории Удмуртии используется общеупотребительное наименование *гУсеница*, а также однокоренные образования (*гУсеничка, гУсень*). Повсеместно распространенным оказывается также наименование *червЯк*. Употребление этого слова в качестве просторечного обозначения гусеницы отмечал еще В. И. Даль [Даль 1996 IV: 590]. В отдельных населенных пунктах на юге Удмуртии встречаются такие диалектные номинации, как *козЯвка* и *козЯва*. По данным СРНГ, употребление лексемы *козЯвка* в качестве обозначения гусеницы зафиксировано также в южноуральских говорах [СРНГ 14: 81]. Отметим, что такие наименования данного вида насекомых, как *гУсень* и *козЯва*, в СРНГ не представлены, что может свидетельствовать об их локализации исключительно на территории Удмуртской Республики.

На карте к вопросу № 01367 «Мотылек, маленькая ночная бабочка» представлены лексико-словообразовательные различия в наименованиях мотылька. Общерусское слово *мотылЁк* распространено на всей территории Удмуртии. Наряду с этой лексемой в том же значении на востоке республики зафиксировано образование *мотЫль* (*мОтыль*). Слово *мотЫль* в современном русском литературном языке является названием другого вида насекомого. Не зафиксировано такое наименование мотылька и в СРНГ, хотя В. И. Даль ставит наименования *мотыль* и *мотылек* в один ряд [Даль 1996 II: 351].

Этимологически родственная слову *мотылЁк* лексема *метелЁк*, зафиксированная в южной и центральной части Удмуртии, распространена также, по свидетельству СРНГ, в Вологодской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Пермской, Свердловской, Омской и других областях [СРНГ 18: 136].

На юге и востоке Удмуртии отмечено также наименование мотылька с другим корнем: *бАбочка* (*бАбучка*). Как видно из формулировки вопроса, обозначение *бабочка* является родовым для мотылька. Слово *бАбучка* ‘мотылёк’ зафиксировано в говорах Костромской области [СРНГ 2: 29].

На карте к вопросу № 01370 «Пчела» также представлены различия в корневых и аффиксальных морфемах. Общерусское слово *пчела*, реализующееся в говорах в виде вариантов *пчЕла/пчелА*, распространено на всей территории Удмуртской Республики.

На востоке Удмуртии наряду с этой лексемой отмечены суффиксальные наименования с производящей основой *мед-*: *мЕда, медовИца, медОвка, медовУха, медовУшка*.

Название пчелы *медовИца* зафиксировано в новгородских, олонецких и псковских говорах [СРНГ 18: 71]. Лексемы *мЕда, медОвка, ме-*

довУха, медовУшка, не отмеченные в СРНГ, могут считаться уникальными местными диалектными образованиями от общерусской основы.

Карта по вопросу № 01371 «Овод», в отличие от рассмотренных выше, демонстрирует прежде всего лексические различия в обозначении указанного насекомого. Данная карта показывает, что на большей части территории Удмуртии для наименования овода используются две лексемы: *Овод* и *паУт*, причем вторая преобладает. В селе Июльском Воткинского района отмечено суффиксальное образование *Оводень*.

На юге и востоке Удмуртии для наименования овода наряду с лексемами *Овод* и *паУт* используется слово *слепень* в различных акцентологических вариантах (*слепЕнь, слЕпень*).

В современном русском литературном языке лексемы *овод* и *слепень* обозначают разных насекомых: *овод* (лат. Gasterophilidae) – «двукрылое насекомое, личинки которого паразитируют на теле животных» [МАС II: 583], *слепень* (лат. Tabanidae) – «двукрылое насекомое, самка которого питается кровью животных и человека» [МАС IV: 135]. Слово *паут* представлено как областное обозначение овода [МАС III: 34].

В СРНГ все отмеченные в Удмуртии лексемы, являющиеся ответом на вопрос об оводе, зафиксированы как синонимичные обобщенные обозначения «жалящего двукрылого насекомого» [СРНГ 25: 283], употребляющиеся в северно-русских говорах. Территориально из общего списка выделяется только лексема *Оводень* (Брянская, Курская и Калужская области).

Таким образом, в данном случае на карте Удмуртии представлены лишь собственно диалектные энтомосемизмы, семантически отличающиеся от литературных, но не являющиеся локально распространенными, ограниченными лишь территорией Удмуртской Республики.

Карта к вопросу № 01372 «Жук» показывает противопоставление корневых морфем *жук- (жуч-)* и *бук-* в русских говорах Удмуртии. На карте не нашли отражения единичные, не подтвержденные примерами и не относящиеся к теме карты обозначения *гнус, кобылка, пискун, мошкара, насекомое*. В трех населенных пунктах собирателям не удалось получить ответ на данный вопрос программы.

Карта, представляющая отобранный материал, показывает, что в юго-западной части Удмуртии используется общеупотребительное наименование *жук* и суффиксальное образование от того же корня *жучИло*. В восточной части республики наименование жука представлено лексемами с корнем *бук-* (*букАшка, букАха, букАвица, букАва*). В СРНГ из перечисленных однокоренных лексем зафиксировано только

обозначение *букАха*, распространенное в Псковской и Смоленской областях [СРНГ 3: 261]. Соответственно, такие наименования жука, как *букАва* и *букАвица*, могут считаться уникальными местными дериватами.

Карта к вопросу № 01378 «Светлячок» является словообразовательной, так как все зафиксированные на обследуемой территории наименования данного насекомого имеют корневую морфему *свет-*: *светлячОк, светлЯк, светлИца*.

Как показала карта, общерусское слово *светлячОк* известно на всей территории Удмуртии. На юге и на востоке республики наряду с данной лексемой распространено наименование *светлЯк*. В г. Можга помимо названных обозначений зафиксирован энтомосемизм *светлИца*.

Отметим, что лексема *светлица* не представлена ни в Словаре В. И. Даля, ни в СРНГ, из чего можно сделать вывод о том, что это обозначение характерно только для диалектного языка данной местности.

Как показывает лингвогеографическое обследование энтомосемизмов, русские говоры южной и восточной части Удмуртии обладают определенным своеобразием. Составленные в ходе исследования карты демонстрируют противопоставление наименований, употребляющихся в южных и восточных районах, обозначениям, характерным для северо-запада республики.

Во многих случаях на территории Удмуртии употребляются общерусские названия насекомых либо энтомосемизмы, характерные для северно-русских говоров, к которым типологически принадлежат русские говоры данной территории. В некоторых случаях собирателями были зафиксированы энтомосемизмы, не отмеченные в других диалектах русского языка. Обычно это образования от общерусских основ, отличающиеся лишь морфемным составом. Таким образом, исследование материала, включающего наименования насекомых, позволяет говорить в первую очередь о морфемном и словообразовательном, а не о лексическом своеобразии данной тематической группы слов в русских говорах Удмуртии.

Список литературы с сокращениями

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.

МАС – *Словарь* русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.

Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: 1994.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л.–СПб.: Наука, 1965–2012.

Казанкова А. А.
Россия, Тамбов

О РЕГИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, В ОСНОВЕ КОТОРЫХ ЛЕЖИТ ОНИМ

Как известно, фразеологизмы – это устойчивые словосочетания или предложения, лексически неделимые и выполняющие функцию словарной единицы (лексемы) [Вендина 2001: 147]. Наряду со словарными фразеологизмами существует множество устойчивых сочетаний слов, обладающих смыслом и предполагающих интерпретацию, или возможность восстановления сведений о происхождении, которые имеют территориальные ограничения. Они не кодифицированы и «живут» лишь в устной речи. Считается возможным классифицировать их как диалектные фразеологизмы, либо более узким понятием – диалектные идиомы (фразеологические сращения – это семантически неделимые обороты, значения которых совершенно не выводимы из значений составляющих их компонентов) [Гируцкий 2003: 168]

Любая отдельно взятая местность, населенная людьми, имеет свои зафиксированные в живой речи выражения. Эти выражения, фразеологизмы вызывают ассоциации, уместные лишь в тех местах, где они либо созданы, либо куда они перенесены вместе с легендой об их появлении. На других же территориях такого рода выражения не будут фразеологизмами, а будут восприниматься жителями как обычные предложения или словосочетания.

В числе диалектных, или региональных, фразеологизмов хотелось бы выделить те, которые образованы с участием онимов. Часто эти сочетания отличаются колоритностью, понятной лишь местным жителям. Хотелось бы привести несколько примеров, взятых из устной речи жителей Жердевск7887ого района Тамбовской области (в скобках дано имя человека, от которого записан фразеологизмом):

Антипкин щенок – ‘насытившийся или переевший человек’. Антипом звали хозяина псарни, расположенной в деревне Кривенково, ко-

© Казанкова А. А., 2012

торый очень любил своих собак и всегда сытно их кормил (Гладышева А.Т.).

Бурьянская баба – ‘склочная женщина’. Жительницы деревни Бурьяновка любили ругаться по поводу и без него (Краева Л.М.).

Ваня с Кланей – ‘неразлучная парочка’. Супруги Иван и Клавдия из деревни Шпикулово везде и всегда ходили вместе и никогда не расставались (Гладышев В.М.).

Как в Чихачевке – ‘далеко’, о спрятанной вещи, которую приходится долго искать (Краева Л.М.).

Как из Чихачевки – ‘долго’. Чихачевка – дальняя деревня, расположена гораздо дальше всех остальных от Шпикуловского сельсовета, к которому принадлежит (Краева Л.М.).

Как в Мазаевой лощине – ‘о грязной дороге, по которой трудно или невозможно пройти, проехать’. После дождей через эту лощину, расположенную вблизи деревни Шпикулово, ни пройти, ни проехать – топь (Бурашникова Т.Н.).

Оделась как Саша Лентовская – ‘о некрасиво или не к месту одетой женщине’. В деревне Лентовке жила женщина Александра, которая всегда смешно одевалась (Краев А.М.).

Пора на Колобовку – ‘пора умирать’. В деревне Колобовка находится кладбище, на котором хоронят жителей всех близлежащих деревень (Писклова Т.Д.)

Как с Кургана – ‘о человеке, который не знает последних новостей’. Курган – дальняя по отношению к Шпикуловскому сельсовету, к которому относится, деревня в несколько домов, стоит обособленно (Семичева З.А.).

Хлеще Мучкапского – ‘умелец, на все руки мастер’. В селе Мучкап был мастер, который искусно выполнял различные работы (Костомарова А.В.).

Хозяйка Ивана Павловича – ‘женщина, которая любит указывать и командовать’. Жена инженера по строительству мостов из деревни Шпикулово отличалась именно этими чертами характера (Гладышева А.Т.).

Как видно из приведенных примеров, основную семантическую нагрузку во фразеологизмах несут онимы – с ними тесно связана история возникновения диалектного фразеологизма и именно он является его основой.

Из общего количества русских фразеологизмов, занесенных в словари, также можно выделить те, которые образованы при помощи онимов. Например, *выше Яшки косого, а Васька слушает да ест*. Если возникновение второго фразеологизма очевидно (источником послу-

жила басня И.А. Крылова «Кот и повар»), то восстановление этимологии первого уже гораздо сложнее. Кто такой Яшка? Откуда он? Отчего Косой? Часто это сочетание графически оформляют следующим образом: *выше яшки косого*. То есть имя Яшка уже переходит из разряда имен собственных в разряд имен нарицательных, что изначально отводит нас от попыток восстановления легенды этого фразеологизма; но все же мы провели некое «расследование» и нашли упоминание о косом Яшке в книге Юлия Самойлова «Хадж во имя дьявола»: «Яшка Косой был героем уголовных легенд» [Самойлов 2003: 26]. Таким образом, становится совершенно очевидно, что широко употребляемый фразеологизм родом из «криминального мира».

В отношении же региональных фразеологизмов практически не возникает подобных проблем: в большинстве случаев люди, пользующиеся ими, знакомы лично либо по рассказам с «действующими лицами» этих фразеологизмов. Поэтому восстановление истории, или легенды, его возникновения не составляет труда. Однако так можно рассуждать, пока подобный фразеологизм не приобрел широты употребления, как в примере с фразеологизмом *выше яшки косого*.

Когда региональный фразеологизм становится актуальным и понятным для людей иных территорий (диалектов), он получает шанс быть включенным в фразеологический словарь, но в таком случае существует вероятность того, что его первоначальная этимология исказится либо приобретет дополнительные смыслы. Именно поэтому крайне важно уделить своевременное внимание изучению диалектных фразеологизмов, ограниченных территориально, с целью сохранения их достоверной истории, а также изначальных значений.

Изучение диалектных фразеологизмов влечет за собой новые открытия и поправки к существующим знаниям. Исследования в этой области будут служить также хорошими вспомогательными материалами в школьном обучении детей тех районов и областей, на которых подобные фразеологизмы фиксируются. Исследования фразеологизмов, образованных при помощи имен собственных, чаще всего топонимов и антропонимов, – это исследования на стыке двух лингвистических дисциплин – фразеологии и ономастики. Это довольно перспективное направление, в его рамках можно, к примеру, наблюдать тенденции формирования диалектных фразеологизмов в устной речи определенной территории на протяжении нескольких поколений. Еще очень важно отметить, что региональные фразеологизмы закрепляют в себе плоды сосуществования языка и культуры определенных территорий и позволяют проследить их взаимосвязь в хронологическом аспекте.

Список литературы

Вендина Т.И. Введение в языкознание. Учеб. пособие для педагогических вузов. М.: Высшая школа, 2001. 288 с.

Гируцкий А.А. Введение в языкознание. Учеб. пособие. М.: Тетра-Системс, 2003. 288 с.

Самойлов Ю.С. Хадж во имя дьявола. Хайфа, 2003. 224 с.

Карзенкова Е. П.
Россия, Пермь

ДИСКУРС БЛИЗКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ФЕНОМЕН РЕВНОСТИ

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистической науки дает возможность и импульс к изучению все новых объектов и их аспектов. **Чувственная составляющая коммуникативного сознания индивида** и есть тот новый объект, который в последние десятилетия попал под пристальное внимание не только психологов, философов и литературоведов, но и языковедов (например, представлены в литературе лингвистическая теория эмоций [Шаховский 1990; 2008; 2011]; лингвокультурные концепты «ревность» [Юшкова 2001, 2003], «любовь» [Балашова 2005; Воркачев 2007; Петров 2010; Тананина, 2008]; способы выражения любви в художественной речи [Барт 1999], в эпистолярном жанре [Салимовский 2003; Карзенкова 2010] и дружбы [Карзенкова 2011а, Карзенкова 2011б]). Это связано с тем, что «порождение текста – это решение прежде всего **эмоциональной и мыслительной задачи**, а уже потом лингвистической» [Дридзе 1980] и с тем, что трансляция и восприятие чувств весьма значимы в общении, особенно в личностно ориентированных отношениях [Леонтьев 2008]. Природа такого рода отношений «существенно отличается от природы общественных», а «их важнейшей специфической чертой» является «**эмоциональная основа**» [Андреева 2009: 72]. При этом **чувства** (эмоции), вокруг которых и на фоне которых развивается жизненный сценарий человека, являясь важной частью сознания коммуниканта и способом его адаптации к различным ситуациям, не могут считаться абсолютными в их «отрицательности» или «положительности». Все

© Карзенкова Е. П., 2012

зависит от того, препятствуют или способствуют они «ситуативной» адаптации личности [Изард 2002; Арнольд, Гассон 2008: 206–207]. Поэтому будет уместным вслед за Г.М.Андреевой разделять чувства и эмоции на **дизъюнктивные** (разъединяющие) и **конъюнктивные** (способствующие сближению и объединению) [Андреева 2009: 73].

Ревность, как и любое внутреннее переживание, «язык трактует своими специфическими средствами и способами, описание и классификация которых составляет особую и весьма сложную задачу» [Юшкова 2001]. В данной статье делается попытка описания *ревности* **как коммуникативно-речевой субкатегории**, то есть составляющей (резидента) двух коммуникативно-речевых категорий *любви* и *вражды*. Под коммуникативно-речевой категорией мы понимаем «потенциальную систему коммуникативных средств, используемых при создании текста в какой-либо типовой ситуации речевого взаимодействия» [Карзенкова 2011а: 89]. Феномен ревности объединяет, казалось бы, несоединимое: любовь и вражду. Это объясняется тем, что в реальной жизни – *от любви до ненависти* всего *один шаг.*

Представляется возможным рассмотрение коммуникативно-речевой субкатегории *ревность* (как и коммуникативно-речевых категорий) **в трех аспектах: рефлексивном** (аспект сущностей – понятий, концептов), **духовном** (аспект ценностей, их значимости для духовной культуры), **бытийном** (не как предписывается, а «как на самом деле делается») (см. аспекты изучения коммуникативных категорий: [Стернин 2000, 2005; Стернин, Шилихина 2001]).

От того, какого рода чувства (эмоции) преобладают в ежедневной практике индивида (и от их напряженности), зависит уровень его эмоционального интеллекта (EQ) и физического здоровья. Некоторые переживания (состояния) выступают причиной физических недомоганий и даже серьезных заболеваний [Штерн 2003: 195–196]. К причинам такого рода исследователи относят часто испытываемые и вызывающие агрессию состояния вины, страха, зависти, раздражения, ревности и др. [Изард 2003; Ланге 2008]. Поскольку «есть основания считать **внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью**, какая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития» [Лоренц 2008: 409], изучение (и объяснение) феноменов враждебного дискурса, в частности, дизъюнктивной коммуникативно-речевой категории *вражды* и ее субкатегорий (зависти, ненависти, ревности) приобретает дополнительный смысл для исследователя коммуникации как процесса общения людей. В этом и состоит **духовный аспект** субкатегории *ревность*. А каков **рефлексивный аспект** этой субкатегории? Описывая происхождение

и природу аффектов, Б. Спиноза считает *ревностью* «колебание души, **возникшее вместе и из любви, и из ненависти**» [Спиноза 2008: 51]. Причем сила ревности тем больше, чем большим «было удовольствие, которое ревнивец обыкновенно получал от взаимной любви любимого им предмета» [там же]. М. Прадин объясняет возникновение «досады, ревности… зависти» в любовных отношениях тем, что «желанный объект может... оспариваться у нас кем-либо» [Прадин 2008: 169]. Ревность признана одним из самых сильных факторов, разрушающих любовные отношения; «это подозрительное отношение к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности» [Ильин 2007: 345]. Однако если б ревность не считалась резидентом любви, любовные отношения заканчивались бы, практически не начавшись. Обратимся к экскурсам рефлексивного аспекта и далее, при анализе бытийного уровня субкатегории.

В качестве материала (источника для характеристики субкатегории *ревность* **на бытийном уровне)** нам послужит опубликованная переписка А.С. Пушкина с Н.Н. Гончаровой, Ф.М. Достоевского с А.Г. Достоевской, А.П. Чехова с Л.С. Мизиновой, В.В. Маяковского с Л.Ю. Брик (см.: список источников). В любовных письмах есть прямые **признания** в ревности: *Милый мой, я очень ревнива*! (А.Г. Достоевская) и под. Однако чаще ревность может быть выражена с помощью прямых **просьб-сообщений** о беспокоящих адресанта ситуациях-поводах для ревности: *Пожалуйста, не женись всерьез* (Л.Ю. Брик); <…> *мой ангел* <…> ***не выходите замуж*** *за г-на* … (А.С. Пушкин). Способом выражением ревности выступают и открытые **описания** вызывающих ревность **ситуаций**, не содержащие прямых просьб, напр., (реальной): *Когда я* ***начала читать о*** *40-летней* ***даме*** *(но которой кажется 25),* ***у меня заныло сердце****. Но потом была рада, что Ты ее выбранил* (А.Г. Достоевская); («нашептанной»): <…> *меня уверяют, что* ***ты страшно влюблен и обязательно женишься;*** <…> ***к Оксане*** *ты в мое отсутствие* ***приставал*** *так же, как и ко всем остальным женщинам (она сама мне рассказала)* (Л.Ю. Брик); (воображаемой): <…> *мне известны со всеми подробностями все твои* ***лирические делишки*** (Л.Ю. Брик) (подробности в последнем случае не описаны, есть только намек!).

Анализируя многие источники, Е.П. Ильин, в частности, пишет о том, что ревность обусловлена страхом «в связи с реальным или **воображаемым соперником**» [Ильин 2007: 345]. Сделаем акцент на сопернике «воображаемом», потому что ревность нередко основывается на домыслах, фантазиях, ибо воображение начинает играть важную, если не важнейшую, роль, тогда оказывается, что «воображение силь-

ней соображения» (А. Эйнштейн: *Imagination is more important than knowledge...*); воображение оказалось сильней реальности [Эриксон 2000]. Так, ревнивица верит сведениям «с чужих слов», не задумываясь об их истинности: ***она*** *сама мне сказала; ты* ***в мое отсутствие*** *приставал;* ***меня уверяют****, что ты* (Л.Ю. Брик) и под. Чувство ревности преследует ревнивицу и во сне: *Ты мне сегодня всю ночь снился, что ты живешь с какой-то женщиной, а она тебя ужасно ревнует, и ты боишься ей про меня рассказать* (Л.Ю. Брик). При этом показательной является приписка (ссылка на нездоровье), которую можно признать сомнением в реальности повода для ревности: *Если б не жар – не написала бы* (Л.Ю. Брик).

На первый взгляд, завуалировано (но с долей сарказма) ревность выражается в случае, если ревнивцем проявляется словесная агрессия в отношении поклонников или предполагаемых соперников, которые могут находиться рядом с возлюбленной, когда сам ревнивец разлучен с ней. Такого рода выражение ревности встречается, напр., в письмах А.П. Чехова. Сначала он, притворно забывая фамилию, по созвучности «приписывает» поклоннику кличку коня Александра Македонского: *поезжайте на Алеутские острова, я достану бесплатные билеты Вам и Вашему Барцалу****, или Буцефалу – забыл его фамилию*** (А.П. Чехов). Затем, даже не вспоминая настоящей фамилии; адресант откровенно презирает или желает поклонникам «всего самого недоброго»: *Скажите* ***Буцефалу****, что я* ***чихаю на его поклон***; ***чтобы Трофим*** *(Trophim), женившись на Вас,* ***заболел*** *желтухой, нескончаемой икотой и судорогой в правой щеке* (А.П. Чехов). А позже; играя собственными (*г-на Трофимова* называет *Трофимом*) и нарицательными (*Прыщикова* не существует в реальности) именами, бравирует показной радостью по случаю предполагаемой кончины самóй возлюбленной: *Если Вы умрете, то Трофим (Trophim) застрелится, а Прыщиков заболеет родимчиком. Вашей смерти буду рад только один я* (А.П. Чехов).

Находясь «на расстоянии письма», влюбленным трудно не ревновать, ибо **страх потери «любви** (и всего, что связано с нею)», который, **соединяясь с гневом**, при бесплодных попытках «вернуть внимание, любовь и связанное с ней чувство безопасности», **рождает ревность** [Изард 2002: 422]. А так как «ревность – это искусство причинять себе гораздо больше боли и зла, чем другим» (как писал, А. Дюма-сын), она разрушает и самого ревнивца, который делается мнительным, настороженным, обеспокоенным, саркастичным, гиперболизируя дизъюнктивную составляющую любви, не может безболезненно адаптироваться к ситуации разлуки, не может скрыть ревности и

пишет о ней. И если закон «ревнует, значит, любит» не срабатывал бы, то любовные отношения оказывались бы разрушенными гораздо чаще, чем это происходит в реальности…

Список литературы

Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009. 364 с.

Арнольд М. Б., Гассон Дж. А. Чувства и эмоции как динамические факторы интеграции личности // Психология чувств / сост. В. К. Вилюнас / пер. В. К. Вилюнаса. М.; СПб. Питер, 2008. С.197–209.

Балашова Е. Ю. Концепт «любовь» в русском и американском языковых сознаниях: светский и религиозный христианский дискурсы // Жанры речи: Жанр и концепт. Саратов: Изд. центр «Наука», 2005. С. 317–336.

Барт Р. Фрагменты речи влюбленных. М.: AdMarginem, 1999. 432 с.

Воркачев С. Г. «Любовь» как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.

Изард К.Э. Психология эмоций. М.; СПб.: Питер, 2002. 464 с.

Ильин Е. П. Ревность // Ильин Е. П. Эмоции и чувства. М.; СПб.: Питер, 2007. С. 344–350.

Карзенкова Е. П. Коммуникативно-речевая категория «дружба» // Вестник Перм. ун-та: Российская и зарубежная филология. 2011, Вып. 2(14). С. 89–94.

Карзенкова Е. П. Коммуникативно-речевая категория дружбы и языковые функции Р.Якобсона (на материале писем В. К. Кюхельбекера и В. Б. Шкловского) // Современные тенденции в теории синтаксиса и коммуникации. Пермь: изд-во Пермск. ун-та, 2011.С. 84–92.

Карзенкова Е. П. Коммуникативно-речевая категория «любовь» как суггестивно-магическое пространство // Проблемы динамической лингвистики: Матер. междунар. научн. конф., посвященной 80-летию проф. Л. Н. Мурзина / отв. ред. В.А. Мишланов. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2010. С. 283–291.

Ланге Г. Гнев и ярость // Психология эмоций / сост. В.К. Вилюнас. М.; СПб.: Притер, 2008. С. 118–131.

Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл; AKADEMiA, 2008. 368 С.

Лоренц К. Агрессия // Психология чувств / сост. В.К. Вилюнас. М.; СПб.: Питер, 2008. С.406–431.

Петров А. В. Вербализация концепта «любить» словообразовательными средствами (на материале композитов русского языка) // Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych / Red.E.Koriakowcewa. Siedlce, 2010. С. 223–235.

Прадин М. Чувства как регуляторы // Психология чувств /сост. В.К. Вилюнас / пер. Е.Ю. Патяевой. М.; СПб.: Питер, 2008. С.165–177.

Салимовский В. А. Любовь в речевом выражении // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Изд-во УИЦ «Колледж», 2003. С. 302–309.

Спиноза Б. О происхождении и природе аффектов // Психология эмоций / сост. В.К. Вилюнас. М.; СПб.: Питер, 2008. С. 42–56.

Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С.4–20.

Стернин И. А. Толерантность в речевом общении // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллектив. монография / под общ. ред. Н.А. Купиной, М.Б. Хомякова. Екатеринбург: изд-во: Екатеринбург. ун-та, 2005. С. 324–337.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Истоки, 2001, 136 с.

Тананина А. В. Я тебя люблю: Выражение чувств и эмоций в русской речи. М.: Златоуст, 2008, 108 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008, 416 с.

Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: Изд-во Волгоград. пед. ин-та, 1990. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml. (дата обращения: 04.05.2012).

Шаховский В. И. Речь вокруг нас: эмотивная лингвоэкология // Стратегия России, 2011, №2 (февраль). URL: http://sr/fondedin.ru/new/fullntws.php&subaction=showfull&id=129 (дата обращения: 26.01.2012).

Штерн А. С. Введение в психологию: Курс лекций. М.: Моск. психолого-соц. институт; Флинта, 2003.

Эриксон М. Стратегия психотерапии. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 2000, 512 с.

Юшкова Н. А. Концепт ревность в художественной картине мира Ф.М. Достоевского // Житниковские чтения: Межкультурная комму-

никация в когнитивном аспекте: Матер. Всеросс. научн. конф. Челябинск, 2001. С.198–199.

Юшкова Н. А. Концепт «ревность» в художественной прозе Ф.М. Достоевского: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2003. 19 с.

Список источников

Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л.: Наука, 1979.

Переписка А. П. Чехова в 2-х т. М.: Художественная литература, 1984. Т.2. 439 с.

Пушкин А. С. Письма к жене. М.: Захаров, 2005. 253 с.

Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего: Переписка В. В. Маяковского и Л. Ю. Брик 1915–1930 гг. М.: Книга, 1991, 270 с.

Кульгавова Л. В.
Россия, Иркутск

ЭТИМОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ МИНИ-ОЧЕРК О СЛОВЕ *FLAPPERS*

Прежде чем рассматривать этимологические версии слова *flapper*, приведем краткую характеристику флэпперов как молодежного течения.

В 1920-е гг. в США появилось новое течение – флэпперы (flappers). Флэпперши были молодыми эмансипированными девушками, бросившими вызов миру своим ярким и вызывающим макияжем (густо обведенные глаза, красная помада), интересом к мужским хобби. Они переняли такие считавшиеся традиционно мужскими привычки и занятия, как курение, распитие спиртных напитков и вождение автомобиля. Они сидели на диетах, любили веселье и танцы, например чарльстон и фокстрот. Резко укоротившиеся платья, а также волосы в погоне за красотой, воплощавшейся в коротких стрижках «боб» и «паж», способствовали этому увлечению. Майский выпуск «Атлантик Мансли» от 1920 г. сообщил о том, что флэпперы танцуют под «варварский визг странных инструментов, и вот вам уже кажется, что перед вами маскарад в сумасшедшем доме» [Модники двадцатых годов: эл. ре-

© Кульгавова Л. В., 2012

сурс; Чарльстон: эл. ресурс]. Подобный образ жизни стал прототипом стиляг будущего.

Емко и ярко имидж флэпперов запечатлен в книге Т. Далзелла «Flappers 2 Rappers: American Youth Slang»: «A vivid image of the Flapper is firmly fixed in our collective cultural memory – the shocking and wild, bootleggin-drinking, cigarette-in-holder-smoking, necking and swearing, Charleston-dancing jazz baby; the short-haired or bobbed-hair young girl with a defiantly boyish figure, a fringed skirt, and stockings rolled and bunched below the knee as brazen witness to the fact that – gasp – she wore no corset» (Яркий образ Флэпперши прочно закрепился в нашей коллективной культурной памяти – шокирующая и безнравственная, пьющая бутлегерское спиртное, курящая сигареты в мундштуке, обнимающаяся и сквернословящая, танцующая чарльстон джаз-бэби; юная девушка с короткими волосами или стрижкой в стиле «боб» с подчеркнуто мальчишеской фигурой, юбкой с бахромой, с закатанными ниже колен чулками как дерзкое свидетельство того – ох! – что она не носила корсета) [Dalzell 1996: 8].

В довершение необычного образа флэпперы использовали модные слова и выражения, которые сами и создавали. Богатая, не обремененная заботами о хлебе насущном молодежь того времени играла с языком, придумывая забавные слова и выражения. При этом молодые люди не ставили перед собой серьезных содержательных задач. Они просто пытались развлечь себя и собеседника, реализовать чувство юмора, иронию, старались не быть скучными. Созданные ими лексические единицы охватывали различные тематические сферы. Сегодня большинство из этих единиц относится к устаревшей лексике. К выражениям, пережившим своих создателей, можно отнести некоторые сочетания с зоонимами. Флэпперы для передачи идей высшего качества, отличительности придумывали выражения, в состав которых входили наименования животных и наименования частей тела или особенностей анатомии, реже – наименования предметов одежды, например (из перечисляемых в настоящее время употребляются только первые четыре): *the cat's whiskers* (кошачьи усы), *the cat's pajamas* (кошачья пижама), *the cat's meow* (кошачье мяу/мяуканье), *the bee's knees* (колени пчелы), *the bullfrog's beard* (борода лягушки-быка), *the elephant's adenoids* (аденоиды слона), *the kipper's knickers* (бриджи лосося-самца), *the pig's wings* (крылья свиньи) и т. п. Юмористический эффект достигался за счет абсурдности «буквального» значения (выводимого из прямых значений сочетающихся слов), а также ненаблюдаемости, необычности или эпатажности описываемых референтов. Именно эти концептуальные признаки и послужили основанием для переносного,

ставшего основным, значения исключительности, высшего качества. Эффект комичности усиливался аллитерацией, ассонансом и рифмой. Таким образом, во многих из этих выражений реализовался тот сложный тип языковой игры, который объединяет игру со смыслом с игрой со звуком (более подробно об этом см.: [Кульгавова 2012]).

Нечто подобное наблюдаем и в самом слове *flapper*, имеющем гипотетическую этимологию. *Flapper* относится к словам, которые имеют настолько спорное происхождение, что порождают множество интерпретаций, в том числе из серии народной этимологии. Вместо этого термина некоторые ученые употребляют выражения «ложная этимология» или «наивная этимология». Народная этимология – это не обязательно «этимология, возникшая в народе», а такая этимология, которая опирается не на научные данные, а на случайные сопоставления, вызванные, к примеру, простым созвучием слов.

Рассмотрим различные версии, объясняющие использование слова *flapper* по отношению к юным созданиям-американкам 1920-х гг., независимым от традиционных устоев. В происхождении этого слова, образно выражаясь, запутан целый «клубок» смыслов. Дж. Эйто высказался по этому поводу так: «The antecedents of the word are not easy to disentangle» (Прошлое этого слова нелегко распутать) [Ayto 2007: 64]. Какую из нижеприводимых интерпретаций предпочесть – каждый исследователь решает для себя сам.

Юную девушку называют *flapper* потому, что она подобна недавно оперившемуся птенцу дикой утки, который хлопает крыльями (flaps its wings), но еще не может летать, в том смысле, что она пытается вести себя как женщина, но таковой пока не является. Этот термин поначалу употреблялся только по отношению к девушкам, слишком юным, чтобы забеременеть [Almond 1995: 95−96].

По мнению авторов словаря «New Dictionary of American Slang» (1986), ассоциация между хлопаньем крыльями у птенцов и движеньями рук в танцах флэпперов тоже могла лечь в основу современного значения [Hendrickson 2004: 265].

Сложную версию диффузного слияния значений выдвигает К. Карвер [Carver 1991: 240−241]. Во-первых, он принимает во внимание раннее значение слова *flapper* – «a young wild duck or partridge» (молодая дикая утка или куропатка), на основе которого развилось переносное значение «a young girl» (юная девушка). Интересно отметить, что в британской и американской лингвокультурах уже были прецеденты называния молодых женщин «птичьими» словами – *bird* (птица) и *chick* (птенец; цыпленок) соответственно. Во-вторых, вполне возможно также, что *flapper* 1920-х гг. происходит от слова *flapper* «a

young prostitute» (молодая проститутка), образованного в свою очередь от *flap* «a girl or young woman of loose character» (распущенная девушка или молодая женщина), до сих пор употребляющегося в диалектах на севере Англии. Это метафорическое развитие более раннего смысла «something that hangs loose» (что-то свободно висящее). Изначально *flap* является звукоподражательным словом, имитирующим звуки хлопанья, шлепанья, колыхания. Как предполагает К. Карвер, смыслы «a young duck» и «a young prostitute» слились в 1920-х гг. в одно значение «an unconventional young woman who is forward and flighty» (чуждая условностей молодая женщина, развязная и ветреная), применимое к феномену флэпперского движения.

Однако Дж. Эйто, тоже придерживаясь версии семантического синкретизма, диффузности, первое значение связывает не с «птичьими» смыслами, а с прическами подростков и девушек: их волосы еще не убраны в прическу («put up»), а «колышутся» распущенные или в косичке («flapped» around – either unrestrained or in a pigtail») [Ayto 2007: 64].

Поскольку *flapper* – слово с гипотетической этимологией, это создает почву для различных интерпретаций из серии народной этимологии и любительских заметок. Так, по одной из таких версий, происхождение названия ведется от «колыхания» и «трепетания» фалд фрака, так как в те времена очень любили наряжаться и танцевать. Еще в одной связанной с одеждой версии, приводимой Р. Хендриксоном, учитывается хлюпающий (точнее, хлопающий) звук незастегнутых галош, надеваемых поверх туфель для предотвращения их намокания во время непогоды, как одной из модных тенденций Ревущих Двадцатых Годов (The Roaring Twenties) [Hendrickson 2004: 265]. Следует отметить, что смыслы звукоподражательности так или иначе присутствуют (хотя бы опосредованно) в предлагаемых версиях.

Еще одна версия связана с фильмом «The Flapper» («Птенчик») со знаменитой актрисой Олив Томас (Olive Thomas), который вышел на экраны в 1920 г. Название подразумевало прозвище юной героини, принадлежавшей послевоенному поколению, не отличавшемуся моральной устойчивостью и пуританскими нравами.

Очевидно, что этот фильм скорее популяризировал уже вошедшее в обиход значение, чем выступил как источник его происхождения.

Список литературы

Кульгавова Л. В. Про кошачьи усы и пчелкины коленки (Лингвокультурологические мини-очерки об английских выражениях). Иркутск: ИГЛУ, 2012. 79 с.

Модники двадцатых годов // Компост. URL: http://www.kompost.ru/1920-e.html (дата обращения: 10.08.2010).

Чарльстон // Школа танцев Dancelovers. URL: http://dancelovers.ru/471-charlston.html (дата обращения: 10.08.2010).

Almond J. Dictionary of Word Origins: A History of the Words, Expressions, and Clichés We Use. New York: Citadel Press. Kensington Publishing Corp. www.kensingtonbooks.com, 1995. 286 p.

Ayto J. A Century of New Words. Oxford: Oxford University Press, 2007. 250 p.

Carver C. M. A History of English in Its Own Words. New York: HarperCollinsPublishers, 1991. 275 p.

Dalzell T. Flappers 2 Rappers: American Youth Slang. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, Incorporated, 1996. 256 p.

Hendrickson R. The Facts On File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. New York: Checkmark Books. An imprint of Facts On File, Inc., 2004. 822 p.

Нечаева Л. С.
Россия, Пермь

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ КАРТЫ ДЛЯ ЛАРНГ (на материале карты Л171 СЫРОЕЖКА)[1]

Цель настоящей статьи – кратко охарактеризовать наименования гриба сыроежка в русских говорах и продемонстрировать основные принципы составления лингвогеографической карты для «Лексического атласа русских народных говоров» (далее – ЛАРНГ) на примере данной группы лексики.

Материал исследования представляет собой фрагмент картотеки ЛАРНГ, хранящейся в словарном отделе Института лингвистических исследований РАН. Отметим, что источниками материалов для Атласа служат материалы полевых исследований, а также региональных картотек и словарей. Хронологической границей принято считать 60-е годы XX в. Картотека ЛАРНГ продолжает пополняться и по сей день [ЛАРНГ 2004: 18].

© Нечаева Л. С., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, № 12-34-01043а1).

Карточки содержат ответ на вопрос номер 171 «Названия гриба сыроежка» из Программы собирания сведений для ЛАРНГ по теме «Растительный мир». Обязательными элементами записей на карточках являются заголовочное слово с ударением, номер вопроса и номер административного района. Карточка может также содержать уточняющее значение, например ‘сыроежка красного цвета’, контекст, в котором употреблено заголовочное слово, дату записи и название населенного пункта, в котором она была сделана. Некоторые карточки могут содержать сразу несколько названий, фиксируемых на данной территории. В наших материалах содержится около 190 лексем.

Отметим, что в справочной литературе (главным образом, энциклопедиях, как электронных, так и печатных) дается следующее определение гриба сыроежки: сыроежка – это род пластинчатых грибов семейства Сыроежковые, который объединяет до 750 видов, известных под общим названием «сыроежки». Основной признак рода Сыроежка – это своеобразная структура мякоти – не волокнистая, от того – ломкая и крошащаяся. Кожица на шляпке может быть разнообразно окрашена, например, она может быть белой, зеленоватой, синей, лиловой, желтой, бурой, розовой, красной, пурпурной, серой и т. д. [Энциклопедия продуктов питания эл. ресурс; Макарова 2009].

Сразу оговорим следующее: несмотря на то что сыроежка – это род грибов, включающий в себя различные виды (сыроежка бледноохристая, сыроежка болотная, сыроежка буреющая, сыроежка синезеленая и др.), на нашей карте родовые и видовые названия никак не разграничиваются из-за недостаточности или отсутствия иллюстративных материалов.

В основе номинации лексических единиц, называющих гриб сыроежка, могут лежать следующие мотивировочные признаки:

1) **Способ употребления в пищу:** литературная единица *сыроéжка* и ее диалектные фонетические и словообразовательные варианты: *сыроéжек, суруéжка, сыроéга, сыровéга, сыровéжка, суроéга, суровéга, суровежка* и др., а также лексемы *мочéник* и *отварýшка.*

2) **Вкусовые качества:** единицы *горькýшка, горькýха, горя́ха, горя́шка, горя́шинка, горя́нка* и др. дериваты с корнем *-гор-*, а также лексема *слатýшка* и лексемы с корнем *-солод-*: *солода́ха, солодя́ха, солода́шка, солодя́жка, солодя́га, солодо́к*, мотивированные прилагательным *солóдкий* – в значении ‘сладкий’. По данным этимологических словарей, это прилагательное восходит к праслав. *soldъ-kъ ‘сладкий’ [Фасмер 3: 713]. Подтверждение находим в наших материалах: *Солодяги-то можно жарить, они сладкие такие* (Верховаж., Волог.).

3) **Цвет.** Прилагательными, называющими цвет, мотивируются такие единицы, как *синя́вка, голуби́ца, красну́ха, красну́шка, желту́шка, желту́ха, зелену́шка, зелену́ха, беля́нка, беляни́ца, беля́ночка, серу́ха, серу́шка, серя́нка* и др.

4) **Место произрастания.** Как известно, некоторые виды грибов тяготеют к определенным породам деревьев. Это нашло отражение в лексемах, мотивированных названиями пород деревьев и кустарников, таких как *ольхова́тик, подольхова́тик, подоре́шник, подоре́ховка.*

К этой же группе можно отнести единицы, мотивированные лексемами *путь, дорога*: *попу́тка, попу́та, пу́тник, пу́тик, подоро́жка, подоро́жина*. Возможно, такую мотивированность можно объяснить следующим образом: данные виды сыроежек настолько распространены, что растут даже вдоль дорог.

5) **Физические свойства плодового тела гриба.** Это могут быть такие свойства: ломкость и хрупкость (*хрусту́шка, суха́рь*,); скользкость, гладкость покровов шляпки гриба (*гла́дыш*); способность к выделению млечного сока при повреждении плодового тела (*моло́чник*). В случае с лексемой *молочник* следует отметить, что грибы рода Сыроежка не имеют млечного сока.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что лексический материал по карте «Л171. Сыроежка» очень многообразен, сложность его изучения заключается в том, что он включает в себя наименования разных видов грибов и структурируется разными мотивировочными признаками (подробнее о мотивировочных признаках, лежащих в основе номинации исследуемых единиц см.: [Нечаева 2011]).

В данной статье основное внимания мы уделяем основным принципам проекта ЛАРНГ и методике составления карт.

Задача ЛАРНГ – показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования [ЛАРНГ 2004: 17].

Программа Атласа включает 5815 вопросов по различным темам. Вопросы в ЛАРНГ поделены на разделы по тематическим и лексико-семантическим группам: 1. Природа; 2. Человек; 3. Трудовая деятельность; 4. Материальная культура; 5. Питание; 6. Пути сообщения, транспортные средства [там же: 17–18].

Территория картографирования включает в себя европейскую часть России, в том числе Русский Север, юг и восток до Урала – до 60 меридиана восточной долготы. При разработке карты-бланковки учитывались, с одной стороны, обширность территории, с другой – рацио-

нальное количество цифр на карте, обозначающих опорные точки. Всего на карте-бланковке ЛАРНГ представлено 1064 цифры, что соответствует, в основном, количеству административных районов [там же: 18].

Система знаковой дифференциации каждой карты строится на противопоставлении геометрических фигур, а также их внутренних модификаций (так называемых внутренних и внешних диакритик). Различия в конфигурации геометрических знаков обозначают так называемое противопоставление первого уровня – т. е. различия в корневых морфемах, различия же во внутренних и внешних диакритиках одного и того же знака передают словообразовательные различия, лексико-семантические варианты одного и того же слова и др. [там же: 20].

В качестве программного обеспечения нами использовалась утвержденная коллективом составителей Атласа географическая информационная система MapInfo, которая представляет собой настольное приложение для сбора, хранения, отображения, редактирования и анализа пространственных данных.

В ходе работы нами было составлено три карты, что можно объяснить большим количеством лексического материала по вопросу Л171. Все они посвящены репрезентации лексических и словообразовательных различий в названиях гриба сыроежка.

Первая карта представляет фонетические и словообразовательные варианты лексемы *сыроежка*. В связи с тем что на карте отображаются однокорневые названия, все они отмечаются знаком круга. Противопоставление единиц выражается только внутренними диакритиками внутри знака. Лексемы объединялись в группы и подводились под один знак в соответствии с их морфемной структурой. В первую группу наряду с литературным вариантом *сыроежка* включены лексемы *сыровéжка, суроéжка, суруéжка, суровéжка* и др. Во вторую группу входят такие единицы: *сыроéга, сыровéга, суроéга, суровéга* и т. п. Для обозначения на карте литературной единицы и ее вариантов будет использоваться бесцветный значок, т. е. не закрашенный кружок, что обеспечит лучшую читаемость карты.

Лингвогеографический анализ карты свидетельствует о том, что общерусское наименование *сыроежка* и его фонетические и словообразовательные варианты встречаются на всей картографируемой территории.

Вторая карта по своему типу является лексико-словообразовательной. Основное противопоставление на ней образуют наименования гриба сыроежка с двумя корнями: *-син- и -крас-/-красн-*. Дериваты с корнем *-син-* обозначены знаком круга, дериваты с корнем

-крас- / *-красн-* квадратом. Разведение лексем с чередующимися корнями в разные группы показалось нам целесообразным ввиду многочисленности тех и других, а также в связи с различиями мотивировочных признаков, положенных в основу номинации, что подтверждается и иллюстративными материалами (одни мотивируются прилагательным *красный*, другие – прилагательным *красивый*). К тому же лексемы с корнем *-крас-* образуют заметный ареал на севере европейской части. Словообразовательные различия внутри групп обозначаются с помощью внутренних диакритик.

По расположению значков на карте мы можем видеть, что лексемы с корнями *-крас-*/*-красн-* распространены в основном севернорусских и среднерусских говорах, являясь наиболее частотными в говорах поволжско-владимирской группы (тверских, ивановских, владимирских, ярославских, а также в нижегородских и пензенских). Лексемы с корнем *-син-* имеют дисперсный ареал, хотя нельзя не отметить их высокую концентрацию в вятско-пермской группе говоров.

Третья карта также является лексико-словообразовательной и посвящена малочисленным группам единиц, которые были признаны нами картографируемыми. На ней представлены лексемы со следующими корнями: *-бел-, -зелен-, -жёлт-, -сер-, -гор-* / *-горьк-, -солод-* / *-слад-, -молоч-, -сух-, -пут-, -губ-,* а также лексемы с некартографируемыми корнями. Карта отражает лексические различия наименований сыроежки, поэтому однокорневые дериваты объединены в группы, отмеченные на карте значками разной конфигурации, словообразовательные различия в некоторых группах лексем отражаются посредством внутренних диакритик. Знаком звездочки отмечены единичные лексемы с некартографируемыми корнями, которые нашли подтверждение в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ).

Некоторые лексемы, нанесенные на данную карту, образуют четкие ареалы: например, единицы с корнем *-бел-* отмечены в основном в говорах севернорусского наречия (преимущественно в костромских говорах и говорах прилегающих к ним территорий); единицы с корнем *-гор-*/*-горьк-* имеют четко выраженный ареал в новгородско-псковской группе среднерусских говоров; единицы с корнем *-солод-* сосредоточены в большинстве своем в вологодских и ярославских говорах, принадлежащих в севернорусским.

Все остальные лексемы имеют в русских говорах на описываемых картой территориях либо малочисленные, либо дисперсные ареалы.

Каждая карта, включаемая в ЛАРНГ, обязательно должна сопровождаться комментарием. Попытаемся кратко представить его структуру на примере составляемых нами карт Л171 Сыроежка.

В комментарий к карте должны быть включены следующие необходимые пункты:

1. Во-первых, объяснение проблематики карты, которое включает а) характеристику картографируемого материала и б) характеристику тех диалектных различий, которые получают отражение на карте. Наименованиям гриба сыроежка мы посвятили три карты. По типу они являются лексико-словообразовательными.

В связи с перегруженностью карты для достижения ее наибольшей репрезентативности под один знак подводились лексемы, имеющие общие корневые морфемы, словообразовательные же отличия передавались диакритиками внутри знака (т. е. лексемы *синюха, синюшка, синушка, синявка, синютка, синевица* и другие с тем же корнем подаются на карте под одним знаком, соответствующим корневой морфеме, в различия во внутренних модификациях знака передают особенности морфемной структуры). Многочисленные разнокорневые названия передаются знаками разной конфигурации. Это позволило укрупнить ареалы картографируемых лексем и более четко представить на карте диалектные различия.

Основное противопоставление в нашем случае образуют лексемы с корнями *сыроеж-* и его вариантами и корнями *-гор-/горьк-, солод-/слат-, син-, -крас-/-красн-, желт-, зелён-, бел-, сер-* и др.

2. Во-вторых, комментарий к карте должен содержать указания на сомнительные названия, дисквалифицированные автором по разным причинам. Нами от картографирования отведены как неубедительные, не подкрепленные хорошим иллюстративным материалом или не отвечающие теме карты следующие лексемы: *андыча́жина, боровуш́ка, во́лвенка, волнуш́ка, буря́нка, говоруш́ка, голодуш́ка, ду́нька, кроша́нка, липя́нка, масля́нка, мохруш́ка, осеть, песча́нка, подгребе́шка, рыжеви́ха, рядо́вка, свинуш́ка, скрипи́ца, соплю́шка, сыро́й кули́к.*

Все эти единицы не поддерживаются словарными материалами, и прежде всего СРНГ. Кроме того, все эти названия употребляются в данных населенных пунктах, как правило, параллельно с имеющими широкое распространение и картографируемыми лексемами. В диалектных словарях эти слова имеют либо другие значения, либо вообще отсутствуют, ср., например: *боровуш́ка* 1) ‘сосна, растущая в бору’ Смол. 2) ‘лекарственное растение – толокнянка аптечная’ Свердл., Тюмен. [СРНГ 3: 108]; *во́лвенка* 1) ‘гриб. Lactarius torminosus; волнушка’ Свердл., Тюмен., Пск., Курск., Орл., Калуж., Перм., Ворон., Тул.; 2) ‘гриб из семейства луговиков, род поганок’; *во́лвенка* 1) ‘гриб. Lactarius torminosus; волнушка’ Свердл., Тюмен., Пск., Курск., Орл., Калуж., Перм., Ворон., Тул.; 2) ‘гриб из семейства луговиков, род пога-

нок’ [там же 5: 36]; *волну́шка* 1) ‘об очень нервном человеке, волнующемся без особых причин’ Ворон. 2) ‘кушанье из запеченных соленых грибов волнушек’ Новг. [так же: 44].

Тем не менее некоторые из единичных лексем находят подтверждение в СРНГ, поэтому должны быть нанесены на карту, в наших материалах это единицы *губа́, губи́чка, гу́бочка, гу́бка, пога́нка, оба́бок, поплаво́к, попла́вица, пла́вка, пога́ница, пога́нец.*

3. В-третьих, в комментариях обязательно отмечается разнообразие лексики, отраженной на карте. В большинстве русских говоров представлены целые синонимичные ряды для обозначения гриба сыроежка, в которых доминантой является общерусская лексема *сыроежка* (например, п. 4 (Архангельская обл., Мезенский р-н) *сыроежка, сыроега, синявка, красулька, краснуха, красавка, желташка, путник*). Такое разнообразие наименований одного объекта, функционирующих на одной территории, можно объяснить тем, что род сыроежка включает в себя множество разных видов, которые дифференцируются не только в официальной номенклатуре, но и в сознании диалектоносителей.

4. В-четвертых, к комментарию прилагается иллюстративный материал. В качестве иллюстраций в комментариях к карте Л171 «Сыроежка» приводятся контексты, подтверждающие, что та или иная лексема, присутствующая картотеке, действительно обозначает реалию, которой посвящена карта, в нашем случае гриб рода Сыроежка. Приведем примеры: *Иногда сыроежки сыроегами называют. Сыроежка, сыроега, сыровежка – всё ясно, как ни скажи. Сыроежку горяшкой называют. Иногда, редко-то, сыроежку синевицей называем. Краснухи – сыроеги красного цвета.*

Обязательными приложениями к составленным картам также являются алфавитный список картографируемых слов и общий индекс материалов (в том числе и тех, которые не получили отражения на карте). Они должны позволить читателю Атласа не только проверить авторскую версию карты и оценить правомерность его решений, но и самому составить представление о характере диалектных различий.

Таким образом, в данной статье мы постарались осветить некоторые методы составления лингвогеографических карт по проекту «Лексический атлас русских народных говоров» и написания комментариев к ним на примере карт, посвященных названиям гриба сыроежка. В заключение хотелось бы отметить, что работа над составлением карт Л171 Сыроежка продолжается, поэтому вид карт может подвергаться корректировке, цель которой – обеспечение наибольшей репрезентативности материала и наилучшей читаемости карты.

Список литературы с сокращениями

ЛАРНГ – *Лексический* атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб.: Наука, 2004. 304 с.; 36 карт.

Нечаева Л. С. Наименования грибы сыроежка (Л171) в русских говорах (на материале картотеки ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2011. С.332–343.

Макарова – *Большая* книга. Грибы / Авт.-сост. Н. Е. Макарова. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2009. 240 с.

Энциклопедия продуктов питания. URL: http://fudz.ru/post/2886 (дата обращения: 21.03.2012).

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1986.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. Л.: Наука, 1968. Вып. 3; 1970. Вып. 5.

Олешков М. Ю.
Россия, Нижний Тагил

СЦЕНАРИЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В зависимости от уровня освоенного интеллектуального опыта каждое профессиональное сообщество устанавливает для себя соответствующие правила интеллектуального поведения в реальном мире посредством своей практической деятельности. Поэтому изучение речевых проявлений в системе сложных социальных процессов (в том числе и в профессиональных, институциональных сферах) – важная задача когнитивистики как синтеза многих научных направлений.

Речевое пространство любого институционального дискурса, как правило, во многом определяется прагматическими параметрами коммуникативной ситуации, в рамках которой происходит общение (см.: [Олешков 2006]), и дихотомично по своей природе: с одной стороны, оно обусловлено реальностью мира, с другой – зависит от личностного (ментального) отражения этой реальности в сознании конкретного человека. В итоге, си-

© Олешков М. Ю., 2012

туативно маркированным в процессе коммуникации оказывается все: каждая коммуникативная ситуация, реализуясь в поле определенной ментальности, формирует собственную речевую среду (дискурсивное пространство), обеспечивающую текстопорождение и текстовосприятие коммуникантов.

Количество «дискурсивно-речевых пространств» определенного языка ограниченно, что обусловлено этноязыковой спецификой структуры коммуникации, которая проявляет себя как модель некоторой ситуации. Изучение способов отражения мира в головном мозге человека (ментальных репрезентаций) показало, что обработка массива информации не происходит последовательно, линейно, и это побудило исследователей ввести в научный обиход, наряду понятиями «ментальные пространства» (Ж. Фоконье) и «правила концептуального вывода» (Р. Шенк), термины «фрейм» и «сценарий».

Эти понятия эксплицируют решающую роль «контекста» в когнитивных процессах: все, что человек воспринимает и осознает, подвергается своеобразной априорной оценке, предвосхищается. Таким образом, человек воспринимает происходящее в аспекте ранее усвоенных (приобретенных) структур-сценариев, с которыми связана информация разных видов: предупреждающая о том, что может произойти далее; предписывающая, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся и т. п.

Сценарий, как и фрейм, в системном анализе и теории искусственного интеллекта определяется как структура, содержащая описание объекта в виде атрибутов и их значений и содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией; также для него характерны ситуативная привязанность и конвенциональность [Минский 1979; Шенк 1980; Дейк 1989 и др.], что свойственно «событиям» ритуализованной природы. Считается, что в «готовом виде» такие сценарии в памяти не хранятся: человек восстанавливает их (например, в процессе восприятия речи) по мере того как в этом возникает необходимость [Панкрац 1992].

Язык, являясь кодом по своей сути, использует определенные формы, позволяющие эксплицировать «мысль в слово». Эти структуры типологически стандартны, что обеспечивает эффективное вербальное взаимопонимание индивидуумов на уровне порождаемых ими текстов (подробнее см.: [Олешков 2010]). Выделение подобных структур (схем) позволяет анализировать речевую деятельность в когнитивно-прагматическом аспекте.

Изучение речевого процесса, его моделирование, в том числе и на уровне речевой ситуации, – проблема междисциплинарная. Ее реше-

нием сегодня занимаются лингвистика, семиотика, философия языка, когнитивистика, теория речевой деятельности, социология, теория аргументации, логика и др., но, к сожалению, «обобщенного» понимания дискурсивного процесса современные социально-гуманитарные науки еще не выработали ввиду значительного количества параметров, которые должны быть учтены.

Однако институциональные сферы общения, где коммуникативные процессы более структурированы в связи с высоким уровнем конвенциональности, регламентации, статусной обусловленности участников, ритуализации, клишированности, прецедентности и т. п., уже сегодня могут и должны изучаться с использованием различных методологических подходов, в том числе и с помощью системного моделирования. Можно сказать, что возникла настоятельная необходимость в детальном исследовании институциональных дискурсов, которые в плане теоретического обоснования и верификации теоретических положений «доступны» современной лингвистике.

Объектом нашего исследования является речевое поведение участников дидактического дискурса, который мы определяем как ***семиотический процесс совокупной речевой деятельности взаимодействующих сторон в пределах учебной ситуации, представляющий собой текущую речевую деятельность коммуникантов*** (учителя и учащихся). Одна из главных целей учителя как говорящего в этом процессе – передача учебного содержания (информации) ученикам. Образовательный процесс протекает в условиях дидактической коммуникации, которую можно трактовать как символическую социально мотивированную деятельность, при которой в соответствии с целями передачи информации взаимодействуют и вступают в коммуникативные взаимоотношения субъекты образовательного процесса.

Такой «процессуальный» характер педагогического общения репрезентируется упорядоченной последовательностью дискурсивно-речевых ситуаций определенной направленности, являющихся процедурными сценариями, структура которых достаточно устойчива и стабильна.

Мы используем термин «сценарий дидактической ситуации» в лингвопрагматическом аспекте и дефинируем это понятие как ***схематизированное визуализированное представление «положения дел» на школьном уроке,*** состоящее из обобщенного «каркаса», воспроизводящего устойчивые характеристики учебной ситуации (контингент, виды учебной деятельности, школьная аудитория и др.), и «узлов», чувствительных к ее изменяющимся характеристикам, способных трансформироваться в зависимости от внешних условий (личностные

характеристики участников, их эмоциональные проявления, учебное содержание изучаемого материала и др.).

Релевантными параметрами такой структуры, которые могут быть выделены и проанализированы, являются следующие: коммуниканты (учитель и учащиеся, причем их характеристики и особенности межличностных взаимоотношений не всегда доступны наблюдателю); «предмет речи» – содержание учебного материала; «канал» общения (способ осуществления коммуникации); место коммуникативного взаимодействия (школьный класс); время (период коммуникативного взаимодействия – 40–45 минут школьного урока); комплексная дидактическая цель взаимодействия; интенции коммуникантов; тип коммуникации (информационная; консолидирующая; императивная; оценочная); форма коммуникации (монолог, диалог) и др. (подробнее см.: [Олешков 2008]). Важными факторами являются тип дискурса, его структура, коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые говорящими.

В теории Р. Шенка и Р. Абельсона любой сценарий представляет собой последовательность действий, которые достаточно стереотипны и основаны на принципе каузальной связи. Этот постулат справедлив и для дидактической ситуации.

Рассмотрим пример.

Речевая ситуация **Эвристический учебный диалог**. Цель учителя – передача информации; цель учащихся – «присвоение» информации; общая макроинтенция – совместное выяснение истины.

Учитель: *Марина, скажи, могла ли Наташа скрыть свою измену от князя Андрея?*

Ученица Марина: *Нет, думаю, не смогла бы.*

Учитель: *Давай подумаем, почему?*

Ученица: *Она не такая, как Элен.*

Учитель: *Верно, Элен ничего не стоит обмануть человека. А Наташа – открытый, искренний человек?*

Ученица: *Да, она такая светлая, открытая… Она бы потом раскаивалась и все равно рассказала князю Андрею про Анатоля.*

Анализ (прагматические показатели): коммуниканты (учитель и 24 учащихся); «предмет речи» – содержание учебного материала – роман Л. Н. Толстого «Война и мир»; «канал» общения – способ осуществления коммуникации – устное общение; сфера коммуникации – образовательная среда школьного урока (институциональное общение); место коммуникативного взаимодействия – оборудованный соответствующей мебелью школьный класс; время – 9-50–10-35; комплексная дидактическая цель взаимодействия – организация совмест-

ной деятельности при анализе произведения; интенция (коммуникативное намерение учителя) – «передача информации»; тип коммуникации – рефлексивно-оценочная; форма коммуникации – диалог; тип дискурса – аргументирующий; типы используемых говорящими речевых актов – информативы, констативы, регулятивы; коммуникативные стратегии, реализуемые учителем (по преимуществу), – информационная и манипулятивная; коммуникативно-речевые тактики – передача информации, контроль над пониманием; дискурсивные тактические ходы – убеждение, похвала и др.

Одной из важных дискурсивно-речевых особенностей эвристического диалога является использование учителем интеррогативных речевых актов, логическая последовательность которых («наводящие вопросы») не предлагает нового знания в готовом виде, а когнитивно воздействует на ментальную сферу учащегося, изменяя что-то в его картине мира на уровне самосознания.

Вообще говоря, каждый член современного российского социума, будучи школьником, участвовал (или присутствовал) в тысячах подобных ситуаций на уроках. Поэтому поведение коммуникантов (их стимулы и реакции) ясно осознается не только всеми участниками взаимодействия, но и наблюдателями, если таковые имеются. Поэтому, кроме собственно дискурсивно-речевых прагматических особенностей дидактической ситуации, анализу могут быть подвергнуты «когнитивно-поведенческие» характеристики участников вербального взаимодействия, что обычно является прерогативой психологов, хотя ряд ментальных проявлений может быть выявлен и лингвистами.

В целом, следует признать, что номенклатура сценариев дидактических ситуаций достаточно «устойчива», так как определяется системой культурных традиций, конвенциональных норм и правил, релевантных для нашей системы образования.

Список литературы

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Олешков М. Ю. Дидактическая коммуникативная ситуация: проблема моделирования // Мир образования – образование в мире. 2008, № 1. С. 182–194.

Олешков М. Ю. Речевая специфика фрейма в институциональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сб. науч. тр. Вып. XII / под ред. докт. филол. н., проф.

Т. Ю. Тамерьян; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. С.112–117.

Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход // Вопросы филологии, 2006, № 1 (22). С. 39–43.

Панкрац Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней: дисс ... док. филол. наук. 10.02.19 Теория языка. Ин-т языкознания РАН. М., 1992. 333 с.

Шенк Р. К. Обработка концептуальной информации. М.: Энергия, 1980. 361 с.

Павлова Д. С.
Россия, Пермь

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ «ТЕМПЕРАМЕНТ» И «СПЕЦИАЛЬНОСТЬ» НА СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ УСТНОГО ТЕКСТА ИНДИВИДА[1]

На сегодняшний день именно речь и речевое поведение человека все чаще становится объектом лингвистических и психолингвистических исследований [Беликов, Крысин 2001; Ерофеева 2010; Карасик 1992; Филиппов 1993 и др.]. Под термином устная речь мы понимаем «реализацию таких форм и типов национального языка, как разговорно-литературная речь, нелитературное городское и сельское просторечие, профессиональные «языки» и территориально-социальные диалекты» [Ерофеева 1991: 5].

Настоящая работа посвящена исследованию влияния типа темперамента (холерического) и специальности (гуманитарий, негуманитарий) на речь индивида. Проведен пилотный эксперимент, в котором приняли участие 8 студентов вузов г. Перми женского пола в возрасте от 19 до 23 лет. Им предлагалось произнести монолог на тему «Как я поступал в высшее учебное заведение»; средняя длина каждого монолога примерно одинакова и составляет 3 минуты. Для удобства были введены условные обозначения информантов:

- ХГ – холерик, гуманитарий;
- ХН – холерик, негуманитарий.

© Павлова Д. С., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №12-34-01043а1.

Два текста информантов-холериков (под литерами А и Б) взяты из дипломной работы М.Н. Копытовой «Экстраверты и интроверты в различных речевых ситуациях» [Копытова 1997: 38, 39].

Эксперимент был направлен на выявление особенностей синтаксиса спонтанной речи индивидов. Средняя длина предложения в словах и средняя сложность синтаксической конструкции считались по методике, предложенной Т.И. Ерофеевой [Ерофеева 2004: 156]. Полученные в ходе эксперимента результаты средней длины предложения в словах и средней сложности синтаксических конструкций в речи холериков приведены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные характеристики синтаксического уровня у холериков

Информант	Средняя длина предложения	Средний показатель синтаксической сложности
ХН	13,5	1,4
$ХН_1$	12	1,3
$ХН_2$	10,5	1,4
ХГ	15,4	1,6
$ХГ_1$	15,2	1,5
$ХГ_2$	18,7	1,7
А	9,5	1,2
Б	8	1,3

При группировке всех информантов по признаку средней длины предложения мы получили 3 группы: 1) ХГ, $ХГ_1$, $ХГ_2$, средняя длина предложения которых 15,4; 15,2 и 18,7 соответственно; средний показатель синтаксической сложности составляет 1,6; 1,5 и 1,7. Это самые большие показатели из представленных в таблице. 2) Вторая группа средних показателей – ХН, $ХН_1$, $ХН_2$. У этих информантов средняя длина предложения равняется 13,5; 12 и 10,5, а синтаксический показатель сложности – 1,4; 1,3 и 1,4 соответственно. 3) Наименьшие показатели из представленных в таблице в группе А, Б: средняя длина предложения 9,5 и 8; средний показатель синтаксической сложности 1,2 и 1,3 соответственно.

Как видно из группировки, средняя длина предложения и средний показатель синтаксической сложности почти во всех случаях находятся в прямой зависимости друг от друга, т. е. чем больше средняя длина, тем больше средняя сложность.

Особенностью речи холериков является и то, что при передаче чужих слов холерики чаще используют прямую речь. В записях информантов не было ни одного употребления косвенной речи, в отличие от

меланхоликов, которые прибегают к использованию косвенной речи достаточно часто, а прямую речь почти не используют. Например:

$ХГ_2$: //Мама тогда разбудила меня и сказала: «Поехали подавать документы»//;

ХН: //В итоге я позвонила маме/ говорю:/ «Мама / я забираю документы с аэрокоса и переношу их на мат. моделирование»// Мама такая:/ «Подожди/ сейчас я приеду/ все разрулю»//. Показателями чужих слов являются специальные указания «говорит», «сказал», «спросил» и т. п.

Холерикам свойственно употребление вопросно-ответных конструкций, которые используются как вспомогательное средство для развертывания мысли. Например:

*ХН: //Так я подала документы на ПКМ/ совершенно непонятным мне образом// **Как я отдала туда оригиналы?**/ Это тоже забавная история//;*

*$ХГ_1$: //В марте мы сели с мамой/ **куда поступать?**/ Ага/ **знаю чё?**/ Немецкий знаю/ писать умею ну так слегка// **Куда идти?**// Ну мы решили на филфак поступать//.*

Проанализируем влияние фактора «специальность» на синтаксис спонтанной речи. В ходе эксперимента были получены данные о средней длине предложения в тексте и среднем показателе синтаксической сложности. Для удобства сравнения гуманитариев и негуманитариев по этим параметрам результаты занесены в табл. 2.

Таблица 2

Количественные характеристики синтаксического уровня у гуманитариев и негуманитариев

Характеристика информантов	**Негуманитарии**		**Характеристика информантов**	**Гуманитарии**	
	Средняя длина предложения	Средний показатель синтакс. сложности		Средняя длина предложения	Средний показатель синтакс. сложности
ХН	13,5	1,4	**ХГ**	15,4	1,6
$ХН_1$	12	1,3	**$ХГ_1$**	15,2	1,5
$ХН_2$	10,5	1,4	**$ХГ_2$**	18,7	1,7
Ср. показатель по группам	12 (42,25%)	1,37 (46,1%)		16,4 (57,75%)	1,6 (53,9%)

Из табл. 2 видно, что синтаксис спонтанной речи гуманитариев сложнее и равен 1,6, в отличие от негуманитариев, у которых этот показатель равен 1,37. Это можно объяснить тягой гуманитариев к более развернутому и обстоятельному объяснению, в связи с этим отмечается и более обширный лексикон. Следует отметить, что у гуманитариев даже количество слов в предложении больше и равно в среднем 16,4, а у негуманитариев этот показатель равен 12.

Среднее количество предложений в речи гуманитариев – 25,3 (39%); в речи негуманитариев – 39,7 (61%). Это свидетельствует о том, что речь негуманитариев «рубленная», состоящая из простых предложений. Речь гуманитариев более связная, в ней присутствует большее количество сочинительных и подчинительных связей, представленных вместе или отдельно (например, сложноподчиненное с последовательным подчинением; сложносочиненное, объединенное со сложноподчиненным).

Удивительным оказалось то, что примерно за одинаковое количество времени (3 минуты) негуманитарии произнесли больше слов, чем гуманитарии (54% и 46% соответственно). Это дает основание полагать, что темп речи зависит не только от фактора «темперамент», но и от фактора «специальность».

Таким образом, пилотный эксперимент показал, что фактор «темперамент» и фактор «специальность» достаточно сильно влияют на речь индивида. Но можно ли говорить о том, что «темперамент» определяет «специальность» индивида? Об обратной зависимости не может идти и речи, т. к. темперамент – врожденное свойство человека, определенная схема связи нейронных клеток в его голове. Существует ли связь между типом темперамента индивида и специальностью, которую он выбрал? На эти и другие не менее интересные вопросы еще предстоит ответить.

Список литературы

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.

Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан: (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. 136 с.

Ерофеева Т. И. Современная городская речь. Пермь, 2004. 316 с.

Ерофеева Т. И. Штрихи речевого портрета Прикамья: учебное пособие по спецкурсу; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 192 с.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.

Копытова М. Н. Экстраверты и интроверты в различных речевых ситуациях: дипломная работа, науч. рук. – Ерофеева Т. И. Пермь, 1997. 52 с.

Филиппов Н. П. Проблемы синтаксиса и интонации спонтанной речи (на материале немецкого языка). СПб., 1993. 270 с.

Романов Д. А.
Россия, Тула

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В «РАССУЖДЕНИИ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ» Г.Р. ДЕРЖАВИНА

«Рассуждение о лирической поэзии» как итоговое произведение в творчестве великого русского поэта Г. Р. Державина не только содержит квинтэссенцию его взглядов на литературу, но и отражает финальный – наиболее зрелый, осмысленный и обобщающий сделанное ранее – этап его поисков в области языковой формы. Державинское языковое новаторство (создание «забавного русского слога» со смешением всех «штилей», освоение заимствований, калькирование иноязычной лексики, семантическое расширение значений исконно русских слов) в целом неплохо изучено в истории русского литературного языка. Однако детали державинской работы с языком еще долго будут привлекать внимание филологов ввиду значительности его творческого наследия, которое с должной текстуальной подробностью не рассмотрено. Особенно это касается его непоэтических произведений. Для языкознания они чрезвычайно важны, поскольку сводят воедино результаты его поисков в области языка, которые поэт вел более пятидесяти лет (за время своего активного творчества – с 1760-х до 1810-х гг.). В поздних произведениях Державина его слог функционирует как уже полностью сложившийся, до конца выкристаллизовавшийся во всех деталях, опробованный на разных жанрах литературного творчества, целостный – со всеми достоинствами и недостатками.

Кроме того, поздняя проза Державина в определенном смысле обобщает опыт всего XVIII столетия в переустройстве и обновлении

© Романов Д. А., 2012

языка; показывает живой срез русского языка допушкинской эпохи. Язык позднего Державина иллюстрирует, насколько значительной была деятельность Пушкина, его сторонников и последователей в установлении современных норм и основ русского языка.

Время становления державинского стиля – сложная, но чрезвычайно плодотворная эпоха для русского языка. Уже сложившийся национальный язык стремительно совершенствовался благодаря многочисленным литературным опытам пишущих россиян (в отсутствие профессиональных литераторов перо пробовали все желающие – от императрицы Екатерины Великой до просвещенных купцов), т. е. он прирастал собственными ресурсами. Язык активно обогащался иностранным опытом: переводились теоретические труды по лингвистике; различными способами осваивались иноязычные слова, идиомы, стилистические фигуры и синтаксические конструкции; брались за образец и становились предметом подражания иностранные лингвокультурные традиции, речевой этикет и проч., – т. е. язык прирастал извне. Он накапливал и апробировал новый опыт. Но, кроме того, существовала еще богатейшая традиция древнерусской и средневековой русской литературы, а также бесценный кладезь фольклора, которые также обогащали язык.

В эту эпоху – в борении названных векторов языковой динамики – складывался индивидуальный стиль Державина, который отражал не только их, но и особенности незаурядной личности самого автора, его лингвистические поиски и новаторство. Язык произведений Державина настолько оригинален, самобытен и узнаваем, что его создателя можно считать одним из первых русских писателей с собственным идиостилем.

В спорах архаистов и новаторов Державин не проявлял особого рвения. Формально он принадлежал лагерю А. С. Шишкова, предоставляя бальный зал своего дома на Фонтанке для заседаний «Беседы любителей русского слова», был членом «Беседы…», председательствовал на многих ее заседаниях, печатался в «Чтениях Беседы…» и т. д. Но при этом дружил с И. И. Дмитриевым, уважительно относился к Н. М. Карамзину, который редактировал московское издание стихов Державина 1798 г., защищал слог Карамзина перед Шишковым, восхищался «Историей государства Российского». Но самое главное – язык самого Державина представлял собой причудливый сплав архаики и неологии, книжного и простонародного, исконно русского и заимствованного, канонически правильного и грамматически искаженного.

«Рассуждение о лирической поэзии» создавалось с 1811 г. вплоть до смерти поэта в 1816 г. и не было закончено. Композиционно «Рассуждение…» состоит из четырех частей. В 1811–1815 гг. в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» поэт опубликовал первую часть и отрывок из второй части (о лирических жанрах оперы и песни). В обоих академических «Сочинениях Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (девятитомном – 1864–1883 гг. и семитомном – 1868–1878 гг.) опубликованные части были воспроизведены и прокомментированы академиком Я. К. Гротом. Третья и четвертая части увидели свет лишь в конце XX столетия благодаря усилиям профессора В. А. Западова. Мы текстуально рассматриваем четвертую часть «Рассуждения…», выявляя особенности употребления адъективной лексики.

Высокие (произведения лиры)[1]. В контексте используется переносное значение прилагательного *высокий* – «возвышенный, полный глубокого содержания, значения (высокий ум, высокое учение)» [Сл. XI–XVII 3: 251]. «Словарь русского языка XVIII в.» приводит семантику «Возвышенный, необыденный, торжественный» [Сл. XVIII 5: 33]. Прилагательное функционировало в русском языке задолго до XVIII в. в нескольких значениях. Первоначальная семантика связана с общеславянским происхождением корня: и.-е. **oupso-* «наверху, над» [Фасмер 1: 371]. Структура полисемии постепенно развивалась. XVIII в. закрепил одно из значений данного прилагательного за филологической сферой, что показывает сочетаемость, приведенная в словаре этой эпохи: *стих, слог, проза, штиль, речь, песнь* и проч. Ломоносовская традиция «трех штилей», среди которых присутствует высокий, ввела прилагательное в гуманитарно-эстетическую терминологию. Державин в данном случае использует слово в нетерминологическом значении, однако в литературном контексте, что, безусловно, способствовало поддержанию складывающегося филологического метаязыка.

Глубокомысленные (произведения лиры). Ранее XVIII в. слово не фиксировалось, существуют в русском языке лишь с названной эпохи как калька немецкого *tievsinnig*, т.е. «исполненный глубокомыслия, способности проникать в суть явлений» [Сл. XVIII 5: 132]. Его использованием поэт поддерживает неологию своего времени.

Трогательные (пеаны). В значении «вызывающие умиление, способные трогать», т.е. «вызывать сочувствие, сострадание; волновать,

[1] Здесь и далее при цитировании четвертой части «Рассуждения о лирической поэзии» указывается контекст по изданию: Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. Публикация В.А. Западова // XVIII век. Сборник 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 290-318.

умилять» [МАС 4: 413] это прилагательное является одной из самых известных французских семантических калек XVIII в. Смысловой перенос французского глагола *toucher* на русский *трогать (тронуть)* впервые осуществил А.П. Сумароков в своем вольном переводе шекспировского «Гамлета» (1748 г.). Фраза Гертруды: «И на супружню смерть не тронута взирала» вызвала в том же 1748 г. эпиграмму Ломоносова «Женился Стил, старик без мочи…» (об этом подробно писал В. В. Виноградов [Виноградов 1999: 810]), осмеявшего возможную двусмысленность отрицания *не тронута*. В 1803 г. в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А С. Шишков еще раз критически оценил все гнездо семантических калек от этого французского глагола (*трогать, трогательный, трогательно, трогательность*), предложив в свойственной ему несколько прямолинейной манере говорить вместо *трогательное зрелище – жалкое* или *плачевное зрелище*. А в приложенной к «Рассуждению…» стихотворной «Элегии», сочиненной новым «просвещенным слогом», довольно ядовито и метко пародировал это прилагательное наряду с другими, по его мнению, неуместными кальками. Однако новое гнездо и новое значение глагола *трогать* явно прижились в языке, и уже в Академическом словаре 1822 г. приводились как обычные для русского языка [там же: 810–811]. Державин усвоил это слово еще в XVIII в., свободно воспроизводил и способствовал его укоренению в языке.

Умилительные (пеаны). У Державина это слово выступает в том значении, которое для него характерно и в наши дни: «Вызывающий умиление, приводящий в умиление. // Выражающий умиление. // Исполненный умиления» [МАС 4: 492] (при этом умиление – «нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-либо трогательным» [там же 4: 491]). Такую трактовку прилагательного даёт САР 1847 г. [САР 1847 4: 342]. Понятно, что прилагательное структурно восходит к глаголу *умилять (умилить)*, который в XVIII в. развил свое нынешнее значение. Первоначально *умилить* – «умилостивить, вызвать сожаление» [Срезневский т. 3, ч. 2: 1206] (Срезневский приводит контекст XVI в.). Словари XIX в. уже фиксируют *умилить (умилять)* как «растрогивать сердце; возбуждать нежные чувства», но с древним оттенком – «преклонять на жалость» [САР 1847 4: 343]. Значит, и в употреблении этого прилагательного Державин – сторонник семантического расширения XVIII в., т.е. язык его литературных произведений способствовал смысловому обновлению глагола *умилить*, а через него и прилагательного *умилительный*, которое, очевидно, является формально образованием именно XVIII в. (до этого было только *умильный* и *умиленый*, приведенные Срезневским).

Приятные (схолии). Слово *приятный* активно функционирует в русском языке на ранних этапах его развития и имеет разветвленную полисемию: «1. Такой, какой нажно принять; принимаемый. 2. Постигаемый, познаваемый. 3. Угодный. 4. Удобный, подходящий, пригодный. 5. Достойный. 6. Преданный, приверженный» [Сл. XI–XVII 20: 92]. Как показывает источник, значение, реализованное в тексте Г. Р. Державина, возникает только в XVIII в., т. е. это семантический неологизм.

Забавные (схолии). «Забавный. 1. Забытый, заброшенный, отдаленный. 2. Занятый» [там же 5: 131]. Державин расширил семантику этого древнего прилагательного, обогатив полисемию значением «способный развлечь, обрадовать, рассмешить». В своей знаменитой оде «Фелица» он впервые провозгласил создание «забавного слога» и опробовал его. «Перепутаж», смешение стилей стали с тех пор характерной чертой державинского языкового стиля. В переводе Горациевой оды «К Мельпомене» («Exegi monumentum…») он писал: «… первый я дерзнул в забавном русском слоге // О добродетелях Фелицы возгласить». Таким образом, семантически расширенное прилагательное *забавный* было одним из ключевых слов всего творчества Державина. В настоящее время развитое Державиным значение этой лексемы является самым распространенным и открывает статьи толковых словарей (см., например: [БАС III 6: 17].

Высокопарный (Пиндар). «Высокопарный. Высоко парящий, летающий» [Сл. XI–XVII 3: 253]. До XVIII в. слово отмечено только в прямом значении: *высоко парящий орел*. С XVIII в. существует переносное значение: «Уподобит. О человеке» [Сл. XVII 5: 37] – «говорящий витиевато, напыщенно». Державин – один из создателей этого значения.

Шутливый (Анакреон). Прилагательное произведено от глагола *шутить*, восходящего в свою очередь к старому русскому существительному *шут*. По данным И. И. Срезневского, *шут* – «осмеянный» встречается уже в Изборнике Святослава 1076 г. [Срезневский 3: 1601]. Глагол же – значительно более позднее образование, возникшее в языке, по мнению П. Я. Черных, не ранее конца XVI в. (первое бесспорное зафиксированное его употребление относится к 1644 г.) [Черных 2: 429]. Прилагательное, очевидно, возникло к XVIII в. и в эпоху Державина было широко распространенным.

Страстновлюбленная (Сафо). Державинский неологизм, подобный другим сложным словам, встречающимся в его поэтическом стиле, и аналогичный терминологическим прилагательным. Сложные прилагательные Державин использовал и создавал довольно активно, как и

многие авторы XVIII в. В языке его произведений с равной частотой присутствуют 1) древнерусские и церковнославянские кальки сложных грецизмов (вроде приведенного слова *благоуханный*), 2) сложные прилагательные, калькированные или образованные в XV-XVII вв. в стиле «плетения словес», как, например, прилагательное *многолиственный*, 3) семантические кальки из западных языков, возникшие в XVIII в. (например, *глубокомысленный*), 4) созданные самим Державиным в манере «высокого штиля» XVIII в. сложные прилагательные – такие, как *страстновлюбленный*. Кроме того, Державин и его современники расширяли семантику отдельных сложных прилагательных новыми значениями, как это произошло с древнерусской калькой-грецизмом *высокопарный*.

Проанализированная группа адъективной лексики достаточно наглядно показывает творческий характер обращения Г. Р. Державина со словом. Создание разного рода лексических новообразований, семантические расширения, образные (переносные) употребления, стилистические трансформации – все эти приемы являются постоянными атрибутами языкового стиля Державина. Образосоздающая способность Державина отличалась огромной мощью: «Невероятная крупность, размашистость державинских образов возможна только у него и в его время. Для следующих поколений перестанет быть понятным его монументальное видение России, в котором еще живет вдохновение реформ Петра» [Аверинцев 1985: 19]. То же можно сказать о его языке.

Список литературы с сокращениями

Аверинцев С. С. Поэзия Державина // Державин Г. Р. Оды. Л.: Лениздат, 1985. С. 5–20.

БАС III – *Большой* академический словарь русского языка. М., СПб.: Наука, 2004–... Издание продолжается.

Виноградов В. В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1999.

Сл. XI–XVII – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–… Издание продолжается.

Сл. XVIII – *Словарь* русского языка XVIII в. Л., СПб.: Наука, 1984–… Издание продолжается.

МАС – *Словарь* русского языка. В 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

САР 1847 – *Словарь* церковнославянского и русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. В 4-х т. СПб., 1847.

Срезневский – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 4 т. М.: Книга, 1989. (Репринт 1893-1912 гг.).

Ушаков – *Толковый* словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд. третье. М.: Азбука, 1996.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Русский язык, 1999.

Соловьева Н. В.
Россия, Пермь

АВТОРИЗАЦИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ[1]

Несмотря на довольно обширные исследования письменной научной речи, многие вопросы, касающиеся лингвостилистической специфики научного текста и обусловленности его смысловой структуры экстралингвистическими факторами, нельзя считать окончательно решенными. К их числу можно отнести и вопрос о выражении авторизации в научных текстах.

Понятие авторизации было впервые дано Г. А. Золотовой в рамках изучения проблем функционального и коммуникативного синтаксиса: «…полисубъектное осложнение конструкции предложения указанием на “автора” оценки, восприятия, речи-мысли» [Золотова 2001: 430]. Идеи автора дали толчок развитию двух направлений в исследовании этого феномена.

1. Исследования авторизации на уровне предложения, где она определяется как одна из модусных категорий предложения (Т. В. Шмелева); один из аспектов предикативности, отделенный от модуса, но тесно связанный с ним (М. В. Всеволодова); сущностная характеристика модуса (Т. И. Краснова).

© Соловьева Н. В., 2012

[1] (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-34-00228а1 «Научный текст в аспекте авторской индивидуальности»).

2. Замечание Г. А. Золотовой о том, что авторизация может вывести на уровень стилистики и структуры текста, легло в основу текстового изучения этого феномена, где понятие авторизации рассматривается в соотношении с такими текстовыми категориями, как образ автора, текстовая модальность, субъективность, оценочность, персуазивность и др. Так, О. Н. Копытов, определяя авторизацию как «указание на источник знания/мнения или субъекта иллокутивной силы, или принадлежность состояния определенному лицу» [Копытов 2003: 9], отмечает, что она способна выражать коммуникативную волю автора и помогает распознаванию авторских интенций адресатом, т.е. автор подчеркивает текстообразующую функцию и коммуникативно-прагматическую направленность явления авторизации как одного из модусных смыслов текста.

Как единица политекстуальности, один из элементов выраженных в смысловой структуре научного текста системы субтекстов, воплощающих личностно-психологическую рефлексию субъекта познания, представлена авторизация в исследовании Е. А. Баженовой. Отмечая, что она играет важную роль в текстообразовании и имеет прагматический характер, автор подчеркивает (что для нас является особенно ценным) когнитивную природу авторизации, ее связь с гносеологическими операциями, выполняемыми познающим субъектом [Баженова 2001].

Интеграция достижений обоих направлений отражена в работе С. В. Гричина [Гричин 2003]. Определяя авторизацию как структурно-семантический план предложения, указывающий на субъект восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и характер восприятия, функция которого – квалификация источника излагаемой информации и способа ее получения (т.е. на уровне предложения), исследователь предлагает различать авторизацию предложения и авторизацию текста; под последней понимается средство, с помощью которого автор управляет вниманием адресата таким образом, что описываемый (авторизованный) объект воспринимается, во-первых, как авторизованный не случайно и, во-вторых, во взаимосвязи с другими авторизованными объектами, т.е. максимально целостным. Показывая взаимодействие авторизационных конструкций между собой в пространстве текста, С. В. Гричин подчеркивает *текстостроительную* функцию авторизации в научном дискурсе.

Учет коммуникативной направленности авторизации требует обращения к анализу содержательной структуры целого текста. На наш взгляд, широкие возможности для комплексного описания авторизации в научном тексте раскрывает *дискурсивно-стилистический подход*

к ее изучению. Общность методологических принципов функциональной стилистики и дискурсивного анализа (см.: [Кожина 2004]) позволяет сближать эти методы исследования применительно к научному тексту [Баженова 2005, Котюрова 2009]. При этом дискурсивный компонент такого подхода ориентирован на учет влияния экстралингвистических факторов на порождение текста, стилистический компонент связан с изучением языковых средств репрезентации содержания текста.

В современной функциональной стилистике общепризнанно, что авторизация в научном тексте отражает личностно-психологическую рефлексию субъекта по поводу добываемого знания, что она придает содержанию этого знания персонифицированный характер, демонстрирует индивидуальную стилевую манеру изложения.

При стилистическом анализе акцент делается не на характеристиках участников и обстоятельств общения, а на текстуальных особенностях, которые вытекают из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах.

Описание авторизации через призму дискурса опирается на понимание текста как процесса, включая обстоятельства общения и характеристики коммуникантов. Такой подход предполагает выход на первый план вопросов, связанных с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения, реализацией текстовых_стратегий. С позиций дискурсивного анализа изучение авторизации представляет собой описание процесса взаимодействия ученых в коммуникативных ситуациях добывания нового знания.

Представляется, что авторизация обладает как стилевыми, так и дискурсивными признаками.

К стилевым особенностям можно отнести, например, высокую частотность употребления конструкций авторизации квалификации, что связано с отражением в тексте аксиологического характера научного познания; почти полное отсутствие в качестве авторизующих глаголов с экспрессивно-эмоциональной окраской; преобладание глаголов, обозначающих ментальные действия, что свидетельствует об абстрактном характере научной речи. На уровне грамматики наблюдается преобладание в качестве авторизующих глаголов во вневременном значении.

Отличительным дискурсивным свойством авторизации следует считать ее функцию быть маркером интертекстуальности как одного из ключевых смысло- и текстообразующих факторов научной речи, а также особенности ее функционирования в зависимости от прагматической установки и реализации в композиционной структуре научного текста.

В качестве предмета исследования для данной статьи мы выбрали комплекс языковых средств, конституирующих *объективированную* (ментальные глаголы, передающие действия авторизатора) и *субъективированную* (форма выражения авторизатора=адресанта) авторизацию и рассмотрели их в аспекте речевой индивидуальности ученого. Материалом исследования послужили тексты статей четырех авторов-лингвистов (по 3 тыс. словоупотреблений из текста каждого автора) [Булатова1969; Горнунг 1967; Григорьев 1965; Зиндер 1969].

Авторизация в аспекте речевой индивидуальности предполагает описание как качественное, так и количественное, направленное на выяснение предпочтительных для каждого автора разновидностей авторизации, авторизационных конструкций.

Результаты количественного анализа средств выражения *субъективированной* авторизации в научных текстах каждого автора выглядят следующим образом.

1) Булатова Л. Н.: Я-конструкции (0); МЫ-конструкции (4); Безличные предложения (16); Определенно-личные предложения (5).

2) Горнунг Б. В.: Я-конструкции (0); МЫ-конструкции (9); Безличные предложения (16); Определенно-личные предложения (3).

3) Григорьев В. П.: Я-конструкции (0); МЫ-конструкции (4); Безличные предложения (27); Определенно-личные предложения (0).

4) Зиндер Л. Р.: Я-конструкции (10); МЫ-конструкции (3); Безличные предложения (20); Определенно-личные предложения (2).

Обратимся к интерпретации полученных результатов. При анализе средств выражения *субъективированной* авторизации представляется важным сказать о том, что стремление автора выразить собственную позицию определенно реализуется в выборе местоимений первого лица единственного числа (***Я затрудняюсь сказать**, насколько «Предложения» действительно, разрушают эстетическое содержание орфографических образов, так как **я не понимаю, что это** такое, но **могу с полной уверенностью сказать, что** в «Предложениях» нет ничего такого, что вызвало бы опасения* [Зиндер 1969: 59]), и, на наш взгляд, является показателем эгоцентрического типа личности, тогда как выбор автором других (неопределенных) средств выражения авторизации мы соотносим с полицентрическим типом личности.

Интересно, что этот параметр выступает в качестве конкретизатора другого – интровертированного / экстравертированного – стиля изложения, т.е. ориентированного «на себя» или «на читателя». Так, Б. В. Горнунг использует «МЫ-конструкции» (*Как **мы** сказали..*; *...что **мы** и хотим показать ниже..*; ***Мы** ставим под вопрос правильность обоих положений*… и др.), Л. Н. Булатова обращается к определенно-

личным конструкциям (***Рассмотрим*** *его аргументацию..*; ***Начнем*** *с первого аргумента..*; ***Разберем*** *каждый случай отдельно…* и др.), в то время как Л. Р. Зиндер (как это показано в примерах выше) предпочитает «Я-конструкции».

Высокая частотность конструкций с определенно выраженным субъектом речи является характерным признаком «категоричной авторизации», которая выступает основным средством самопредставления «авторитарной языковой личности», стремящейся в создаваемом научном тексте обратить внимание на себя, свои достоинства как авторитетного ученого, а не просто выразить свою причастность к тому, что излагается в тексте. Такие тексты обладают большой воздействующей силой.

Доминирование же других форм самопрезентации субъекта выступает характерным признаком «некатегоричной авторизации» и «неавторитарной языковой личности» с ее стремлением изложить материал в наиболее объективированной форме, а свою точку зрения показать максимально ненавязчиво. Воздействие на читателя осуществляется при этом таким образом, чтобы он следовал за развитием мысли автора как объективной необходимостью.

Считаем, что предпочтение авторами определенных / неопределенных форм самовыражения связано с категоричной / некатегоричной авторизацией научного текста и зависит от индивидуальности личности автора, стремящегося либо заявить о себе на страницах своего произведения, либо «остаться за кадром», а также от жанрово-стилевых факторов научной речи. В связи с последним замечанием интересен факт, что в текстах по химии XVIII – первой половины XIX вв. наблюдается «всплеск» употребления «Я-конструкций»: химия в эти периоды бурно развивается, многие опыты ставятся впервые, ученых, работающих в этой области еще единицы, они работают изолированно друг от друга, поэтому употребляют форму «Я». Кроме того, описательный характер познавательной деятельности требовал употребления именно этой формы.

В отношении проявления *объективированной* авторизации в аспекте речевой индивидуальности наше внимание привлекли глаголы, предназначенные для характеристики интеллектуальных действий авторизатора, которым выступает оппонент: 1) с одной стороны – *рассматривает, считает, указывает, отмечает* и др.; 2) с другой – *утверждает, приписывает*, *искажает*, *опровергает*, *необоснованно заявляет*, т.е. содержащие явную негативную оценку. Подобные различия мы объясняем влиянием таких факторов, как: тип языковой

личности говорящего и выражаемая им коммуникативная интенция; жанровая природа текста.

Подводя итог, скажем, что работа по комплексному изучению авторизации в научном тексте требует продолжения и предполагает решение таких вопросов, как: выявление стереотипных средств выражения авторизации научного текста и их описание; экстралингвистическая обусловленность явления авторизации в научном стиле речи; роль авторизации в реализации прагматических установок научного текста.

Список литературы

Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический анализ научного текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9. Пермь, 2005. С. 18–24.

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. 272 с.

Булатова Л. Н. Еще раз об основном принципе русской орфографии (По поводу статьи Б. В. Горнунга) // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 64–70.

Горнунг Б. В. Об основном принципе русского правописания // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 73–81.

Григорьев В. П. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 69–75.

Гричин С. В. Авторизация в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2003. 19 с.

Зиндер Л. Р. К итогам дискуссии о русской орфографии // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 56–63.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001. 435 с.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль. СПб., 2004. С. 25–26.

Копытов О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 28 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учебное пособие. Пермь, 2009. 363 с.

Соловьева О. Е.
Россия, Пермь

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНТЕКСТНЫХ АНТОНИМОВ В ЛИРИКЕ БЭЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Контекстные явления в художественных произведениях несомненно становятся частью характеристики идиостиля писателя или поэта. То, в каких антитезах, противостояниях автор видит мир, нередко отражает и его поэтическое кредо. Но прежде всего интересен процесс работы над словом: выбор из множества, его окружение, «лепка» новой семантики и как результат – создание индивидуально-авторской смысловой парадигмы. Такие парадигмы характерны и для поэтического письма Б. Ахмадулиной. Среди них важное место занимают синонимические и антонимические. Объектом внимания этой статьи будут последние.

Под семантической интерпретацией контекстных антонимических оппозиций мы будем подразумевать истолкование смысла, информационного содержания отобранных нами единиц, функционирующих в рамках предложенного текста.

Заметим, что искусство «сталкивать лбами» языковые единицы, за которыми функция противопоставленности не закреплена в языке, позволяет создавать в художественном тексте, особенно в поэтическом, незабываемые образы и совершать языковые «открытия». Вспомним подобные примеры:

– Ты – **Господь и Господин**, а я – **Чернозем и белая бумага.** (М. Цветаева)

– **Ледяной костер** – **огневой фонтан**. (М. Цветаева)

– Перебили на войне весь **цвет мужской**, и осталась одна **гниль никчемная, никудышная**. (Б. Пастернак)

Обращение к языку Бэллы Ахмадуллиной продиктовано изобилием в нем своеобычных ассоциативных рядов и параллелей, представляющих собой, как нам видится, плетение сложнейших и тончайших кружев-паутин. В паутине текста, однако очень стройного и выверенного, едва ли не основой, каркасом, скелетом выступает контекстная (авторская, индивидуально-авторская, окказиональная) антонимия. Мы можем говорить об этом на основании проанализированного нами материала – 27 стихотворений, в которых обнаружено 49 контекстных антонимических оппозиций [Ахмадулина 2008].

© Соловьева О. Е., 2012

Исходя из того, что языковые антонимы соотносительны между собой по какому-то общему признаку, нашу задачу мы видим в поиске такого признака и в доказательстве правомерности отнесения выделенных нами контекстных оппозиций к категории антонимичных. Такая работа невозможна без опоры на словарь: словарные дефиниции даются по толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее – СОШ).

Прокомментируем семантические возможности противопоставления в нескольких антонимических парах контекстного характера.

1. И что-то в нем, хвали или кори,
есть от **пророка**, есть от **скомороха,**
и мир ему – горяч, как сковородка,
сжигающая руки до крови.
(Мои товарищи)

Контекстный антонимический ряд представлен существительными со значением лица:

Пророк. «1. В религии: избранник Бога на земле, открывающий его волю и смысл истории – прошедшее, настоящее и будущее; 2. Перен. Тот, кто пророчит, предсказывает что-н.» [СОШ 1997: 619]; антонимический ряд отсутствует.

Скоморох. «1. В Древней Руси: певец-музыкант, бродячий комедиант, острослов и акробат; 2. Перен. Несерьезный человек, потешающий других своими шутовскими выходками (разг. неодобр.)» [там же: 724].

В приведенном отрывке существительные, несомненно, противопоставлены: семантическая антитеза проявляется в коннотативном компоненте самих словарных дефиниций. Слово «пророк» имеет положительную коннотацию, «скоморох» – сниженную. Это подтверждается лексикой внутри словарных статей: с одной стороны, высокие книжные номинации («избранник Бога», «прочит, предсказывает» [там же: 619]); с другой – сниженные даже на уровне обозначаемых реалий («комедиант», «несерьезный», «потешающий шутовскими выходками» [там же: 724]).

Но поэт всегда немного шифровальщик. Вот и в этом примере контекстных антонимов «зашифровано» еще одно явление – контекстная синонимия. Статус контекстных синонимов можно «присвоить» этой лексической паре на основании культурно-ассоциативных компонентов значения. Издревле шуту / скомороху было позволено исполнять и роль пророка / предсказателя: шут как рупор Бога мог говорить правду так же, как и пророк – истолкователь воли Бога. И в этом миссии **пророка** и **скомороха** совпадали.

По воле автора в анализируемой паре слов, конечно, превалируют антонимические отношения, но в силу культурно-исторических причин скрытыми являются и синонимические.

2. Он, сокрушаясь бесполезно,
стал **разум** мой учить **уму,**
и я ответила любезно:
«Потом, мой друг, когда умру,
вы мне успеете ответить…».
(Как долго я не высыпалась…)

Антонимическая оппозиция «разум – ум», синтагматически связанная с глаголом «учить», на наш взгляд, является модификацией фразеологизма «учить уму-разуму». В устойчивом обороте тавтологический компонент «ум-разум» предстает как целостная лексема – существительное со всеми присущими ей грамматическими категориями: мужской род, единственное число, падежная парадигма (ума-разума, уму-разуму, умом-разумом, об уме-разуме и т. д.).

Словарные значения частей единицы «ум-разум»:

Ум. «1) Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни» [там же: 832].

Разум. «1) Способность человека логически и творчески мыслить…» [там же: 654].

У Б. Ахмадулиной эти тождественные синонимы «разведены» до противопоставленных единиц: «разум» – это то, что у лирической героини есть, а «ум» – это то, чего у неё нет. Таким образом, синонимичные существительные «разум – ум» символизируют в приведенном фрагменте антонимию «есть – нет».

3. Ты говоришь – не надо плакать.
А может быть, и впрямь, и впрямь
не надо **плакать** – надо **плавать**
в холодных реках.
(Ты говоришь – не надо плакать…)

Контекстная антонимия представлена глаголами:

Плакать. «1. Проливать слезы, обычно издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки, плач» [там же: 520].

Плавать. «1. То же, что плыть (в 1, 2, 3 и 4 знач.), но обозначает действие, совершающееся не в одно время, не за один прием или не в одном направлении; 2. Уметь держаться, передвигаться на воде или в воде; 3. Держаться на воде, не тонуть» [там же].

Возможно, что все три значения совмещаются в контекстном значении глагола, ибо свобода выражения чувств, свобода достижения цели у лирического героя сравнивается с обретением умения плавать, с

желанием преодолевать жизненные испытания и переживания. С одной стороны, образы «слез – рек» парадигматически связаны семой ‘вода’, то есть скорее всего могут вступать в синонимические отношения. Однако в этом стихотворении они противопоставлены, чему способствуют, во-первых, морфологически выраженный партнер-синтагма «холодные» (реки), а во-вторых, морфологически не выраженный, но подразумевающийся и постоянный партнер-синтагма «горячие» (слезы). Именно поэтому глагольная оппозиция «плакать – плавать» имеет языковое оправдание, эксплицитно поддержанное безлично-предикативными словами с модальным значением «не надо – надо» и словосочетанием «в холодных реках», а имплицитно – словосочетанием «горячие слезы».

4. Пустить на волю локти и колени,
чтоб не **ходить**, но **совершать балет**
хожденья по оттаявшей аллее…(Плохая весна)

Контекстная антонимия представлена здесь оппозицией глагола метафорическому словосочетанию:

(Не) ходить. «1. То же, что идти…» [там же: 865].

Совершать балет хожденья – образ; словарный антонимический ряд не может существовать.

Стилистически различные антонимы рисуют разные способы / образы передвижения в пространстве весеннего сада. Глубинный смысл стихотворения, на наш взгляд, заключается в следующем: лирический герой «совершает балет хожденья», как будто творит искусство, так же, как создает прекрасное и новое сама весна, пусть даже сквозь грязь, капризы погоды и нервные расстройства. Но в этом отрывке противопоставленность образуется не только за счет маркированности (нейтральное и высокое) единиц, но и грамматически. Межстилевой глагол «ходить» содержит в себе конкретную сему “передвигаться”; дериват глагола «хождение» – отвлеченную сему “передвижение”, степень абстрагирования которой увеличивается благодаря синтагматическим связям со словами «совершать» и «балет». Таким образом, в этом тексте в антонимические отношения вступают как план содержания, так и план выражения.

В связи с последним комментарием вспоминаются высказывания Бенедикта Сарнова о языке поэзии Б. Ахмадулиной как о причудливых балетных па и скорее «не о манере, а о манерности» ее поэтического письма. Думается, интеллект и художественное видение поэта так глубоки, переплетение слов/образов составляет столь сложный рисунок, что это позволяет создавать абсолютно волшебный, напоминающий архитектурный и живописный модерн окказиональный язык.

Объем статьи не позволяет показать еще множество изысканных, неожиданных авторских проявлений противопоставленности как одной из основных категорий создания поэтических образов. Приведем лишь несколько контекстных антонимических оппозиций без комментариев: «гордость – горесть», «обед – стихотворенье», «сад – словарь», праздник – казнь», «гостить – царить», «шептаться – (не) корить», «милый – чужой», «жарок – груб», «(не) зря – для таинственного дела» и др.

В одном из стихотворений Бэлла Ахмадулина написала: «Но перед тем, как мною ведать, вам следует меня убить». «Ведать» поэтом невозможно. Ни при его жизни, ни после. Любое вторжение в поэтику текста, даже самое деликатное и бережное, оставляет привкус субъективности. Но существуют язык, поэт и стихи, написанные им. Это триединство навсегда останется объектом притяжения исследователя.

Список литературы

Ахмадулина Б .А. Стихотворения. М.: ЭКСМО, 2008. 384 с.

Ожегов С. И., *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 994 с.

Тихомирова Л. С.
Россия, Пермь

РОЛЬ ВОСПРИЯТИЯ В НАУЧНОМ СОЗНАНИИ

Проблема восприятия является одной из важнейших в исследовании научного сознания. Термин «восприятие» охватывает широкий круг явлений и процессов, «начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия происходит … до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности. Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ, а также и к способностям членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека информа-

© Тихомирова Л. С., 2012

ции и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [Кубрякова 1997: 17].

Сложный характер феномена восприятия, имеющего начало в перцепции и находящего продолжение в когнитивных операциях, отражается на языковом уровне в научном тексте. Будучи явлением многоплановым, восприятие изучается «на самых разных уровнях: психофизическом, теоретико-познавательном, клеточном, феноменологическом, на уровне микро- и макроанализа. Используются самые разнообразные «конкретные методы, процедуры, индикаторы» [Гельмгольц 1993: 251]. Многообразием отличаются и подходы к его изучению: эмпирический подход [там же: 8], генетический [Smith 1987], [Ломов 1984], исследования гештальт-психологов [Koffka 1965]), бихевиористски ориентированные исследования [Gibson 1986], деятельностный подход [Запорожец 1977], [Леонтьев 1987], исследования когнитивной психологии [Найссер 1984]; [Piaget 1989]), однако в наиболее обобщенном виде в исследовании процесса восприятия можно выделить три направления: философский, психофизиологический и собственно лингвистический.

Данное исследование представляет собой попытку описать текстовое выражение восприятия в научном сознании, основываясь на некоторых результатах изучения восприятия в психологии. Согласно нашей гипотезе, принципы отбора и реализации сознательных (когнитивных) конструкций при осуществлении сознанием своих текстостроительных функций должны коррелировать с особенностями восприятия ученым окружающего мира вообще и, с прагматической точки зрения, быть средством управления вниманием рецепиента научного текста. Гуссерль пишет: «С нашей точки зрения, в сфере чувственной абстракции, которой до сих пор отдается предпочтение из-за ее простоты, следует прежде всего различать акты, в которых наглядно “дается” атрибутивный момент, и те построенные на этом моменте акты, которые являются уже не просто актами непосредственного наблюдения, но скорее представляют собой акты нового рода – акты генерализации, позволяющие мыслить соответствующие виды» (цит. по: [Арутюнова 1988: 136]). Автор обнаруживает понимание глубинного смысла научного восприятия, заключающегося, с одной стороны, в фиксации в тексте отраженных фактов действительности, а с другой – в отражении мыслительной работы автора научного произведения, комбинирующего эти факты в соответствии со своей стратегией, благодаря чему образуются новые, дополнительные смыслы.

«Для восприятия научного сознания характерно явление, на которое обратил внимание С. Ульманн, исследовавший лексику восприя-

тия: «перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную» [Ульман 1980: 279–280]. Авторские конструкции репрезентируют финал процесса научного восприятия, этап, когда воспринятая информация подвергается когнитивным процессам, заключающимся в преобразовании сенсорной информации в готовое знание.

Научному восприятию, как правило, подвергается не вся доступная автору информация, а лишь та, которая отвечает целям и задачам данного научного произведения, соответствует замыслу автора и обусловлена его отбором (остальная попадает в «фон», либо составляет основу парадигмы развиваемой проблемы, темы и является общеизвестной). Объем научной воспринимаемой информации обусловлен действием некоторых когнитивных законов, согласно которым количество одновременно воспринимаемых объектов ограниченно. Так, Б. М. Величковский пишет, что «современные авторы склонны объяснять ограниченностью объема внимания, или рабочей памяти, множество разнообразнейших фактов, например, то, что на каждом уровне схематического описания текста обычно встречается не более двух-трех эпизодов» [Величковский 1992: 44].

Приведем несколько примеров, подтверждающих действие этих законов в сфере научного восприятия. На уровне фрагмента текста авторская конструкция вводит ограниченное количество источников информации. Сюда можно отнести «включенные» образования, когда несколько разных авторов представляют семантически однородную информацию:

Член Российской Академии наук К.Ф. Вольф *(1733–1794) доказал, что в процессе эмбриогенеза органы возникают и развиваются заново…* ***Продолжатель эмбриологических исследований К.Ф. Вольфа русский академик К.М. Бэр*** *(1792–1876) открыл яйцеклетку млекопитающих и человека, установил главные законы индивидуального развития организмов (онтогенеза), которые лежат в основе современной эмбриологии.* ***Английский ученый Чарльз Дарвин*** *(1809–1882) в своем произведении «Происхождение видов» (1859) доказал единство животного мира.* ***Эмбриологические исследования А.О. Ковалевского, Мюллера, Геккеля*** *нашли свое отражение в так называемом биогенетическом законе («онтогенез поворяет филогенез»)»* [Привес 2002: 10].

В случае, если в тексте более одного источника информации и эти источники не вводят семантически однородной информации, они оказываются связанными между собой следующими отношениями:

1. Противопоставления: *В ряде работ последнего десятилетия… имеет место* ***некоторая ограниченность…***[Величковский 2006: 64];

*Не отрицая того, что в монографии В.Ф. Левичевой и В.Ф. Щербины содержится интересный анализ ряда актуальных аспектов экономических отношений**, я считаю, что предлагаемая ими трактовка категории идеального является в большинстве случаев некорректной»*** [Дубровский 1998: 15–27.]

2. Сравнения: *Предлагаемый **способ спондилодеза**, разработанный на кафедре нейрохирургии ВМА, повышает эффективность хирургичекого вмешательства за счет применения остеосовместных, биодеградируемых имплантантов из стеклокристаллических материалов, обладающих **в отличие от бионертных керамических материалов]**, способностью к активной остеоинтеграции…* [Орлов 2010: 166.]

3. Совмещенные отношения: а) сравнения – дополнения: *Определяя **понятие плотности знания** по отношению к научному тексту, **М.П. Котюрова и И.В. Самойлова подчеркивают**, что это «текстовое познавательно-коммуникативное свойство градуального типа, синтезирующее эпистемический смысл той или иной степени обобщения, связанноси, слитности, реализуемое различными средствами. **Интересна и другая точка зрения,** согласно которой «плотнось текста соотносится с его терминосистемой, предъявленной читателю не в явном статическо, упорядоченном виде, а в движении, динамике смысла* [Котюрова, Гиренко 2005], [Данилевская 2006: 65.]; б) сравнения – противопоставления: *М.Н. Матвеев **в весьма упрощенной и превратной форме** изложил наши представления о парадоксе и противоречии развития, теневой системе; **он приписывает нам, например, идею взаимооднозначного соответствия высшего и низшего*** [Орлов 2010: 55]. Зарождение крайне противоречивой оценки В. В. Орлова о высказывании М. Н. Матвеева сделано с целью исправления исходного знания в тексте.

Приведенные примеры усложняющихся отношений между источниками информации показывают, что при удалении от первой, «сенсорной» фазы восприятия и приближении к следующей когнитивной фазе происходят фиксация в тексте процесса членения, структурирования сенсорных данных, формирование целостной картины мира, что в текстовой ткани научного произведения часто приводит к расширению «радиуса действия» авторских конструкций [Гричин 2010: 8]. С некоторой долей экстраполяции этот процесс можно сравнить с нарастающей детализацией пространства внутреннего мира автора текста эпистолярного дискурса [Демешкина 2010: 14], где динамика описания пространства от внешнего к внутреннему связана с «заселением» его невидимыми, нематериальными объектами, эмоциями, впечатлениями, размышлениями.

Ограниченность объема воспринимаемой информации, невозможность охватить вниманием большое количество деталей за определенный промежуток времени также отражаются на текстовом уровне. «Эксперименты с классификацией и идентификацией различных сенсорно-перцептивных признаков показывают, что нам значительно проще определять разные признаки одного и того же предмета знания, чем один и тот же признак такого же числа разных предметов знаний» [Ланге 1893: 223]. Кроме того, «согласно современным данным, зрительная память, удерживающая полученную за время одной фиксации информацию, часто работает всего лишь с одним объектом» [там же: 198]. Исследованный нами материал позволяет прийти к выводу, что детальной характеристики в воспринимаемых глазом структурах подвергаются объекты, у которых выделяются небольшое количество свойств / признаков:

а) один признак: *Что такое кристалл? **Это слово, используемое в повседневной жизни, вызывает разнообразные представления:** вспоминаются блестящие зерна горных пород "горный хрусталь" и вырезанные из него изделия в музеях, вазы из граненого хрусталя, алмазы, а также рубины и сапфиры, простейшие радиоприемники с кристаллическими детекторами... Не во всех случаях значение этого слова совпадает с его **научным смыслом**, однако все эти образы связаны со зрительными впечатлениями отблесками от граней кристаллов минералов или сахара* [Банн 1986: 13].

Объясняя сущность термина, через сходство с другими природными явлениями автор сохраняет единый связующий признак кристалла как « отблеска от граней кристаллов минералов или сахара».

*б) несколько признаков: Полученный телевизионный сигнал преобразуется в **двойничный цифровой код**, который содержит много **избыточной информации** и нуждается в дополнительном **кодировании. Кодер**, подключенный после квантователя, при реализации одного из **алгоритмов кодирования** уменьшает статистическую избыточность двойного **сигнала** и тем самым **снижает** скорость цифрового потока до (2-5) Мбит/с* [Широкова 1982: 69].

В данном случае под предметом изучения *(«двойничный цифровой код»)* понимается комплекс характеристик, явлений *(«избыточность информации», «кодер ... уменьшает избыточность двойного сигнала и ... снижает скорость цифрового потока»),* скрепленных между собой определенным жестким отношением. Подобная целостность признаков, как правило, в крупных научных произведениях не задается или трудно выделяется исследователем, поскольку предмет изучения вычленяется постепенно: его предварительный «эскиз» на текстовом

пространстве подвергается постоянной корректировке на протяжении всего научного исследования, что снижает в этом случае степень восприятия научного знания.

По всей видимости, особенностями восприятия окружающего пространства обусловлено и такое свойство текстовой организации авторского восприятия, как изменение характера воспринимаемой информации от общего к частному по мере развертывания микротемы. Еще Н. Н. Ланге в работе «Закон перцепции», опубликованной в 1892 г., на основе наблюдений с тахистоскопическим показом изображений предметов отметил, что восприятие представляет собой процесс микрогенетического развития. Исследователь пишет: «Процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференцированного» [Ланге 1893: 3]. Восприятие трактуется здесь как развернутый во времени процесс, а не моментальный, постепенно растворяющийся в воздухе снимок.

Анализ научного текста подтверждает наблюдения, сделанные психологами. См.: движение мысли от «отправной точки», регистрации общего наблюдения над явлением, к выявлению деталей наблюдаемого на участке текста:

Все сказанное до сих пор относительно ***физико-химической природы возбудительного процесса*** *основывалось на концепциях* ***ионной*** *теории возбуждения, развиваемой ее сторонниками в рамках современной* ***мембранной теории биоэлектрических потенциалов.*** *Однако существует представленная многочисленными работами* ***другая система взглядов на сущность и происхождение биопотенциалов и природу возбуждения*** *в целом – так называемая* ***фазовая*** *теория ... придает большое значение не мембране, отделяющей клетку от среды, а* ***внутриклеточной протоплазме...*** (Небылицын 1990: 173).

Из представленного фрагмента психологического текста видно, что в поле зрения исследователя попадают все новые и новые, ранее неизвестные варианты изучаемого предмета (объекта), свойства которых не тождественны тому его представлению или варианту, с которого началось изучение. Круг исследования постепенно расширяется, захватывая новые факты, свойства, принципы, подходы (в частности, «*фазовая теория, которая придает большое значение не мембране, отделяющей клетку от среды»,* а «*внутриклеточной протоплазме»),* хотя относятся к одному предмету, но различаются между собой. Таким образом, поскольку расширение познания требует также и его

углубления, то чем *больше расширение*, тем и *больше глубина познания*.

Восприятие наблюдения «склонно» подводить итог, резюмировать, подводить к заключению предшествующие рассуждения, оно вводит информацию, которая делает описываемую ситуацию целостной: *Лица с ДСТ часто предъявляют жалобы на ощущение сердцебиения, перебои в работе сердца... У лиц с ДСТ имеется склонность к обморокам, чаще встречаются липотимии (симптомокомплекс ощущений, предшествующих потере сознания)... Кроме того, по нашим данным, лицам с ДСТ свойственна повышенная утомляемость, эмоциональная подавленность, неуверенность в себе, депрессивные тенденции...* [Ховаева 2002: 35]. Далее автор монографии эту часть текста обобщает одним предложением, в котором сконденсировано все предшествующее научное знание: *Необходимо обратить внимание на то, что* ***психологические, вегетативные и физические*** *проявления у лиц с ДСТ имеют общность происхождения и развития* [там же].

В данном примере авторская конструкция одновременно служит средством когезии, маркируя переход к следующему этапу описания.

Итак, наблюдения над реализацией авторских семантических структур восприятия подтверждают нашу гипотезу об отражении особенностей объема авторской информации, количества выделяемых у объекта знания признаков, особенностей детализации при описании объектов чувственного и когнитивного восприятия. Описание особенностей отражения в тексте процесса восприятия в духе когнитивно-дискурсивного подхода способствует познанию взаимосвязей языковых и внеязыковых факторов создания и понимания научного текста.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Банн Ч. Кристаллы: их роль в природе и обществе. М.: Мир, 1986. 312 с.

Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания в 2 т. М.: Академия, 2006. Т. 1. 448 с.

Гельмгольц Г.О. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия. М.: ЧеРО, 1993.

Гричин С.В. Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12).

Данилевская Н.В. К вопросу о плотности знания в научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2006.

Демешкина Т.А. Репрезентация категории пространства в эпистолярном дискурсе Н.В. Гоголя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10).

Дубровский Д.И. Категория идеального и ее соотношение с понятиям ииндивидуального и общественного сознания // Вопросы философии. М., 1998, № 1.

Запорожец А.В. Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1977. 323 с.

Котюрова М.П., Гиренко Л.С. Плотность научного текста и подходы к ее изучению // Stylistyka / под ред. Ст. Гайды. Т. XIV. Стилистика и Кожина. Opole, 2005. С. 295–316.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Ланге Н.Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Мир, 1893. 296 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 445 с.

Леонтьев А.Н., Венгер Л.А., Зинченко В.П. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1987. 304 с.

Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1984. 230 с.

Небылицын В.Д. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990. 408с.

Орлов В.В., Лысенок Л.А. Применение имплантов из Биоситалла при заболеваниях позвоночника и травмах // Человек и его здоровье (материалы конгресса), Санкт-Пб, 2010.

Привес М.Г. Анатомия человека. Санкт-П.: Гиппократ, 2002. 720 с.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1980. Вып. 5.

Ховаева Я.Б., Усольцева Л.В. и др. Клинические аспекты дисплазии соединительной ткани и состояние сердечно-сосудистой системы. Пермь. 2002.

Широкова М.П. Впереди времени // Вопросы радиоэлектроники. М., 1982. Вып. 13.

Gibson J.J. The sensers considred as perceptual systems. Boston : Houghton Mifflin, 1986. 336 p.

Koffka K. Principles on gestalt psychology. N.Y.: Brace, 1965. 720 p.

Piaget J. The mechanisms of perception. N.Y.: Basic Books, 1989. 284 p.

Smith G. Visual perception. An even over time // Psycol. Rev. 1987. Vol. 64. P. 306–313.

Ширинкина М. А.
Россия, Пермь

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНОНИМНЫХ ТЕКСТОВ (на примере писем-обращений граждан в органы власти)

Одним из основных направлений развития демократического общества называют «создание благоприятных условий для осуществления взаимодействия государства со своими гражданами в форме диалога, а не монолога, как это было в Советском Союзе» [Финашко 2009]. Чтобы диалог состоялся, создаются отделы по связям с общественностью, по работе с обращениями граждан и т.д. При этом основной формой диалога власти с народом становится обращение гражданина в государственные органы – письмо или устное заявление, которое, по справедливому замечанию С. З. Женетль, «является актом свободного волеизъявления индивидуального субъекта… и, как правило, детерминировано какими-то внешними обстоятельствами, содержащими неблагоприятный оттенок» [Женетль 2008: 62]. Среди таких актов свободного волеизъявления граждан встречаются анонимные обращения. Для чего их авторы начинают «разговор»? Какие цели они преследуют, отправляя свои письма в органы государственной власти?

В словарях русского языка *анонимный* толкуется как *‘скрывший своё имя’, ‘не имеющий указания на автора’* [БТСРЯ 2000: 40]. В юриспруденции есть специальное толкование этого понятия. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» находим: «Письменное обращение гражданина должно быть им подписано с указанием фамилии, имени, отчества и содержать помимо изложенного существа предложения, заявления либо жалобы, также данные о месте его жительства, работы или учебы. Обращение, не содержащее этих сведений, признается анонимным и рассмотрению не подлежит» [п. 1 Указа… от 12.04.1968 № 2534-VII. Иначе говоря, ано-

© Ширинкина М. А., 2012

нимным считается обращение гражданина, в котором не указаны фамилия, имя, отчество, нет данных о месте жительства, работы или учебы.

Однако сегодня Указ № 2534-VII не действует, вопросы обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления регулирует Федеральный закон от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В ст. 4 этого закона определены юридически значимые формы обращений:

«Предложение – рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

заявление – просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [ст. 4 ФЗ от 02.05.2006 № 59].

Исходя из этих определений, можно утверждать, что при написании обращения в форме предложения гражданин имеет целью сообщить о недостатках в законодательстве или работе каких-либо органов и предложить, посоветовать представителям власти выход из сложившейся ситуации. Составляя заявление, гражданин хочет реализовать свои законные права либо проинформировать властные структуры о нарушении законов и недостатках в работе государственных органов. И, наконец, подавая жалобу в органы власти, ее автор стремится к восстановлению нарушенных кем-то прав.

Далее в п. 1 ст. 11 указанного Федерального Закона читаем: «В случае, если в письменном обращении не указаны фамилия гражданина, направившего обращение, и почтовый адрес, по которому должен быть направлен ответ, ответ на обращение не дается». Как видно из текста приведенной статьи закона, понятие анонимности в нем отсутствует. Однако авторы многочисленных комментариев к Федеральному Закону № 59 считают, что обращения, в которых не указаны фамилия и адрес заявителя, это и есть анонимные обращения.

Обратимся к анализу этих текстов.

1. Прежде всего выявим, **как называют себя авторы анонимных обращений.** Оказывается, способы «автономинации» (ср. автопортрет, автобиография) обусловлены каналом связи гражданина и власти. Так, если обращение поступило на сайт Главы города или в интернет-приемную, обнаруживаем следующие варианты самонаименований:

– *Почтальон Печкин Почтальонов* (налицо связь с известным литературным персонажем) или *Иванов Иван Иванович* (самое традиционное, с точки зрения обыденного сознания, для русской культуры сочетание фамилии, имени и отчества). Такие письма обычно пишет гражданин, которому отказали в решении проблемы потому, что его просьба не соответствует букве закона;

– *многодетная мать* (указание на социальный статус гражданина). Такой автор вкладывает «крик души» в свое обращение в надежде на то, что к письму отнесутся индивидуально и обязательно помогут;

– *недовольный родитель* (указание на социальную роль и эмоциональное состояние). Отчаявшийся устроить ребенка в хорошую школу родитель опускается до оскорблений: *Как снизить стоимость поступления ребенка в школу №… на ул. С-кой, если В-а Л-на требует не менее 100 тыс. руб? Законно ли это? Или она и с вами делится?*;

– *все жители дома* (имитация коллективного автора). Обычно так подписывается гражданин или небольшая группа граждан, которые сообщают о нарушении общественного порядка (находящийся рядом с домом и работающий всю ночь киоск, в котором продают спиртное даже детям; соседи, торгующие спиртом или наркотиками). Авторы этих заявлений не подписываются потому, что не доверяют власти в вопросах конфиденциальности информации и боятся преследований со стороны нарушителей.

Если обращение поступило непосредственно в орган власти (в письменном или печатном виде), то анонимным оно оказывается в следующих случаях:

– автор указывает имя без фамилии и адреса: *Наталья.* Гражданка, испытавшая ужас от езды в городском транспорте, подробно описывает ситуацию, а в заключение ограничивается фразой: *На ответ не надеюсь*;

– указаны не свои фамилия, имя, отчество и адрес. Анонимность такого обращения обнаруживается лишь после получения ответа на него совершенно другим гражданином. Настоящий же автор письма скрывается, так как не доверяет власти, боится разглашения своих данных и преследований;

– есть подпись гражданина (без указания фамилии и адреса). Человеку кажется очевидным: описанная им проблема очень важна. Нужно

«сигнализировать» о существовании этой проблемы мэру города / губернатору / президенту, и они ее обязательно решат;

– реквизит «Подпись» включает словосочетание *жители микрорайона / города / дома* и внушительный список подписей. Здесь, на наш взгляд, нужно говорить о правовой неграмотности составителей письма. Скорее всего, его авторы – пенсионеры. Они убеждены: власть обязательно решит описанную ими проблему, нужно только собрать как можно больше подписей жителей.

В двух последних случаях нельзя говорить о намеренном сокрытии индивидуальной информации. Чтобы такие анонимные обращения не появлялись вновь, властным структурам необходимо более массово и качественно информировать граждан о порядке реализации ими своего права на обращение.

2. **Что характерно для текстов анонимных обращений?** По нашим наблюдениям, анонимные обращения пишут уже отчаявшиеся решить свою проблему люди. Поэтому в большинстве случаев такие письма насыщены эмоционально-оценочной лексикой, выражающей чувства и эмоции: *безобразие, нарушение, издевательство,* (водитель автобуса) *погнал, «ас» вождения, изворотлива* (о заведующей детским садом)*, жуткий шум,* проблема *тупо* не решается и мн.др. То же самое можно сказать о целых высказываниях, выражающих недоверие к власти и сомнение в том, что описанная проблема вообще будет решена, например: *Ответа не жду; Просто зла уже не хватает на все эти службы.*

Письма граждан, поступившие через средства электронной коммуникации, поддавшись влиянию языка интернет, содержат множество вопросительных и восклицательных знаков, также призванных выразить бурю эмоций гражданина: *Сделайте, пожалуйста, что-нибудь!!!; Куда обращаться дальше?!?!? SOS!!!!* Отдельные фрагменты или целые предложения могут быть набраны прописными буквами, что, как известно, в языке интернет означает разговор на повышенных тонах: *НО СИСТЕМА НИКЕМ НЕ РЕМОНТИРУЕТСЯ УЖЕ НЕДЕЛЮ…; ПОЧЕМУ с детьми работают НЕспециалисты?*

Бывает, что в таких обращениях употребляется стилистически сниженная лексика: *Жлобы, не даете участковым квартиры и хотите чтоб они вас защищали и работали с вами тесно!!!???* Слово *жлоб* в словаре имеет помету *разг.-сниж.* [БТСРЯ 2000: 307].

3. **Почему гражданин не указывает свои данные?** Во-первых, гражданин может скрывать индивидуальную информацию потому, что в письме он не описывает реальные факты, а высказывает свои предположения, домыслы. Об этом пишут и исследователи права. В част-

ности, В. З. Женетль объясняет намеренное желание автора анонимного обращения остаться неизвестным недобросовестностью: «Если он по каким-то причинам отказывается подписывать свое обращение, то это должно … свидетельствовать о ложности содержащихся в данном обращении сведений» [Женетль 2008: 68].

Другим определяющим фактором является то, что «граждане еще не научились доверять государству» [Финашко 2009]. Такие граждане боятся преследования со стороны представителей власти или гнусной мести нарушающих общественный порядок «соседей», которым станут известны имена жалобщиков.

Третьей причиной создания анонимного письма могут послужить эмоции и отчаяние, вызванные нерешаемой в течение продолжительного времени проблемой. В этом случае мы наблюдаем преобладающее влияние эмоционального момента [Якубинский 1986: 17]. Автор такого письма просто «выливает» эмоции и не стремится услышать что-либо по существу его проблемы.

4. Выявив особенности текстов анонимных обращений и установив причины их составления, мы определили **цели**, которые преследуют авторы этих текстов:

– высказать эмоции;

– выразить недоверие власти;

– довести до сведения властных структур важную информацию, тем самым побудить эти структуры к конкретным действиям.

Таким образом, созданный в неблагоприятных для автора условиях, имеющий целью воздействовать на представителей власти посредством выражения чувств и эмоций, текст анонимного письменного обращения гражданина не предполагает продолжения диалога, а становится менее естественной формой речевого общения [Якубинский 1986: 34–37] – монологом, **не требующим ответа по существу вопроса**, но с необходимостью ориентированным на слушателя/ адресата.

Список литературы с сокращениями

БТСРЯ – *Большой* толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.

Женетль С. З. Теоретический анализ основных положений Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Административное право. 2008. № 4. С. 62–71.

Финашко М. Диалог «Власть и общество» в виртуальном пространстве. URL: http://misit.ucoz.ru/load/2-1-0-3 (дата обращения: 10.03.2012).

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm1 (дата обращения: 10.03.2012).

Шкураток Ю. А.
Россия, Пермь

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ЗНАХАРЬ*[1]

Исследуемая лексема, казалось бы, не представляющая для этимолога серьезной проблемы, так как она принадлежит словообразовательному гнезду глагола *знать*, при детальном внимании позволяет рассмотреть ряд вопросов, далеких от своего разрешения.

Во-первых, нет единого взгляда на процесс образования данного слова. Согласно первой гипотезе *знахарь* – отглагольное производное. По мысли М. Фасмера, *знахарь* – образование, аналогичное *жи́харь* от *жить* [Фасмер II: 101]. Этой же версии придерживается Ж. Ж. Варбот: описывая модели образования древнерусских отглагольных имен существительных, она выделяет в особую модель присоединяемый только к корню суффикс – *хар'*- (в этой модели указан только один случай *знати* > *знахарь*) [Варбот 1967: 85, 94]. В. Махек допускает для сущ. *znachar* отглагольное образование от возможной формы *zna-cha-ti* [Machek: 586]. Другие этимологи, напротив, видят в сущ. *знахарь* отыменное образование. П. Я. Черных пишет, что вначале от глагола *знати* при помощи суффикса экспрессивного характера *-х-* образовалось существительное **zna-х-ъ*, ср. диал. *зна́ха* ‘знахарка’, и лишь потом был присоединен суффикс *-ар-ь* **znati* > **zna-х-ъ* > *зна-х-арь* [Черных 2: 327]. Суффикс *-ар-ь* является формантом иноязычного происхождения: «это лат. *-arius*, распространившееся благодаря заимствованию слов, обозначающих профессию, в греческом, кельтских, германских и, через посредство германских, в славянских языках» [Цейтлин 1977: 120]. Ю. В. Откупщиков, ссылаясь на диссертацию Л. И. Шелеповой, приводит диалектные примеры, подтверждающие вторую гипотезу: *бать* ‘говорить’ → *бах* → *бахарь*, *дать* → *дах* →

© Шкураток Ю. А., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-34-01043а1, гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011.

дахарь ‘тот, кто дает’, *взять* → *взях* и *взяха* → *взяхарь*, также в говорах фиксируется *ба-х-ар-ун* ‘говорун’, где последовательно «наслоились» три суффикса со значением nomina agentis [Откупщиков 1986: 194].

В древнерусском языке слово фиксируется в двух формах: *знахарь* и *знахорь*. Форма на *-арь*, если она не является следствием аканья, остаток формы на *-оръ*, измененной под влиянием *знахарь* [Черных 2: 327].

В словаре современного литературного языка представлены лексемы *зна́харить*, *зна́харка* и *знаха́рка*, *зна́харский*, *зна́харство*, *зна́харь* [БАС 6: 777–778]. Согласно данным словаря В. И. Даля, *знахарь* служит основой для образования глаголов *зна́харить* ‘заниматься знахарством, шептать, ворожить(ся), прикидываться знахарем, принимать вид его’, *взна́харить* ‘посвятить в таинства знахарства, обучить знанию этому, сделать знахарем’ [Даль I: 488]; *назна́харить* ‘нагадать, наворожить, накудесить, наколдовать(ся), познахарить’ [там же II: 1087]; *обозна́харить*, *озна́харить* ‘сделать знахарем, передать знахарство’ [там же II: 1564]; *познахарить* ‘поворожить, или позаняться знахарством’ [Даль III: 598]; прилаг. *зна́харев, знаха́ркин, зна́харский* [там же I: 1718]; нареч. *по-зна́харски* [там же III: 598] (территориальных помет при этих словах в словаре Даля нет).

В украинском языке фиксируются сущ. *зна́хар* (редко *зна́хор*, *зна́хур*), *зна́харка* (а также *зна́хорка*, *зна́хурка*), *зна́харство* (*зна́хорство*, *зна́хурство*) ‘ремесло знахаря’, прилаг. *зна́харський* (*зна́хорський*, *зна́хурський*), производные глаголы *знахарува́ти*, *знахарюва́ти* ‘заниматься знахарством’ [СУМ 3: 645–646]; в белорусском языке – *знаха́р*, *знаха́рка*, прилаг. *знаха́рскі*, *знаха́рства* ‘знахарство’ и глагол *знаха́рыць* ‘заниматься знахарством, знахарить’ [БелорРС 2: 35–36]; в болгарском языке– *знаха́р, знаха́рка, знаха́рство* [БолгРЯ: 200] и форма *зна́орен* ‘который знает, разбирается в чем-то’, производное от **зна(х)ор*, в польском – *znachor*, *znachorka*, *znachorski*, *znachorstwo* [SJP 8: 572]; в словацком – *znachar* ‘лекарь’, *znachorka* ‘женщина-ведьма’, *znachor* ‘ребенок чрезвычайно одаренный; вообще о красивых детях и младенцах)’ [Machek: 586].

На основании этих данных «Етимологічний словник української мови» выводит праслав. **znaxarъ*, *znaxorъ*, образованное от *znati* ‘знать’, как табуистическое название колдунов [ЕСУМ 2: 271]. Но, по мнению П. Я. Черных, западно- и южнославянские примеры являются заимствованиями [Черных 2: 327], что ставит под сомнение праслав. **znaxarъ*, *znaxorъ*. Отметим, что в болгарских диалектах так же, как и восточнославянских, фиксируется целый ряд синонимов с корнем **zna-* в значении ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием,

знахарь, колдун': *зна́йник*, *зна́йница*, *зна́тель*, *зна́телка*, *зна́лец*, *зна́лец*, *зна́йник*, *зна́йница*, *знаялец*, *знаялица*, *знаяри́ца* 'знахарка' [Геров 2: 161; БЕР 1: 649].

Несмотря на то что слово – единица двусторонняя, этимологические словари практически не уделяют внимания его семантическому развитию. Что касается исследуемой лексемы *знахарь*, как правило, не проводится реконструкции даже изначальной семантики слова, так как очевидна смысловая производность от глагола *знать*, лишь в некоторых случаях словарная статья снабжается комментарием «табуистическое наименование». Единственное развернутое высказывание относительно семантического развития лексемы *знахарь* дает словарь П. Я. Черных: «Старшее значение "тот, кто знает дело", "знаток". <…> Знач. "лекарь, колдун" более позднее, установившееся, возможно, лишь в 1-й пол. XIX в.» [Черных 2: 327].

В современном литературном языке сущ. *знахарь* имеет только одно значение – так называют лекаря-самоучку, лечащего народными средствами, заговорами, но в диалектах слово функционирует как минимум в двух значениях: 1) 'обладающий достаточными или большими знаниями, знающий', 2) 'обладающий особым, сверхъестественным знанием, знахарь, колдун'.

Согласно данным «Словаря русского языка XVI–XVII вв.», слово *знахарь (знахорь)* в памятниках письменности имело следующие значения: 1) 'знающий (местность, дело) человек': (1480): *И знахори ведяху его* [Ахмата] *къ Угрh рhцh на броды.* Воскр. лет., *Посла бо…слугъ своих корабли и корабленици и знахори морскиа*. Библ. Генн. 1499 г.; 2) 'тот, кто выступает в качестве свидетеля при земельных спорах': *И судья въспросилъ Семеновых знахоревъ, Гридки Авдhева и его товарищов: скажите въ правду, что вам вhдомо? И Гридка с товарищи так ркли: нам, г(осподи)не, вhдомо, что тhе земли и пустоши пашут на монастырh… лhтъ за пятдесят.* АСВР. ок. 1470 г., *Приказалъ государь… про тh рубежи, которые рубежи въ пословh памяти писаны порубежныхъ знахарей выпросити и по чертежу росписати.* Польск. д. 1570 г.; 3) 'знахарь, лекарь': *2 места пустых Степашка знахоря, да 4 места пусты Степанка кавтанника, да Лашука красильника* (1583 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 6: 52].

На наш взгляд, иллюстрирующий третье значение контекст не вполне очевиден. От второго значения образовано сущ. ***знахарство*** со значением 'свидетельство старожилов': *И судья въспросил знахореи старцовых – Богдана Микулина… да Тимана: скажыте, брате, как право перед б(о)г(о)мъ, что выше знахарство, чья то земля; на которои стоим?* [там же: 52]. Приведенные примеры показывают, что се-

мантическая структура слова *знахарь* была несколько иной, чем в современном литературном языке и говорах.

Помочь в установлении этимологии сущ. *знахарь* может семантическое наполнение лексем, входящих в словообразовательное гнездо глагола *знати*. Анализ этого гнезда показал, что для производных с корнем **zna-* в роли nomina agentis характерны два круга употреблений: первый связан со знанием какого-либо дела, второй − со способностью «знатока» указать путь (в том числе и по воде), границы, выступить свидетелем при земельных спорах, опознать человека, траву и т. п. При этом дериваты с корнем **zna-* не способны указывать на человека, обладающего большими знаниями, мудрого, сведущего, этот круг употреблений характерен только для дериватов с корнем **věd-*. Таким образом, для ранних периодов развития русского языка производные глагола *знать* со значением ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием, знахарь, колдун’ не свойственны. Более того, в период XI–XVI вв. отсутствуют лексемы со значением ‘обладающий достаточными или большими знаниями, знающий человек’, что предопределяет невозможность появления у слов с корнем **zna-* значения ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием, знахарь, колдун’.

О времени появления дериватов глагола *знать* со значением ‘знахарь, колдун’ можно судить лишь по фиксациям в памятниках письменности. Значение, реализующееся только в особом контексте, связанном с представлением об обладании знаниями, источник которых мыслится как иномирный, по самой своей природе способно попадать в памятники письменности исключительно редко, в основном в судебных делах об обвинениях в колдовстве, поэтому о времени появления исследуемого значения у глагола *знать* и его дериватов можно судить лишь предположительно.

Ранний пример употребления слова ***знающий*** для характеристики человека, общающегося с «иным» миром, отмечен в «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.». В словарной статье «Вешки, мн. Колдуны, предсказатели» находим: *Велеть сыскать шаманов таких знающих, которые вешки и о всяких делех с болванами своими говорят*. Тобол. 1703 г. [СРНДРС: 19]. Начальная форма *вешки*, сущ. мн. ч., по всей видимости, в «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVII в.» восстановлена неверно, в «Словаре обиходного языка Московской Руси XVI – XVII вв.» этот же пример подается как иллюстрирующий прилаг. *вежский* со значением ‘ученый, сведущий (?)’ [СОРЯ 2: 60]. Учитывая регулярный характер семантического перехода ‘обладающий достаточными или большими знаниями, знающий’ > ‘облада-

ющий особым, сверхъестественным знанием’ в контекстах, описывающих магические и иные способности людей, «знающихся» с «иным» миром, возможно предположить, что в данном случае лексема *знающий* реализует исследуемое мифологическое значение. По всей вероятности, в этом контексте прилаг. *вежский* (ср. *вѣжа* ‘знающий человек’ < *вѣдѣти* ‘знать’) – близкий синоним слова *знающий*. В отдельную словарную статью «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» лексему *знающий* ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием’ не выносит.

М. В. Ломоносов в рукописях «Филологических исследований и показаний к дополнению грамматики надлежащих», работа над которой, по мнению биографов, шла в 1755–1758 гг., приводит синонимический ряд: *шепты, чары, чародейство, волшебство, волхование, чародеяние, колдовство, чернокнижие, заговор, порча, знахарство, обаянство, врачебство* [Малярчук 1972: 18], что свидетельствует о том, что в середине XVIII в. слово *знахарь* в значении ‘знахарь, колдун’ уже существовало в языке и дало дериват *знахарство*.

В языке XVIII в. зафиксирован пример, в которм слово *знахарь*, без сомнения, употреблено в значении ‘знахарь, колдун’: *Один из той толпы бродящей … Троянцев бѣдных горемык, Знаток во всем был настоящей … Провор мужик и не бездѣльник, Смѣкало, знахарь, и волшебник, Колдун и сильной ворожей.* Оспв [СлРЯ XVIII в. 8: 216].

Таким образом, старшим значением для лексемы ***знахарь*** является ‘знающий (местность, дело) человек’. Следовательно, нуждается в корректировке этимология лексемы *знахарь* (*знахорь*): значение ‘лекарь, колдун’ является поздним, что ставит под сомнение выводы о существовании праслав. **znaxarъ*, *znaxorъ*, возникшего как табуистическое название колдунов [ЕСУМ 2: 271]. Скорее всего, верно предположение П. Я. Черных о заимствованном характере западно- и южнославянских примеров.

Значение ‘знающий, обладающий достаточными или большими знаниями’ и производное от него ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием, знахарь, колдун’, предположительно. могли появиться в русском языке уже в XVII в. (сущ. *знатье* ‘знахарское, колдовское знание / навыки’ фиксируется в 1630 г.).

Список литературы с сокращениями

БАС – *Большой* академический словарь русского языка. Т. 1–13. М., СПб.: Наука, 2004–2009.

БелорРС – *Беларуска-рускі* слоўнік: У 3 т. Мінск: Бел. энцыклапедыя, 2003.

БЕР – *Български* етимологичен речник. София: Издателство на Българската академия на науките, 1962–. Т. 1–.

БолгРЯ – *Бернштейн Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1975.

Варбот Ж.Ж. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) // Этимология. 1965. М., 1967. С. 82–122.

Геров Н. Речникъ на блъгарския език. Пловдивъ, 1895–1904. Ч. I–V.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994.

ЕСУМ – *Етимологічний* словник української мови. Київ: Радянська школа, 1982–. Т. 1–.

Малярчук З.И. Вопросы синонимики в филологически трудах М.В.Ломоносова // Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII века. М., 1972. С. 16–20.

Откупщиков Ю.В. Диалектный материал и этимология // Этимология. 1984. М., 1986. С. 191–197.

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984–. Вып. 1–.

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Наука, 2006.

СРНДРС – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1991.

СУМ – Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1970–1980. Тт. 1–11.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Тт. I–IV.

Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.). М.: Наука, 1977. 179 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Флинта; Наука, 2002.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Československá akademie věd, 1957. 867 s.

SJP – *Karlowicz J., Krynski A., Niedzwiedzki W.* Slownik języka polskiego. Warszawa, 1904–1927 (1952–1953). T. I–VIII.

Карпова Т. Б.
Россия, Пермь

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА

Среди базовых категорий, формирующих специфику электронного дискурса и предопределяющих как содержание, так и форму коммуникации в сетевом пространстве, выделяют виртуальность, доступность, интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность. Последняя напрямую связана с проблемой невербальной составляющей интернет-коммуникации, поскольку это свойство определяет возможность интеграции текста с другими семиотическими системами, т. е. параллельного функционирования информации в различных коммуникативных средах. И хотя роль невербальной информации – ее графических (фото, живопись и т.д.) и динамических форм (звук, музыка, кино, видео) – в электронной коммуникации постоянно возрастает, все же именно вербальная форма остается здесь основной формой хранения, обработки и обмена информацией и составляет более 90 % всей информации в электронных сетях [Рязанцева 2009: 9]. Тем не менее невербальные (в данной статье имеем в виду графические) компоненты здесь есть и создают более комфортную среду для общения, нежели только речевые. Они формируют такое свойство языка интернета, как его ***многомерность, «картинность».***

Вспомним, что первобытное, архаическое мышление было по преимуществу образным, «правополушарным». Дальнейший многотысячелетний ход эволюции культуры и науки привел к всестороннему развитию логических, аналитических, вербальных (языковых), средств обработки информации и презентации знаний, основанных на логико-понятийном, «левополушарном» мышлении. При этом наглядность и образность архаического мышления была во многом утрачена. Теперь же, с развитием новых технологий, открываются возможности для синтеза видео, аудио, текстуальных и других средств передачи информации, то есть для одновременного использования преимуществ «левополушарного» (логико-понятийного) и «правополушарного» (наглядно-образного) мышления. Связывая живую разговорную стихию с «экранной» культурой изображения, к которой мы все заметнее переходим от культуры книжной, В. Г. Костомаров пишет:

© Карпова Т. Б., 2012

«...нынешний мир вообще становится все “менее лингвистичным”, возвращаясь, разумеется, на новой основе к более естественному “миру рисунка”... Виртуальный мир “голубого нигде”… устранил неизбежность облачения информации в языковую форму. Люди все чаще обращаются к изобразительным приемам оформления информации, все охотнее пользуются символикой или иероглификой, приобретающей международный характер» [Костомаров 2005: 213–214]. Современные тексты становятся гетерогенными, гибридными, поликодовыми, креолизованными, совмещающими в себе коды разных семиотических систем [Чернявская 2008].

В интернете эта особенность «картинного» восприятия мира современным человеком отразилась прежде всего в своеобразной азбуке эмоций – эмограммах (эмотиконах, смайлах) – стилизованном изображении мимики человеческого лица, сочетаниях разного рода знаков и символов. Наряду с самыми распространенными («улыбка» *:-)* ☺ и «огорчение» *:-(* ☹ смайлами), в сети существуют и многие другие. Приведем хотя бы некоторые из них: *:[!]* – крепко обнимаю, но я занят; *:-P* – показываю язык; *:-X* – молчу, рот на замке; *:-S* – смущен; *:-@* – потрясен; *:I* – думаю; *:O* – ору, кричу; *:-II* – сержусь.

Пользователи интернета часто прибегают и к другим графическим, не собственно языковым средствам общения. Ниже назовем их.

К таким графическим единицам относятся случаи многократного использования вопросительного или восклицательного знаков, знаки математических и логических операций, знаки-символы, принятые в компьютерной среде, пробелы, шрифтовые выделения, использование заглавных букв вместо строчных и под. Вот некоторые характерные примеры использования здесь графических единиц, усиливающих «изобразительное начало» интернет-коммуникации: *Ты БОЛЬНОЙ!!; Вы всерьез думаете, что у вас такое получится???)); ПО ТЕБЕ ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК ПЛАЧЕТ!!!!!!!!!!!!; Люююююдиииии! Урррррраааааааа!!!; Бизнес+; Цветаева+Пастернак; сон.це; К-Р-А-С-О-Т-К-А.*

Иногда авторами, например, сетевых дневников (блогов) используется звукопись как основной прием создания текста (в данных примерах в сочетании с анафорой, синтаксическим параллелизмом и окказионализмами):

З*автра* <u>*водаводавода*</u>
З*автра* <u>*жаражаражара*</u>
З*автра* <u>*дадададада*</u>;
** Новости на "**<u>с</u>**" **

***С**ледующая неделя также канет в небытиё.*
***С**егодня 3 часа спал на лекции.*
***С**аша удивляется.*
*«**С**ломанная дрожью рука в руках. Выбегу, тело в улицу брошу...».*
***С**разу и не скажешь, что сейчас лишь ноябрь.*
***С**обытия последних дней несколько поверхностны.*
[Электронный ресурс: http://libre-cuadro.livejournal.com/].

Сочетания прописных и строчных букв нередко привносят новые смыслы в привычные номинации (*ТЕЛЕФОНиЯ; уДАЧНАЯ покупка*), служат способом создания окказиональных единиц (*КатяВасия, Дис-Панцырь-Э-Зацияяя, ОКсанка, САМАпоСЕБЕнишна; куПИКвартиру* (слоган строительной компании ПИК). В формировании подобных единиц используется также дефис (*Я-сейчас, ТВ-шный, старый-недобрый).*

Частотны коллажные соединения (часто также окказиональные по происхождению) в одной номинации единиц латинского и кириллического алфавитов: *кRUтой; Re:акция; сквozz zzзубы; zhav кулаки* и под.

К числу случаев соединения элементов разных кодов относятся и вкрапления из лексического состава другого языка. Такое соединение вряд ли можно рассматривать как внутрифразовое кодовое переключение в силу того, что использование иноязычной номинации информационно избыточно в высказывании и не мотивируется лексическими лакунами [Радзиевская 2006: 150]. Чаще всего это вкрапления из английского языка: *Алеся Петровна's Journal*; *Пикник у синего моря с Nagma* (названия блогов).

Возникли в языке интернета и активно перешли в реальный язык единицы, представляющие собой сочетание буквенных и небуквенных (например, числовых) компонентов: *7я* (семья); *100ловая* (столовая).

Близко к невербальным компонентам языка интернета и явление аграмматизма – намеренное нарушение правил русской орфографии, в результате которого образуются новые слова, типичные для дискурса интернета: *пашпорт*, *тыщщи*, *пиньжак*, *не пущають*, *молоццы*, *ога*, поел *барьщя*, в *маем* городе, *какойта*, *аперация*, *естессьна*, *йа*, *кэпка*, немного *щастья*, *че ваще* происходит, *каг бэ*, *фсем*. По своей функции в тексте аграмматизм близок к приему стилизации речи и является разновидностью эксперимента с языком.

Названные средства усиливают графическую «картинность», изобразительность интернет-текста, явно разнообразят его линейную монотонность. Такого рода единицы отражают еще одно свойство языка интернета: ***сжатость, компрессированность.*** Это свойство Т. И. Рязанцева назвала принципом экономии [Рязанцева 2009: 191].

Имеется в виду экономия как временн*ая*, так и финансовая: чем больше и дольше говоришь, тем больше платишь, а потому экономичнее речь сжатая, компрессированная, но информационно насыщенная, плотная. Поскольку коммуникация в электронном формате может проходить как в реальном времени, так и асинхронно, в нем присутствуют как стратегия семантической компрессии (характерна для письменной речи), так и семантического развертывания информации (характерно для устной речи) [там же: 212]. «Картинный», к тому же компрессированный текст в интернете позволяет решить проблему визуального его восприятия с экрана монитора [Современный медиатекст 2011: 282].

Иногда тексты располагаются в экранном пространстве особым образом, с использованием опять же графических средств (многоточие, необычное абзацное членение, сопровождающееся также особыми символами и др.). См. типичный пример такого текста (запись в блоге):

5 Янв, 2012 at 12:11 AM

А когда вообще в последний раз?
- так сладостно курил...
- так удобно сидел на диване...
- так вкусно пил...
- так легко расслаблялся
- так спокойно...

[Электронный ресурс: http://jock-tr.livejournal.com/]. Здесь и в подобных случаях эффект визуальной сегментированности текста, его дискретности подчеркивает фрагментарный характер высказывания. Такие текстовые особенности (как и названные выше явления графического творчества) соотносятся с постмодернистской эстетикой, для которой характерен эклектизм в разнообразных его проявлениях, отказ от правил и ограничений, выработанных предшествующей культурной традицией [Раздиевская 2006: 154].

При этом все названные графические средства способствуют созданию ***креативного*** текста «с возрастающей визуальной составляющей» [там же: 152], а также передают дополнительные смыслы, повышающие его информационную насыщенность**.** Интернет как самая свободолюбивая коммуникативная среда позволяет языковой личности экспериментировать с языком, делать с ним то, что невозможно с естественным языком. Предрасположенность к игре в самом широком смысле, отходу от действительности и ее моделированию является нормой речевого поведения в интернете. Возможно, это связано с тем, что в нестабильном современном мире игра воспринимается как момент устойчивости, привычного порядка, когда человек чувствует себя защищенным, как в детстве. К тому же, общение в сети (имеется в ви-

ду русский сектор интернета) – это, безусловно, неосознанное продолжение традиций шутовства, площадного празднества карнавального типа, скоморошества, характерных для народной русской культуры; это эпатаж, цель которого – удивить, поразить, привлечь внимание. Во всяком случае карнавальный стиль интернета вполне вписывается в культурный контекст сегодняшнего дня – времени постмодернизма. Интернет как свободолюбивый и демократичный канал общения стимулирует языковую личность реализовывать себя разными способами, в том числе и через игру словами. Человек в рунете – личность играющая, экспериментирующая, креативная (см. об окказиональном в рунете: [Карпова 2008]).

Таким образом, всемирная компьютерная сеть перестала быть просто системой хранения и передачи сверхбольших объемов информации, а стала новым слоем культуры – культуры виртуального дискурса, для которого характерно размывание границ между диалогом и монологом, устной и письменной формами речи, русского и английского языков, наблюдается демонстративное нарушение норм кодифицированного русского языка, очевидны акцент на фатической, экспрессивной стороне общения и установка на креативность. В рамках этих процессов и происходит смешение вербального и небербального кодов, что говорит о тенденции к усилению визуального компонента современных текстов.

Список литературы

Карпова Т.Б. Окказиональное в сети интернет // Стереотипность и творчество. Пермь, 2008. С.197–204.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. Москва, 2005. 287 с.

Радзиевская Т.В. Фактор графики в современном масс-медийном дискурсе // Стил. Вып. 5. Белград, 2006.С. 147–157.

Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. Москва, 2009. 256 с.

Современный медиатекст. Омск, 2011. 414 с.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2008. 248 с.

Костомарова Н. А.
Россия, Пермь

СЦЕНАРИЙ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ[1]

Существующие сегодня научные принципы описания различных явлений в гуманитарных, технических, естественных и др. науках базируются еще на положениях, разработанных философами в древности. В частности, при описании любого явления ученый стремится выявить существующие закономерности, установить схему протекания того или иного процесса, связать ее с другими существующими явлениями.

Лингвистика не является исключением. Для обозначения явлений, имеющих циклические закономерности, наряду с термином «сценарий» функционируют такие понятия как гештальт, схема, матрица. Использование этих терминов базируется на теории фреймов М. Л. Минского. Ученый, исследуя проблему создания искусственного интеллекта, предложил этот термин для обозначения когнитивных схем, хранящихся в памяти человека и извлекаемых из памяти для сравнения старых и новых реалий действительности общения с накопленным опытом. Речь идет о стереотипах, образах и глубинных структурах. С каждым фреймом связана информация разных видов: одна, относящаяся к использованию данного фрейма, другая, предупреждающая о том, что может произойти дальше, третья, предписывающая, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся, и т.п. [Минский 1979]. По мнению В. И. Шляхова, сложные схемы общения, например общение в режиме спора, ситуации, в которых происходят коммуникативные сбои, непрямая коммуникация, в теории фреймов не рассматривались, в то время как в исследовании массовой коммуникации они занимают важное место, в таком случае предпочтительнее использовать, термин «сценарий речевого взаимодействия» вместо термина «фрейм» [Шляхов 2010: 27]. В своей монографии автор определяет сценарий речевого взаимодействия как макроединицу дискурса, которая представляет собой свернутую когнитивную модель (схему) речевого поведения, хранящуюся в долговременной памяти и словесно материализующуюся собеседниками [там же: 6]. Основными компонентами сценарного пространства являются стратегии и тактики речевого поведения, а также сюжеты – различные векторы развития сце-

© Костомарова Н. А., 2012

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсы насилия в современной культуре», № 6.544.2.2011.

нарных событий [там же: 30–33] Применение теории сценарности к журналистским текстам позволяет рассмотреть их структуру с динамической точки зрения и увидеть стадии развития диалогического текста. Кроме того, сценарий речевого взаимодействия закрепляет стандартный набор действий, а также их последовательность в развитии коммуникативного события.

Материалом для нашего анализа послужили записи диалогических общественно-политических радиопередач радиостанций «Эхо Москвы», «Русская служба новостей» и «Маяк». Целью нашего исследования является выявление единиц, структурирующих сценарии речевого взаимодействия, а также поиск механизмов взаимодействия между этими единицами.

Теоретической базой исследования послужили учение о диалоге М. М. Бахтина, исследования интегративности разговорного диалога как особого типа структурной организации речи И. Н. Борисовой, идеи о принципиальной диалогичности журналистского текста и интенциональности речевой деятельности Л. Р. Дускаевой, а также работы, посвященные изучению интонации устной речи.

С опорой на вышеназванные исследования в ходе наших наблюдений мы сделали следующие выводы. Сценарий речевого взаимодействия, являясь макроединицей дискурса, представляет собой структурированное образование, состоящее из единиц первого и второго порядков. Минимальной единицей, реализующей тот или иной сценарий, является интенция, определяемая как «установка на смысл будущего высказывания» или как «своеобразный сплав потребности, мотива и цели» [Колшанский 1979: 53]. По справедливому наблюдению Л. Р. Дускаевой, интенциональность считают фактором осознанности речевого поведения, а осознанность – важная характеристика речепорождения в интенционально организованной медийной речи [Дускаева 2012]. Для выделения интенций в нашем материале была использовано методика, описанная в статье А. Р. Арутюнова и П. Г. Чеботарева «Справочник “Интенции диалогического общения и их стандартные реализации”». Авторами этой статьи даются следующие инструкции для выделения интенций: «В данном диалоге выделите реплики (фрагмент реплики), для которых вы можете сформулировать ту цель, ради которой она говорится, и назовите эту цель так, как вы ее понимаете» [Арутюнов, Чеботарев 1993: 76].

Например, О. ЗЫКОВ: *Только у меня нет ощущения, что дело в том, что он милиционер или не милиционер. Совершенно очевидно, что человек хамил, народ об этом узнал, чувство справедливости, вот, с их точки зрения должно было так реализоваться. Поэтому*

милиционер он, какая разница? У меня вообще нет ощущения, что есть какое-то там изменение стратегии настроения народа сверх настроя, там, гнобить милицию. У меня такое ощущение, что как ее, собственно, не любили, не уважали и боялись, так, собственно, и не любят, не уважают. (передача «В круге света» радиостанция «Эхо Москвы», 22.09.2010, эфир «За что народ мстит МВД»).

По классификации А. Р. Арутюнова и П. Г. Чеботарева перед нами «интерпретация», далее конкретизируется – логическое суждение. Выделение данных интенций совпадает с мнением Л. Р. Дускаевой о том, что в структуре типовой интенции медиатекстов имеются как минимум две составляющие – мотивационный и содержательно-смысловой аспекты. Мотивационный аспект указывает на направление предвосхищаемого процесса воздействия, потребность – на характер предполагаемых изменений в смысловом поле адресата [Дускаева 2012: 253].

Взаимодействуя друг с другом, интенции вступают в циклическую связь, образуя тем самым элементарные диалогические циклы, отражающие взаимодействие коммуникантов в процессе общения и развертывание смысла в диалоге. Под циклом понимается не просто сопряжение двух реплик в разговоре (интеракция), «единое целое, образованное двумя взаимосвязанными речевыми актами партнеров, из которых первый как бы открывает, начинает общение и детерминирует последующий» [Кучинский 1983: 22], но сопряжение этого единства с последующим [Дускаева 2004: 33]. Действительно, психолог Г. М. Кучинский подчеркивает, что в первом акте, который назван обращением, отражается смысловая позиция, точка зрения субъекта. А в ответном акте – оценка этой, первой позиции интерпретатором. На основе ответной оценки выстраивается другая позиция и т.д. [Кучинский 1983]. Приведём пример:

М. ПАШКИН: *И почему-то никто не говорит, что это там партизаны.*

Л. ГУДКОВ: *Их называют боевиками.*

С. СОРОКИНА: *А потому что да, в сознании... (говорят одновременно)*

М. ПАШКИН: *Да, их называют боевиками.*

Л. ГУДКОВ: *Ну, это проблема нашего сознания в таком случае.* (передача «В круге света» радиостанция «Эхо Москвы», 22.09.2010, эфир «За что народ мстит МВД»).

Реплика-стимул в данном случае представляет собой сообщение. Реплика-реакция содержит оценочное суждение о факте, представленном в реплике-стимуле. Таким образом, перед нами диалогический цикл «сообщение-оценка». На сообщение в реплике-стимуле указыва-

ет использование назывного предложения в придаточной части. Оценочность в реплике-стимуле создается путем использования междометия с характерной интонационной и эмоциональной окраской, а также вводной конструкции *«в таком случае»*.

Следующие реплики в данном диалоге:

М. ПАШКИН: *Хотя, на самом деле, вот, как мне дагестанские профсоюзы говорят. Говорят: «Нам легче уйти к боевикам (милиционеры!), потому что нас тут начальники рабами вообще считают, издеваются. А у боевиков лучше». Вы понимаете? Это милиционеры действующие говорят так.*

С. СОРОКИНА: *И при этом еще ненавидят огромное количество людей, готовы расправиться.*

Перед нами две основные интенции, образующие диалогический цикл «оценочное суждение-дополнение». Как видим, оба представленных цикла находятся в тесной взаимосвязи друг с другом: их объединяет общая тема, детерминация одним циклом последующего прослеживается в ее развитии. В данном примере исходной точкой служит реплика-стимул первого цикла, представленная сообщением. В реплике-реакции содержится ответная часть цикла, которая представляет собой оценку предыдущего сообщения, т. е. прослеживается интенциональная связь между репликами. Таким же образом мы прослеживаем связь между циклами. В реплике-стимуле второго цикла содержится возражение, выраженное противительным союзом *«хотя»* в ответ на реплику-стимул первого цикла.

В процессе взаимодействия друг с другом диалогические циклы образуют более крупные единицы второго порядка – коммуникативные эпизоды, выделение которых базируется на критериях тематической цельности, ориентированности на решение коммуникативной задачи, иллокутивной связности реплик-высказываний внутри эпизода, жанрово-композиционной ориентированности и т.д. (см. работы И. Н. Борисовой). Между коммуникативными эпизодами также существует циклическая связь, демонстрирующая перемещение от одного тематического фрагмента к другому, а также специфический характер связности между ними.

Таким образом, применение теории сценарности речевого взаимодействия к журналистским текстам позволяет увидеть организующие их типовые структуры, что дает возможность моделировать смысловую наполненность медиатекста и тем самым эффективнее взаимодействовать и с адресатом в процессе речевого общения, и с массовой аудиторией.

Список литературы

Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. «Справочник “Интенции диалогического общения и их стандартные реализации”» // Русский язык за рубежом. М., 1993. № 5-6. С. 75–82.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 333 с.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: КомКнига, 2005. 320 с.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 276 С.

Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. СПб., 2012. № 2. С. 253–260.

Колшанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопр. языкозн. М., 1979. № 6. С. 51–62.

Кучинский Г. М. Мышление и диалог. Минск: Изд-во БГУ, 1983. 190 С.

Минский М. Л. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Шляхов В. И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общени. М.: КРАСАНД, 2010. 200 с.

Кошкарова Н. Н.
Россия, Челябинск

ФУНКЦИИ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Социальная сущность языка находит свое отражение в новых формах общения главы государства с народом, в формировании политики активного лидерства, в модернизации форм взаимодействия первого лица страны с обществом и прессой. В современной публичной коммуникации отмечается тенденция к преобладанию диалогических жанров над монологическими. В данной работе нашей целью является проследить различие в функциях вопросов на примере такого жанра политической коммуникации, как интервью.

© Кошкарова Н. Н., 2012

Не стоит отрицать тот факт, что интервью является одним из самых продуктивных и традиционных диалогических жанров. По замечанию Э. Г. Багирова, Р. А. Борецкого, А. Я. Юровского [Багиров 1987], именно в жанре интервью признаки процесса межличностного общения получают наиболее концентрированное и полное выражение. Характерной особенностью интервью является то, что оно является полем реализации двух типов дискурса – конфликтного и гармоничного. Соответственно в зависимости от установки коммуникантов на конфликтное или кооперативное межличностное взаимодействие различаются функции вопросов.

И. Иньиго-Мора подчеркивает антиномичный характер дискурсивных техник интервьюирования: журналисты не могут быть только рупорами интервьюируемых, напротив, интервьюеры должны провоцировать своих собеседников [Иньиго-Мора 2007]. Провоцирование интервьюируемых обусловлено необходимостью получить интервьюером как можно больше информации от своего собеседника. Цель сделать интервью как можно более информативным достигается при помощи следующих функций вопросов в аспекте конфликтной коммуникации:

1) Провоцирование интервьюируемого через цитирование мнения третьей стороны. Так, например, в интервью председателя правительства России Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» немецкий журналист в попытке выяснить истинное положение дел и причины создавшейся ситуации на Кавказе ссылается на мнение критиков России, которые *«говорят, что целью России собственно была не защита мирного населения Цхинвали, а попытка лишь сместить президента Саакашвили, привести к дальнейшей дестабилизации Грузии, и тем самым воспрепятствовать ее вступлению в НАТО. Это так?»*. Примечательна реакция В. Путина: *«Это не так. Это просто подтасовка фактов. Это ложь»*.

2) Эксплицитное намерение адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние (прямое провоцирование). В уже упомянутом интервью Владимира Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД» интервьюер в своем стремлении вызвать соответствующую эмоциональную реакцию у аудитории формулирует вопрос не в вполне корректной (иногда очевидно агрессивной) форме, приводит в качестве фоновых данных сведения компрометирующего характера, ставит своей целью поставить интервьюируемого в тупик и показать несостоятельность доводов собеседника, пытаясь вывести диалог с собеседником в конфликтную плоскость: *«Господин Премьер-министр, считаете ли вы … вправе вторгаться на территорию суве-*

ренного государства, то есть не оставаться в зоне конфликта, а осуществлять ее бомбардировки. Я сам сегодня сижу рядом с Вами благодаря случайности, потому что в 100 метрах от меня, в жилом квартале Гори, взорвался снаряд, бомба, сброшенная с вашего самолета. Не является ли это нарушением норм международного права, а именно то, что вы де-факто оккупируете маленькую страну. Откуда у вас это право?».

3) Намёк; запрос информации; создание ситуации, изначально выгодной для адресанта и адресата (косвенное провоцирование). В интервью В.В. Путина во время его второго президентского срока Иранскому гостелерадио и информационном агентству ИРНА журналист, с одной стороны, делает комплимент главе государства по поводу отношений России и Ирана, а с другой стороны, провоцирует интервьюируемого на априори негативную реакцию: *Как Вы сказали, в области технического сотрудничества между Россией и Ираном важнейшим проектом в настоящее время является проект строительства атомной электростанции в Бушере. Очевидно, это наиболее шумный проект, вокруг которого ходит много разговоров. Процесс строительства этой электростанции, к сожалению, очень затянулся. И общественное мнение в Иране, особенно элита страны, с вниманием и обеспокоенностью следит за ходом реализации этого проекта, который рассматривается в Иране как символ двустороннего сотрудничества с Россией. Очень многие бы в Иране хотели услышать Ваши комментарии относительно этого проекта. Вы, как Президент России, можете ли дать обещание, что до окончания Вашего президентского срока ситуация сдвинется с мертвой точки и будет осуществлена поставка ядерного топлива на электростанцию, что считается важнейшим из оставшихся этапов до запуска электростанции в строй?* Не вызывает сомнения тот факт, что ответ Президента России содержит в себе конфликтогенный потенциал и стремление защитить репутацию свою и руководимой им страны: *Я обещание давал только своей маме, когда был совсем маленьким мальчиком.*

4) Описание собственных чувств и эмоций, как не совсем удовлетворяющих определённым стандартам. В интервью В.В. Путина 10 февраля 2007 г. межарабскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира» интервьюируемый так отреагировал на заявление Президента о демонстрации Россией силы в военном сфере*: ВОПРОС: Многие на Западе рассматривают объявление России о наличии у нее ракет, которые не имеют аналогов в мире, как некую демонстрацию силы. Каковы Ваши комментарии? В. ПУТИН: Правильно. ВОПРОС: То есть вы демонстрируете вашу силу? В. ПУТИН: Конечно. РЕПЛИКА:*

Это иногда вызывает негативную реакцию на Россию именно на Западе. Как видно из приведённого фрагмента, позиция России по поводу своего превосходства в военной инфраструктуре нравится не всем участникам мирового сообщества, под которым понимаются как целые страны, так и представители этих государств.

5) Критика действий своего собеседника и руководимой им страны. В уже упомянутом выше интервью В. В. Путина спутниковому телеканалу «Аль-Джазира» журналист в стремлении вызвать соответствующую эмоциональную реакцию у собеседника и целевой аудитории обращает внимание на те действия российского государства, которые подвергаются критике со стороны международного сообщества: *Запад, США и Израиль критикуют Россию за сотрудничество с Ираном в военно-технической области, а также в сфере атомной энергетики. Намерены ли Вы продолжать это сотрудничество, несмотря на всю эту шумиху? <…> На Западе много говорят по поводу нарушений прав и свобод человека в России. Немало критики в этой связи раздается и лично в Ваш адрес. Как Вы воспринимаете эту критику?*

Кооперативное межличностное взаимодействие со всей полнотой реализуется в новом типе диалогического жанра – *Разговор с Президентом*, который мы рассматриваем как разновидность интервью, так как этот публицистический жанр является сочетанием слова как изобразительно-выразительного средства (или как содержания) и диалога (общения) как формы существования. По нашему мнению, отсутствие конфликтогенного потенциала в беседах из этого позволяет нам отнести интервью подобного рода к сфере функционирования гармоничного дискурса, когда сохраняется асимметричное распределение коммуникативных ролей. В случае нарушения асимметрии вопросы используются не только интервьюером, но и интервьюируемым. Анализ языкового материала позволяет нам выделить несколько функций таких вопросов.

1) Оценка проделанной работы, стремление привлечь внимание аудитории к успехам и неудачам в делах: *Нужно действовать спокойно, поступательно. И я не отказываюсь от того, что я сказал, напротив: вот всё, что мы говорили и делали, в этом направлении движется, и движение будет продолжаться – именно в этом направлении.* ***Что я имею в виду?*** *Во-первых, выборы-то ещё не состоялись. Выборы в Госдуму у нас будут, напоминаю, 4 декабря текущего года. Мы должны были сформировать список «Единой России», и я тогда говорил, что через инструменты Общероссийского народного фронта мы постараемся привлечь в список «Единой России» новых людей со свежими идеями, способных эти идеи реализовывать.* ***Что получи-***

лось? *Из 600 фамилий в этом списке более половины – это люди, которые никогда раньше не принимали участия в общефедеральных выборах. То есть мы обновили этот список более чем на 50%* (Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина 17 октября 2011 г.).

2) Акцент на наиболее важных моментах, создание чувства сопричастности с аудиторией в решении наболевших проблем: ***А во Франции после Второй мировой войны?*** *Там президентский срок был семь лет без ограничения по количеству раз избрания. И вот только совсем недавно внесли изменения в конституцию – до пяти лет и два срока подряд. Они сделали в принципе, как у нас.* ***О чём это говорит?*** *О том, что когда страна находится в сложных, тяжёлых условиях, находится на выходе из кризиса, становится на ноги, вот эти элементы стабильности, в том числе и в политической сфере, крайне важны. И мы тоже, мы пережили, по сути, развал государства: Советский Союз распался.* ***А что такое Советский Союз?*** *Это Россия и есть, только называлась по-другому* (Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина 17 октября 2011 г.).

3) Создание эмоционального контакта с аудиторий через беседу с интервьюером, когда интервьюируемый берет на себя функции первого: *Сейчас ситуация изменилась, но радио «Свобода» – это средство массовой информации, которое так или иначе выражает мнение иностранного, в данном случае американского, государства. Вот вы там работали, а теперь возглавляете (****и когда начали возглавлять? – достаточно давно же****) общенациональный канал российского телевидения.* ***Разве это не признак либерализма?*** (Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина 17 октября 2011 г.).

4) Уточнение деталей для более корректного ответа на вопрос интервьюера: *Вы имеете в виду тех, кто говорит об этом на постсоветском пространстве, либо тех, кто говорит об этом из дальнего зарубежья?* (Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина 17 октября 2011 г.).

Таким образом, в интервью на политические темы во всей полноте реализуются основные и дополнительные функции вопросов. Одной из таких функций является получение достоверных, актуальных и полных сведений по обсуждаемой проблеме. Данная функция будет реализовываться в случае использования вопросов как интервьюером, так и интервьюируемым.

Список литературы

Багиров Э. Г., Борецкий Р. А., Юровский А. Я. Основы телевизионной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 239 с.

Иньиго-Мора И. Политическое телеинтервью: нейтралитет и провоцирование // Политическая лингвистика. Вып. (3) 23. Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2007. С. 78–90.

Список источников

Интервью В. В. Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД». URL: http://premier.gov.ru.events/pressconferences/3001 (дата обращения: 08.03.2012).

Интервью В.В. Путина Иранскому гостелерадио и информационному агентству ИРНА. URL: http://www.putin2004.ru/16_10_2007_intervyu.html (дата обращения: 08.03.2012).

Интервью В.В. Путина спутниковому телеканалу «Аль-Джазира». URL: http://www.putin2004.ru/10_02_2007_intervyu.html (дата обращения: 08.03.2012).

Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина. URL: http://premier.vov.ru/events/news/16755 (дата обращения: 08.03.2012).

Крижановская Е. М.
Россия, Пермь

ПРОГРАММНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ПАРТИЙ «ЛДПР» И «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»: ТЕМАТИЧЕСКАЯ, РЕЧЕВАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
(по материалам официальных интернет-сайтов)

В настоящее время в России все большее число политических акторов стремятся оказывать влияние на электорат, активно используя возможности Интернета как новой коммуникативной среды. Одним из ставших уже традиционными способов освещения деятельности политической партии и средством общения ее представителей с последователями и оппонентами выступает официальный сайт политической партии. По мнению И. С. Кислицыной, «партийный интернет-портал,

© Крижановская Е. М., 2012

обладающий не только интересным и актуальным информационным содержанием, но и создающий возможности для коммуникации с аудиторией, а также для общения посетителей сайта друг с другом, служит средством включения людей в политический процесс, помогает их социализации и мобилизации» [Кислицына 2009: 21–22].

В связи с тем, что наличие партийной программы – это обязательное условие регистрации политической партии, а сам текст партийной программы выступает в качестве основного документа, определяющего деятельность этого участника общественно-политических процессов, изучение программных документов крупных политических партий Российской Федерации, размещенных на их официальных интернет-сайтах, представляется актуальным.

Как известно, периоды предвыборных кампаний являются этапами проявления наибольшей активности различных политических субъектов, в особенности в средствах массовой информации. Характерно, что во время предвыборных кампаний появляются официальные документы, созданные на основе партийных программ, такие как программные обращения партий, потому что, как отмечает Е. В. Бабаева, «функционирование текста партийной программы в рамках масс-медийного дискурса обеспечивает его широкое распространение и доступность, способность порождать новые тексты, комментирующие и интерпретирующие исходный» [Бабаева 2003: 12]. Описание содержательной, композиционно-стилистической и прагматической специфики текстов программных обращений крупнейших российских партий «ЛДПР» и «Справедливая Россия», представленных на официальных сайтах ldpr.ru и spravedlivo.ru, – цель данной статьи.

Изучая русский политический дискурс, М. Г. Гаврилова пришла к выводу, что «схематическая структура программ политических партий начала XXI в. включает разделы: основные проблемы современности, цели партии, задачи партии, оценка современного социально-экономического положения в стране, принципы деятельности партии, самоидентификация партии, социальная база партии, желаемый образ будущего … конкретные направления политической деятельности, сферы преобразований, обязательства партии в случае прихода к власти, вербальные и невербальные идеологические маркеры (лозунг, символ, гимн)» [Гаврилова 2009: 336]. Однако анализ программных обращений партий «ЛДПР» и «Справедливая Россия», созданных в период кампании по выборам в Государственную Думу РФ VI созыва в декабре 2011 года, показал, что из названных содержательных компонентов в этих обращениях реализованы лишь наиболее важные, позво-

ляющие участникам политического процесса максимально точно идентифицировать ту или иную российскую партию.

С этой целью в программном обращении ЛДПР представлена краткая характеристика партии (по существу – ее самоидентификация), цели и задачи партии, сжатое описание негативного положения дел в России и в связи с этим – предвыборные обещания партии по ликвидации имеющихся общественно-политических проблем в случае избрания членов партии в Государственную Думу, а также наименование и идеологические маркеры (в частности – лозунг партии). В содержательной структуре предвыборной программы партии «Справедливая Россия» реализованы такие тематические компоненты, как самоидентификация партии, негативная оценка современного социально-экономического положения в нашей стране, сферы необходимых преобразований, краткая история создания партии, указание на интернет-ресурсы партии, наименование партии и вербальные маркеры (предвыборные лозунги).

Кроме того, в ходе исследования были выявлены также существенные различия в композиционной структуре текстов программных обращений названных партий. При сохранении общей трехчастной структуры текстов программ (вступление, основная часть, заключение) изучаемые документы характеризуются определенными особенностями. Так, вступительная часть текста программного обращения ЛДПР начинается с развернутого комментария лозунга партии *Мы за русских!*, которому предшествует лишь название самой партии. Основная часть программы представляет собой характеристику *111стратегических позиций ЛДПР*, оформленных в виде нумерованного списка. При этом каждая позиция данного нумерованного списка выделена в отдельный абзац, которому предпослан заголовок-лозунг, например: *Дать русскому народу статус государствообразующего!; Создать Институт Русского холокоста XX века; Убрать Совет Федерации; Пресечь саботаж закона о дачной амнистии; Организовать Министерство по демографической политике* и др. Заявленные в программе 111 позиций ЛДПР затрагивают такие основные сферы общественно-политической жизни нашей страны, как: национальный (преимущественно русский) вопрос, государственное устройство, взаимоотношения власти и общества, вопросы экономического развития страны, проблемы продовольственной безопасности, развития сельского хозяйства, рационального природопользования, демографические проблемы, вопросы развития социальной сферы, искоренения терроризма и преступности, обеспечения безопасности нашего государства от внешней и внутренней угрозы.

Заключительная часть текста программного обращения ЛДПР представляет собой разъяснение положения *ЛДПР готова управлять страной!* Это положение комментируется словами лидера партии В. В. Жириновского, к авторитету которого апеллируют авторы программного обращения. Заканчивается текст обращения партии призывом к избирателю голосовать на выборах за кандидатов от ЛДПР: *Только ЛДПР, или терпи дальше! Наш номер 2 в бюллетене для голосования за депутатов Государственной Думы*.

Композиционная структура программного обращения партии «Справедливая Россия» также содержит 3 части. Однако уже во вступлении к программе представлена краткая характеристика сложившейся негативной ситуации в главных сферах жизни российского общества (экономической, политической, культурной и социальной), которая рисуется в самых черных красках.

Основная часть текста обращения оформлена в виде 21 раздела, каждый из которых строится по принципу антитезы, т. е. противопоставления имеющегося состояния дел в определенной сфере и того, что и как изменится в ней, если в Государственную Думу РФ будут избраны кандидаты от партии «Справедливая Россия». В качестве иллюстрации приведем следующий текстовый фрагмент:

«***3. Преодолеть социальное неравенство***

Разница в доходах населения достигла критического предела. Хватит лицемерить – в стране миллионы бедных людей! Социальная политика власти провалилась. Зарплаты, пенсии и пособия у большинства наших граждан ничтожно малы. Налоговая уравниловка еще больше усиливает имущественное неравенство и накал социального недовольства.

НАШЕ РЕШЕНИЕ:

Мы введем прогрессивную шкалу подоходного налога. 13% для всех – это несправедливо! Миллиардер должен платить больший процент налогов, чем простой рабочий.

Мы установим налог на роскошь. <…>

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ, НА КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ! НАША ЦЕЛЬ – УВЕЛИЧИТЬ ДОЛЮ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ВВП С НЫНЕШНИХ 24% ДО 60%

Налог на недвижимость будут платить те, у кого в собственности новые дворцы и замки, кто пачками скупает квартиры, в которых не собирается жить. <…>

Мы ужесточим государственный контроль цен на социально значимые товары и услуги. <…>

НАША ЦЕЛЬ – СОКРАТИТЬ РАЗНИЦУ В ДОХОДАХ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, В 3,5 РАЗА!»

Приведенный фрагмент показывает, что композиция отдельного параграфа программы так же, как и композиция других разделов, организована по способу противопоставления реального настоящего (или в ряде случаев прошлого) нашей страны желаемому будущему. При этом сам текст изобилует многочисленными лозунгами и призывами, которые зачастую представляют собой трансформацию соответствующих жанров советского периода. Примечательно также, что данный текст перенасыщен восклицательными предложениями, что, очевидно, по мнению авторов документа, должно усилить воздействие на адресата – потенциального избирателя. Однако, на наш взгляд, такое частотное использование однотипных восклицательных предложений, реализующих повторяющиеся структурные схемы $N_1 – N_1$; $N_1 – Inf$; Inf и некоторые другие, утомляет читателя своим однообразием и приводит к эффекту притупления восприятия сообщения.

Заключительная часть предвыборного обращения партии «Справедливая Россия» представляет собой развернутый ответ на закономерный, но несколько нетипичный для текста предвыборной программы вопрос *Где взять деньги?* В эпилоге программного обращения содержится информация об истории создания партии «Справедливая Россия» и формах участия ее представителей в различных органах законодательной власти Российской Федерации, приводятся ссылки на интернет-ресурсы партии.

Анализ языковых особенностей программных обращений партий «ЛДПР» и «Справедливая Россия» свидетельствует о том, что отнесение их к определенному функциональному стилю затруднено, так как авторы исследуемых текстов используют наравне речевые средства публицистического, официально-делового и разговорного стилей современного русского языка. Так, например, тексты программ характеризуются наличием частотной современной политической и экономической терминологии: *инновационные отрасли экономики, легитимность, лизинг, механизмы народовластия, миграционная политика, модернизация страны, носитель суверенитета, прибыли, социальный стандарт потребления, экспорт энергоресурсов* и др.

Наряду с этим в целях усиления воздействия на адресата и с учетом того, что потенциальными читателями данных обращений могут быть представители самых разных слоев населения, авторы программ активно используют разговорные, просторечные и жаргонные речевые средства. Особенно частотны такие средства в тексте программного обращения ЛДПР, например: «*Беловежский сговор; жирующие на до-*

ходах от собственности; кучка олигархов; нажиться на соседях любой ценой; политика социального людоедства; разворованы в ходе приватизации; русский народ, обобранный до нитки чиновниками, олигархами и бандитами; современные богатеи» и др.

Изучение текстов предвыборных программных обращений ведущих российских партий ЛДПР и «Справедливая Россия» показало, что эти официальные документы представляют собой такие варианты реализации партийных программ, содержательная, речевая и прагматическая специфика которых обусловлены как потребностью в узнавании их избирателями в предвыборный период, так и необходимостью борьбы за власть и ее удержанием в последующем.

Список литературы

Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Чудинов А. П. Екатеринбург, 2003. Т. 11. С. 10–20.

Гаврилова М. Г. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. … докт. филол. наук. СПб., 2005.

Кислицына И. С. Политические партии в коммуникативном пространстве Интернета: автореф. … дис. канд. полит. наук. М., 2009. 29 с.

Мехонина Е. Н.
Россия, Пермь

ФИЛЬТРАЦИЯ ЗАВЕДОМО ПРОТИВОПРАВНОГО КОНТЕНТА В РУНЕТЕ (защита блогов и форумов, безопасный поиск)[1]

Настоящая статья освещает ход работы над одноименным проектом, победившим в финале программы «УМНИК» – «Участник молодежного научно-инновационного конкурса». (Цель этой программы – материальная поддержка молодых ученых-инноваторов России и помощь в коммерциализации разрабатываемых ими продуктов и технологий).

© Мехонина Е. Н., 2012

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-59010а/У.

Проблема, одним из средств для решения которой выступает предлагаемое нами программное обеспечение, заключается в увеличении числа случаев нарушения закона в киберпространстве: количество враждебных, грубых и, в частности, противоправных текстов на форумах, в блогах и социальных сетях постоянно возрастает. Так, по данным исследования, проведенного нами в 2011 г., в 70% комментариев к новостным сообщениям на сайте «Рамблер» не соблюдаются этические нормы, причем в 10% из них имеются признаки нарушения законодательства [Мехонина 2011: 11–15]. В то же время, хотя на многих сайтах существует штат модераторов, зачастую из-за большого числа поступающих сообщений с лингвистическими показателями правонарушения ручной контроль над ходом дискуссии оказывается малоэффективным.

Решением описанной проблемы выступает автоматизация процесса модерации – создание компьютерной программы, в основе которой лежит алгоритм фильтрации, являющийся частным случаем классификации текстов [Салимовский, Ермакова 2011: 77]. Целью нашего проекта является разработка компьютерной программы (фильтра), обнаруживающей заведомо противоправные тексты на сайтах Рунета (в блогах, социальных сетях и на форумах), которая поможет обеспечивать право пользователей Рунета на безопасное общение, исключающее речевую агрессию в форме экстремистских высказываний. Актуальность нашей работы определяется повышающимся интересом государства и общественных организаций нашей страны к регулированию общения в Интернете. «…За публикацию в сети заведомо ложных сведений, которые порочат чью-либо честь, достоинство, деловую репутацию, за распространение детской порнографии, за пропаганду терроризма, межнациональной или религиозной вражды – надо жестко наказывать», – отметил бывший президент РФ Д. А. Медведев в видеоприветствии участникам Российского интернет-форума и конференции «Интернет и бизнес» (см. http://news.rambler.ru/13611662/). В первую очередь важен мониторинга онлайн СМИ, а также поиск и удаление экстремистских групп в сети, с чем предлагаемая программа успешно справляется.

Среди наиболее распространенных российских аналогов системы можно выделить фильтры спама и нецензурной лексики, а также системы мониторинга сетевых СМИ компаний «Медиалогия» и «ДатаЦентр». Последняя разработала программу, которая содержит словарь «подозрительных» слов (наиболее оскорбительные слова, используемые националистами, а также наркоманский сленг). Однако работу системы заказчик Роскомнадзор оценил как неудовлетворительную,

поскольку она не снижает трудозатрат ведомства при осуществлении мониторинга. Например, программа не может расценить как экстремистскую фразу *все собираемся и идем мочить черных,* содержащую очевидный призыв к насильственным действиям в отношении национальный группы. Существующие системы фильтрации мата, как правило, неэффективны, если искажена материальная оболочка слова (разрывом, дополнительными символами, транслитерацией и т. д.).

В предлагаемой нами системе указанная проблема решается с помощью предварительной обработки текста, в ходе которой обнаруживаются искажения слова и восстанавливается его первоначальный план выражения. Во-первых, применяется алгоритм нормализации орфографии, который в рамках проекта модифицируется с учетом выявляемых наиболее частотных замен слов по звуковому или визуальному сходству, а также по близости нахождения символов на клавиатуре. Во-вторых, помимо анализа оригинального текста происходит его склеивание, что дает возможность распознать разорванные слова. Для классификации текстов используются алгоритмы, предоставляемые в свободном доступе проектом Weka, осуществляется их тестирование и поиск оптимального варианта для решения задач проекта. Признаки для классификации выявляются с помощью системного анализа текстов, имеющих эксплицитные речевые показатели нарушения законодательства РФ, и затем формализуются. Если программа обнаружит подобные признаки, результатом ее работы станет присвоение тексту штрафных баллов и определение его как противоправного в случае превышения порогового значения штрафа. Более гибкая и эффективная работа программы будет обеспечена ориентацией алгоритма не только на поиск указанных выше признаков, но и на определение тональности текста. Для этого будут выявлены признаки объекта и средства выражения тональности, первоначально вручную, затем с помощью автоматического механизма разметки посредством сентимент-анализа.

На сегодняшний день разработка системы находится на этапе исследовательского прототипа; подготовлены документы для регистрации интеллектуальной собственности в Роспатенте. На второй год работы над проектом намечена подготовка первой коммерческой версии программы и участие в программе «У.М.Н.И.К. на СТАРТ». Продвижение продукта планируется осуществлять последовательно посредством личного контакта с известными пермскими блогерами и региональными отделениями СМИ, активизации рекламной кампании на средства от первых продаж, расширения штата и выхода на широкий рынок.

Список потенциальных потребителей представляется практически неограниченным:

• Представители политики и шоу-бизнеса, имеющие блоги и страницы в социальных сетях. Многие общественные деятели ведут блоги с целью узнать мнение читателей по тому или иному вопросу, но зачастую сталкиваются с враждебными комментариями, не относящимися к теме дискуссии и нарушающими ее ход.

• Владельцы форумов, на которых необходимо поддерживать толерантное общение в рамках заданной темы. Опрос администраторов многочисленных групп Вконтакте подтвердил и их заинтересованность в предлагаемой программе.

• Онлайн СМИ. По предписанию Роскомнадзора сетевые СМИ обязаны удалять противоправные публикации и комментарии читателей, в противном случае им грозит штраф до 300 тыс. рублей.

• Частные непубличные лица. По данным Лиги безопасного интернета, «Яндекс» не соглашается удалять из поисковой выдачи ссылки на ресурсы с детской порнографией, что не может оставить равнодушными родителей, чьи дети используют эту систему.

Прибыль планируется получать за счет коммерческой эксплуатации программного продукта. Для обеспечения безопасности поиска будет предлагаться настольное приложение, для защиты блогов и форумов – web-приложение, для модерации сайтов – web-сервис.

Список литературы

Мехонина Е. Н. О ценностях и нормах массовой коммуникации в Рунете // Филологические проекции Большого Урала: материалы межрегион. науч. студ. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 11–15.

Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вест. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2011. Вып. 3(15). С. 71–80.

Пономарев Н. Ф.
Россия, Пермь

ПУБЛИЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК МЕДИАНАРРАТИВ

Как известно, в публичные споры ОАО «Газпром» с НАК «Нафто-

© Пономарев Н. Ф., 2012

газ Украины» по условиям поставок и транзита природного газа в 2005 – 2010 гг. с самого начала были вовлечены высшие должностные лица России и Украины, что превратило ситуацию в межгосударственный экономико-политический конфликт.

Компания ОАО «Газпром» оказалась в зоне риска сразу по нескольким параметрам: технологические, юридические, экономические, политические последствия, репутационный урон.

Придерживаясь *нарративного подхода* к публичным коммуникациям, далее мы опишем взаимодействия конфликтующих сторон как непрерывную трансляцию в медиасфере политического сериала под журналистским названием «Газовые войны». По нашему мнению, этот «медиафильм» состоит из четырех частей, объединенных общей темой и главными героями, но различающихся и сценариями, и качествами режиссуры. Другими словами, мы предпримем попытку нарративного анализа межгосударственного политического дискурса.

В качестве эмпирического материала использованы публикации с сайтов крупнейших российских информационных агентств (Lenta.ru, Regnum, Interfax, РИА «Новости»), а также публикации федеральных периодических изданий «Известия» и «Независимая газета». Общий объем материала – 583 текста.

Результирующий нарратив-полилог можно представить в виде четырех самостоятельных эпизодов с более или менее четкими пограничными событиями и специфическими медиафреймами, а именно: первая «газовая война» (08.12.2005 – 18.02.2006), вторая «газовая война» (02.10.2008 – 21.01.2009), период «Поздний Ющенко» (03.07.2009 – 13.02.2010) и период «Ранний Янукович» (14.02.2010 – 05.05.2010). Исследуем структуру медиадискурса каждого из эпизодов.

Стартовым событием первого периода стало сделанное 8 декабря 2005 г. заявление президента России о том, что Украина в состоянии покупать газ по рыночной цене: 14 декабря ОАО «Газпром» поднял цену на газ для Украины со 160 до 220–230 долларов.

Анализ событийного ряда указывает на *вялотекущий конфликт:* стороны ограничиваются взаимными упреками и не предпринимают никаких попыток найти компромиссное решение. Иначе говоря, конфликтный медиадискурс протекает по сценарию *«Словесная перестрелка»* (1), в который робко вмешивается Евросоюз с осуждением неуступчивости обеих сторон. В медиасфере доминирует Украина, представленная своими высшими должностными лицами (президентом Виктором Ющенко и премьер-министром Юрием Ехануровым), известным политическим деятелем Юлией Тимошенко, которая в этот период еще не занимает никаких официальных постов, считается со-

юзником Виктора Ющенко, но фактически уже рассматривается как его будущий политический конкурент. Россия представлена только президентом Владимиром Путиным, политическим обозревателем Сергеем Марковым и министром промышленности Виктором Христенко.

Коммуникация России и Украины сводятся к взаимному обмену угрозами, ультиматумами, упреками и обвинениями. По всей видимости, высшее руководство России переоценило свои возможности и недооценило ресурсы, которыми располагало высшее руководство Украины, включая активацию чувства солидарности со стороны государств Евросоюза.

Спонтанный медиадискурс первого эпизода противостояния «Россия – Украина» состоит из пяти фаз обмена репликами:

1. Россия: «Мы уже приняли решение повысить цену на природный газ» – Украина: «Мы с вашими условиями категорически не согласны».
2. Россия: «Вы располагаете финансовыми ресурсами для закупки газа по более высокой цене» – Украина: «Нет, мы не располагаем такими возможностями».
3. Россия: «Мы все равно поднимаем цены на газ» – Украина: «Вы не имеете право, поскольку ваша новая цена экономически никак необоснованна».
4. Россия: «Не согласитесь покупать газ по предлагаемой цене, завтра мы в любом случае поднимем цены на газ» – Украина: «Мы не изменим свою позицию».
5. Россия и Украина: «Договорились!»

В результате стороны пришли к временному соглашению, но выиграла Украина, которой удалось существенно уменьшить планируемую ОАО «Газпром» цену за поставляемый природный газ.

2 октября 2008 г. состоялись первые переговоры премьер-министров о поставках газа на Украину. По итогам переговоров предусматривался поэтапный переход на рыночные цены в поставках российского газа на Украину. Предлагалось зачесть долг НАК «»Нафтогаз Украины» перед ОАО «Газпром» в счет предоплаты за будущий транзит газа в европейские страны, но украинские партнеры отвергли предложение и, более того, сделали всё, чтобы не договориться о цене на газ с 1 января 2009 года.

На этот раз Россия *целенаправленно* взаимодействует с Украиной по сценарию «*Нам чужого не надо, но и своё не отдадим*» (2), в который время от времени вмешивается Евросоюз в качестве третейского судьи. Россия лидирует в медиасфере как по количеству сообщений

(112 против 59, если учесть заявления первой десятки спикеров с той и другой стороны), так и по качеству публичных спикеров (Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Алексей Миллер, Александр Медведев). Представители России и ОАО «Газпром» в семь с половиной раз повышают информационную активность, усиленно формируют в медиасфере выигрышный историко-политический контекст и аргументировано возлагают ответственность за «страдания европейцев» на Украину. Каждый из российских спикеров выполняет адекватные его должности и статусу коммуникативные функции. В то же время к полемике подключаются высокопоставленные представители Евросоюза, которые всего восемь раз комментируют действия и заявления участников конфликта.

Когерентный медианарратив России, которая вынуждает и Украину, и Евросоюз пойти на уступки, состоит из четырех фаз:

1. Россия настоятельно требует – Украина лавирует:

✓ Россия: «Мы в судебном порядке взыщем долги за уже поставленный газ» – Украина: «Мы никак не можем расплатиться».

✓ Россия: «Никаких отсрочек по оплате газа не дадим – Украина: «Мы всё оплатим в срок».

✓ Россия: «Наши цены абсолютно обоснованны» – Украина: «Нас не устраивают такие высокие цены».

✓ Россия: «Мы остановим поставки газа на Украину» – Украина: «Вы должны восстановить поставки газа»».

2. Россия принимает дополнительные меры – Евросоюз выражает недовольство действиями России:

✓ Россия: «Мы создадим «большую газовую тройку» – Евросоюз: «Мы не допустим появления новой монополии».

✓ «Мы ведем двусторонние переговоры с европейскими странами – Евросоюз: «Нас не устраивают результаты переговоров».

3. Россия действует конструктивно – Украина с ходу отвергает любые предложения:

✓ Россия: «Вы должны компенсировать Европе недополученные объемы газа» – Украина: «Мы не пропустим газ в Европу».

✓ Россия: «Мы готовы возобновить поставки газа для европейских стран» – Украина: «Мы перекроем все транзитные пути».

✓ Россия: «Мы хотим участвовать в комитете наблюдателей» – Украина: «Мы против участия российских наблюдателей в комитете».

✓ Россия: «Мы предлагаем провести международную встречу» – Украина: «Мы против каких-либо многосторонних международных переговоров».

4. Евросоюз пытается склонить Россию и Украину к компромиссу:

✓ Россия: «Мы требуем, чтобы Украина отказалась от несогласованных приложений к договору» – Евросоюз: «Мы попытаемся переубедить Украину».

✓ Россия: «Мы прекращаем транзит газа в Европу через территорию Украины» – Евросоюз: «Мы просим Россию и Украину сесть за стол переговоров».

В результате Украина смирилась с повышением цен на закупку российского газа для собственных нужд, а Россия дала согласие на увеличение тарифов за его транзит в европейские страны.

3 августа 2009 г. Александр Турчанинов, первый вице-премьер правительства Украины, заявил, что поиск компромисса по цене на поставки и транзит российского газа в европейские страны угрожает независимости Украины. Начинается третий этап, когда Россия прибегает к отстраненно-выжидательному сценарию «Хао, я всё сказал» (3), рассчитывая на неизбежное изменение ситуации в свою пользу: опросы общественного мнения показывают, что у Виктора Ющенко практически нет шансов переизбраться на пост президента.

Украинские лидеры доминируют по количеству публичных заявлений. Украина пытается надавить на Россию и добиться своей цели путём шантажа, но этому препятствуют разногласия внутри украинской политической элиты («Юлия Тимошенко – Виктор Ющенко – Виктор Янукович») и уверенная позиция ОАО «Газпром», за которым стоят премьер-министр и президент России.

Выжидательная стратегия России четко проявляется в ее слабой коммуникативной реакции (или вообще отсутствии какой-либо реакции) на предложения Украины:

1. Украина предлагает пересмотреть цены на газ – Россия отвергает все предложения:

✓ Украина: «Нас не устраивает цена в третьем квартале» – Россия: «Это ваши проблемы».

✓ Украина: «Измените контракт!» – Россия: «Не видим оснований».

✓ Украина: «Вот мы сами между собой не договорились» – Россия: «Это ваши проблемы»

✓ Украина: «Ющенко просит Тимошенко пересмотреть «газовые контракт с Россией, а Тимошенко винит в недоплате Ющенко»» – Россия: молчание.

2. Украина шантажирует – Россия невозмутима:

✓ Украина: «Мы вас оштрафуем за сокращение объема транзита» – Россия: «Да ну?».

✓ Украина: «Мы перекроем транзит газа в Европу» – Россия: «Да

ну?».

3. Украина оправдывается и обнадеживает – Россия терпеливо ждёт»:

✓ Украина: «У нас нет денег» – Россия: «Попросите у Евросоюза».

✓ «Мы не можем заплатить в срок» – Россия: «Даём отсрочку четыре дня».

✓ Украина: «Газопровод заполним к Новому году» – Россия: «Верится с трудом».

✓ Украина: «Мы найдём деньги для оплаты газа» – Россия: «Верится с трудом».

14 февраля 2010 г. Виктор Янукович становится президентом Украины, что незамедлительно сказывается на качестве российско-украинского политико-экономического дискурса: публичные взаимодействия трансформируются в диалог по сценарию «Худой мир лучше доброй ссоры» (4). Представители Евросоюза на этот раз хранят молчание.

Председатель правительства России и президент Украины по количеству заявлений в медиасфере идут вровень, как и премьер-министр правительства Украины и президент России. Более того, третье место Алексея Миллера, председателя правления ОАО «Газпром», компенсируется активностью украинских вице-премьеров Сергея Тигипко и Андрея Клюева.

Стороны обмениваются предложениями и если не соглашаются сразу, то, по крайней мере, обсуждают возможные способы их реализации:

1. Украина: «Давайте пересмотрим цены и на поставку, и на транзит газа!» – Россия: «Мы готовы обсудить это предложение».

2. Россия: «Готовы ли вы увеличить объемы закупки газа?» – Украина: «Если вы снизите цены, то да» – Россия: «Мы снизим цены на газ» – Украина: «А мы увеличим объемы закупок газа»».

3. Россия: «Давайте объединим ОАО «Газпром» и НАК «Нафтогаз!» – Украина: «Мы подумаем».

Индикатор ослабления напряженности в российско-украинских отношениях – резкое падение количества публичных сообщений о ходе переговоров. В общей сложности в рунете еженедельно публиковалось менее семи сообщений, что примерно в девять раз меньше, чем во время второй «газовой войны», и на треть меньше, чем в первую «газовую войну».

Подведем общие итоги российско-украинских взаимодействий по проблемам поставки и транзита российского природного газа в период

с 8 декабря 2005 г. по 5 мая 2010 г.

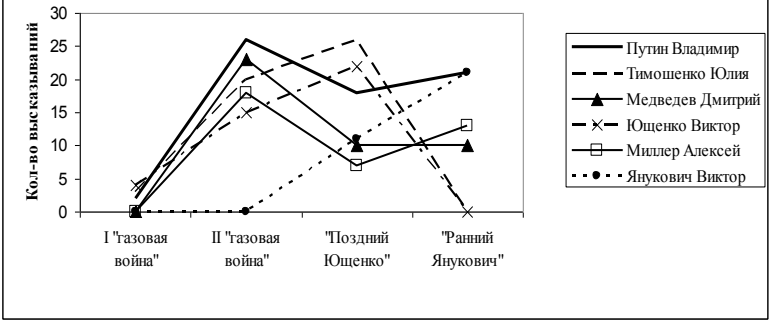
За 4 с половиной года от имени Украины и России выступило одинаковое количество спикеров (11 и 9 соответственно), которые сделали в публичном информационном пространстве примерно одинаковое количество заявлений, распоряжений и комментариев (200 и 211 соответственно). В «личном зачете» первенствует Владимир Путин, который чуть ли не в полтора раза опережает Юлию Тимошенко и Виктора Ющенко. В «десятку» лидеров входят три представителя ОАО «Газпром» (Алексей Миллер, Александр Медведев, Сергей Куприянов) и только один представитель НАК «Нафтогаз Украины» (Олег Дубина), что свидетельствует о более высоком политическом статусе российской компании, глава которой в медиасфере занимает позицию между двумя президентами Украины.

Рассмотрим динамику активности спикеров по стадиям (см. график 1). Очевидна почти идеальная согласованность в медиасфере действий Владимира Путина, Алексея Миллера и Дмитрия Медведева (за исключением последней стадии «Поздний Янукович»). Еще более синхронизированы коммуникации Юлии Тимошенко и Виктора Ющенко, в то время как Виктор Янукович гнет (точнее, вычерчивает по линейке) свою линию.

Обращает на себя внимание резкое падение активности представителей России в стадии «Поздний Ющенко» с одновременной активизацией украинских спикеров (включая «проснувшегося» Виктора Януковича).

Прямо противоположная тенденция наблюдается на последней стадии «Ранний Янукович», когда Виктор Ющенко и даже Юлия Тимошенко уходят в тень, а Виктор Ющенко и Владимир Путин сходятся в одной точке как равноправные партнеры (хотя первый – премьер-министр, а второй – президент).

График 1. Динамика информационной активности главных спикеров России и Украины по стадиям



Хотя агрессивность России и Украины по отношению друг к другу ограничивалась информационными выпадами и технологическими манипуляциями, уровень политико-психологической межгосударственной напряженности порою зашкаливал. Высшие должностные лица Евросоюза, опасаясь роста недовольства своих граждан из-за нарастания дефицита природного газа, вынуждены были на последнем этапе если не поддержать Россию, то, по крайней мере, подтолкнуть Украину к переговорам.

Мы отдаем себе отчет в том, что привлечение к анализу публикаций из бо́льшего количества средств массовой информации (включая украинские и европейские) позволило бы получить более четкую и детальную репрезентацию событий с дополнительными участниками и дополнительными пропагандистскими и антипропагандистскими посылами. Вместе с тем мы считаем, что в целом расширение эмпирической базы вряд ли привело бы к кардинальной трансформации эксплицированных нарративов.

Интересным было бы сопоставить выявленные стратегические нарративы с технологиями открытой информационной войны, к которым прибегли российские власти в ходе значительно более острого, но и более короткого боевого столкновения России и Грузии между первой и второй «газовыми войнами». В частности, попытаться выявить, каким образом новый опыт повлиял на корректировку действий России в межгосударственном военно-политическом, а не экономическом конфликте.

Список источников

ИноСМИ. URL: http://www.inosmi.ru (материалы от 30.12.08. до

21.01.09) (дата обращения: 25.05.09).

Интегрум – мониторинг СМИ. URL: http://www.integrum.ru (дата обращения: 25.03.11).

Интерфакс. URL: http://interfax.ru/ (материалы от 23.12.08. до 22.01.09.) (дата обращения: 25.05.09).

Лента.ру. URL: http://www.lenta.ru (материалы от 03.10.08. до 23.01.09.) (дата обращения: 25.05.09).

Пустовалов А. В.
Россия, Пермь

ИНТЕГРАЦИЯ КРУПНЕЙШИХ ИЗДАНИЙ США В *FACEBOOK*

Каждый восьмой житель Земли имеет аккаунт в социальной сети *Facebook*: примерно такую цифру мы получим, если возьмем 7 миллиардов жителей планеты[1] и поделим на 900 миллионов – столько пользователей *Facebook* насчитывает к маю 2012 г.[2] Кроме того, статистические данные указывают на то, что в месяц пользователи *Facebook* проводят там 700 миллиардов минут, а каждый в среднем за месяц – пятнадцать с половиной часов![3]

Естественно, что те структуры – и общественные, и коммерческие, которым нужна новая аудитория, – заинтересованы в освоении огромных возможностей крупнейшей в мире социальной сети. На сегодняшний день *Facebook* оставил далеко позади своих конкурентов (526 млн. активной суточной аудитории![4]), и не исключение популярнейшие отечественные сети, гордящиеся статусом международных, – *Вконтакте* (35 млн. ежедневных посетителей[5]) и *Одноклассники* (31 млн. посетителей в сутки)[6]. *Facebook* – второй (после *Google*) в мире ресурс по посещаемости[7].

Все это делает *Facebook* весьма привлекательным для газетной прессы, которая сегодня, переходя в веб и постепенно утрачивая печатную форму, существенным образом меняет свою природу. В Интернете газеты находят новую аудиторию, в разы и даже в десятки раз превышающую по численности прежнюю. Часть этой аудитории, причем не так давно, газеты нашли именно в социальных сетях. Нам интересно посмотреть, как пять крупнейших газет США (*New York Times*,

© Пустовалов А. В., 2012

Wall Street Journal, USA Today, Washington Post, Los Angeles Times) работают в *Facebook.*

Как и большинство крупных веб-ресурсов, для каждого материала газеты предлагают иконки, приглашающие пользователя опубликовать материал на своей страничке. Первой в ряду таких иконок обычно является иконка *Facebook*, затем – *Twitter*. Будучи опубликованным на странице, такой материал доступен для дальнейших действий – комментариев и лайков владельца аккаунта и его друзей.

Однако этим они не ограничиваются, стремясь обязательно обрести собственное представительство в *Facebook*. Двумя самыми распространенными формами интеграции СМИ в эту социальную сеть являются:

1. Основание официальной страницы, где пользователь может читать и комментировать статьи, ставить лайки, делать перепосты на своей странице. Одна из недавних, но очень примечательных новинок (объявленная в сентябре 2011 г., и полностью реализованная к 31 марта 2012 г.) – *хроника* (*timeline*), позволяющая отсматривать предыдущие публикации страницы. Издания, имеющие аккаунт в *Facebook*, максимально воспользовались возможностями этой услуги, добавив публикации так, что теперь пользователь может просматривать материалы, появившиеся едва ли не с самого основания данного СМИ (если коммерческая политика издания этому не противоречит).

2. Создание специальных приложений, облегчающих путь к материалам газеты: пользователь может читать новости, не выходя из своего аккаунта; понравившимися новостями можно сразу поделиться с друзьями, опубликовав их на своей страничке. Причём приложения создаются не только для компьютера, но и для мобильных устройств (*iPad, iPone, Android* и пр.).

Рассмотрим, как каждая из пяти выбранных газет (в порядке убывания тиража печатных версий) использует эти возможности. Сравнивать будем только главные странички: кроме них, газеты имеют обычно еще несколько страничек, отражающих разные тематические блоки (спорт, мультимедиа, развлечения, и пр.).

USA Today

Газета запустила онлайновую версию 17 апреля 1995 г. Примечательно, что эта ежедневная газета, имеющая в США самый большой тираж печатной версии[8], после реструктуризации службы новостей в 2010 г. объявила о переносе основных интересов с печатной на веб-версию.

Была создана также официальная страница газеты в *Facebook* (http://www.facebook.com/usatoday); с тех пор без членства в *Facebook*

нельзя комментировать ее статьи онлайн. 29 апреля 2012 г. страничка была снабжена хроникой[9], позволяющей отсматривать ее наиболее примечательные публикации с 15 сентября 1982 г. На конец мая 2012 г. страничка имеет 113 тыс. лайков (достаточно скромная в сравнении с другими газетами цифра).

19 января 2012 г. газета объявила о запуске *USA TODAY + Me* – приложения для *Facebook* (http://apps.facebook.com/usatodayplusme/) (ориентируясь на уже имеющиеся аналоги, например, на *Washington Post Social Reader*). Пользователи сами могут выбирать дизайн, а также новостные потоки; опция *My News Feed* позволяет знакомиться с теми публикациями газеты, которые получили в *Facebook* наибольшее количество перепостов и лайков. *USA TODAY + Me* имеет версии для *iPad, iPhone* и *Android.*

Wall Street Journal

Страничка газеты в *Facebook* (http://www.facebook.com/wsj) имеет 501 тыс. лайков, занимая таким образом второе место среди пяти газет по предпочтениям пользователей. Она была создана 7 ноября 2007 г. 20 сентября 2011 г. запустила приложение для социальных сетей *WSJ Social* (http://apps.facebook.com/wsjsocial/)[10], выйти на него можно сразу с главной страницы газеты. Подобно аналогичным приложениям (*Washington Post Social Reader, USA Today + Me*, и пр.) оно позволяет читать и публиковать новости газеты на своей страничке в *Facebook*, однако, в отличие от других, как предупреждает «Центр помощи и информации» газеты, бесплатная версия приложения доступна только в течение ограниченного периода, после которого пользоваться им смогут только те, кто имеет платную подписку на онлайн-версию. Такое условие – вполне в духе финансовой политики *The Wall Street Journal*.

New York Times

Газета является фаворитом социальных сетей: в *Facebook* (http://www.facebook.com/nytimes) уже который год она самая популярная у пользователей. Открытая 29 октября 2007 г., на сегодняшний день эта газета имеет 2,2 млн. лайков. (Внушительно также ее присутствие в *Twitter*: 5,2 млн. последователей, тогда как у *Wall Street Journal* – 1,760 млн., у *Washington Post* – 1 млн., у *USA Today* – 313 тыс., у *Los Angeles Times* – 290 тыс.).

Удачнее всех газета воспользовалась недавней новинкой – хроникой. Если *Wall Street Journal*, еще один патриарх и веб-соперник *New York Times*, воспользовался новшеством достаточно формально, то *New York Times*, по словам Б. Маккарти, главного редактора портала *The Next Web*, «превратила свою страницу в настоящий урок истории».

«Удивительно, - продолжает он, это – прогулка по времени жизни одного из старейших изданий США, она стоит нескольких минут вашего времени. Это замечательное использование фейсбуковской хроники, поднимающее вопрос, может ли сам *Facebook* стать важным источником для студентов и историков»[11].

Действительно, хронику на этом аккаунте можно отлистать до 1851 г., до самого дня основания газеты! Вот как 29 февраля 2012 г. было объявлено о появлении этой услуги на страничке газеты: «Мы рады представить вам нашу хронику, представляющую самые интересные моменты нашей более чем 160-летней истории. Зайдите в наш отдел новостей во время президентских выборов 1928 года. Посмотрите, как работают наши репортеры во время затмения 1977 г. Вы также найдете здесь появление в качестве гостя Мерилин Монро в 1950-х гг. Мы планируем постоянно обновлять информацию о ключевых событиях с 1851 по настоящее время»[12].

Los Angeles Times

Страничка газеты в *Facebook* (http://www.facebook.com/latimes) имеет 236 тыс. лайков, обгоняя таким образом *USA Today*. Если сравнивать со страничкой *The New York Times*, то можно отметить, что хроника здесь реализована весьма скупо. Из нее можно понять, что страничка на *Facebook* появилась у газеты 12 ноября 2007 г.

Washington Post

Газета вышла в веб-версии в июле 1996 г., а страничку в *Facebook* http://www.facebook.com/washingtonpost) запустила 7 ноября 2007 г.; она имеет 386 тыс. лайков.

Популярное приложение газеты, созданное специально для *Facebook* – это *Social Reader* (http://apps.facebook.com/wpsocialreader/). Оно было запущено в августе 2011 г.: фактически *Washington Post* стала первой[13] среди газет мира, разработавшей такое приложение для *Facebook*. На сегодняшний день у приложения – 17,4 млн. активных пользователей. 7 февраля 2012 г. газета объявила о том, что *Social Reader* стал доступен через мобильные устройства *iPhone, iPad, Android* и *Kindle Fire*[14].

Попробуем поразмышлять, какие последствия могут иметь вышеописанные процессы.

1. Читатель получает возможность выбора, он обращается к тому варианту газеты, который ему более удобен. Если был ранее доступен только бумажный вариант, то теперь наравне с ним есть официальный веб-ресурс, страница в *Facebook*, а иногда и специальное приложение для этой сети. Кроме того, крупные газеты сегодня спешат обзавестись версиями для мобильных устройств. Вполне естественно, что аудито-

рия газеты увеличивается в несколько, а порой – в несколько десятков раз.

2. Завсегдатаи социальных сетей, которые зачастую не желают их покидать, обретают возможность именно так читать газетные материалы – на их официальных страничках в *Facebook* или через приложения (*Social Reader, USA Today + Me, WSJ Social,* и пр.).

3. В отличие от веб-версии версия Facebook содержит меньше материалов, однако лишена рекламы. Соответственно, такая страница лишена непосредственной коммерчески-рекламной выгоды и частично лишает ее печатной версии (оттягивая читателей) и веб-версии (оттягивая возможных платных подписчиков и аннулируя возможность просмотра рекламы).

4. Представительства в Facebook остаются актуальными для продвижения газеты. Джон Митчелл, аналитик портала ReadWriteWeb, считает, что читатели здесь «вместо денег платят вниманием»[15] – своим и своих друзей. Думается, не стоит жалеть гипотетические деньги, потерянные на необращении к печатной и подписочной веб-версии: преимущественно молодая аудитория Facebook вряд ли стала бы их тратить на эти цели.

Примечания

[1] World's 'seven billionth baby' is born // Guardian, 31.10.2011. URL: http://www.guardian.co.uk/world/2011/oct/31/seven-billionth-baby-born-philippines?intcmp=122 (дата обращения 30.05.2012).

[2] Facebook // Wikipedia, the Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Facebook (дата обращения 30.05.2012).

[3] Bullas J. 20 Stunning Social Media Statistics Plus Infographic. URL: http://www.jeffbullas.com/2011/09/02/20-stunning-social-media-statistics/ (дата обращения: 27.05.2012).

[4] Facebook // Википедия, свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Facebook (дата обращения 30.05.2012).

[5] ВКонтакте // Википедия, свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ВКонтакте (дата обращения 30.05.2012).

[6] Одноклассники // Википедия, свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Odnoklassniki.ru (дата обращения 30.05.2012).

[7] Facebook // Alexa. The Web Information. URL: http://www.alexa.com/siteinfo/facebook.com (дата обращения 31.05.2012).

[8] «*USA Today* remains the widest circulated print newspaper in the United States». Цит.: USA Today // Wikipedia, the Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/USA_Today. (дата обращения: 31.05.2012).

[9] Smith M. USA TODAY debuts new Facebook Timeline page // USA Today, 29.03.2012. URL: http://content.usatoday.com/communities/technologylive/post/2012/03/usa-today-facebook-timeline/1#.T8csk7B1BHU (дата обращения: 27.05.2012).

[10] Halliday J. Facebook f8: Wall Street Journal launches new app // The Guardian, 20.09.2011. URL: http://www.guardian.co.uk/media/pda/2011/sep/20/facebook-f8-wall-street-journal (дата обращения 31.05.2012).

[11] McCarty B. The New York Times' History-Laden Facebook Page // The Next Web. URL: http://thenextweb.com/facebook/2012/02/29/manchester-united-the-ny-times-and-others-load-their-facebook-timelines-with-100-years-of-history/ (дата обращения 17.03.2012).

[12] (Introduction of The New York Times Facebook Timeline) // The New York times on Facebook. URL: http://www.facebook.com/nytimes/posts/449238199998 (дата обращения 31.05.2012).

[13] Social Reader // Wikipedia, the Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_Reader (дата обращения: 27.05.2012).

[14] The Washington Post Social Reader Comes to iPhone, iPod touch, Android and Kindle Fire // The Washington Post, Community Relations Section, 07.03.2012. URL: http://www.washingtonpost.com/community-relations/the-washington-post-social-reader-comes-to-iphone-ipod-touch-android-and-kindle-fire/2012/02/07/gIQAydkewQ_story.html (дата обращения 17.03.2012).

[15] Mitchell J. Sites With Social Reading Apps Sacrifice Readers to Facebook // ReadWriteWeb, 09.05.2012. URL: http://www.readwriteweb.com/archives/sites-with-social-reading-apps-sacrifice-readers-to-facebook.php (дата обращения: 27.05.2012).

Соколова Е. А.
Россия, Шадринск

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ: МАТЕРИНСКИЕ РОЛИ И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ

Исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью современной науки, в том числе – науки о журналистике. Об этом пишут многие ведущие исследователи журналистики, в том числе – Н. И. Ажгихина [Ажгихина 2011; Ажгихина эл. ресурс], Е. Л. Вартанова [Вартанова эл. ресурс], О. М. Здравомыслова [Здравомыслова эл. ресурс], О. В. Смирнова [Смирнова 2008]. Проблемы взаимоотношения полов, дискуссии о положении мужчин и женщин, борьба женщин за гармоничные отношения с мужчинами, гендерный дисбаланс – в освещении этих вопросов большая роль отводится СМИ как главному инструменту отражения реальности. СМИ создают и распространяют знание о социуме, о принципах его организации и функционирования, поведенческих моделей и нормативных образцов, таким образом, оказывая весомое влияние на формирование как представления о реальности, так и самой реальности. В том числе – о маскулинности и феминности, выраженных в образной системе.

© Соколова Е. А., 2012

Одна из важных проблем современной науки о журналистике – рассмотрение ценностных установок и приоритетов медийного пространства, порожденного взаимодействием журналистики и социума и несущего в себе разнообразный поток представлений, в том числе – о месте и роли женщины в обществе, представлений, выраженных в образной системе газеты.

Л. Л. Рыбцова в статье «Жизненные ценности женщин» доказывает, что профессиональная деятельность занимает чрезвычайно важное место в системе жизненных ценностей современной женщины, поскольку это залог материального благополучия ее семьи. Поэтому профессиональная сфера рассматривается журналистами весьма подробно, подчеркивается, что героиня обязательно состоялась как профессионал. Гораздо меньше внимания, особенно в провинциальных СМИ, уделяется теме образования как условия профессионального роста [Рыбцова 2001: 78].

Вторая значимая сфера жизни современной женщины – семья, и Л. Л. Рыбцова пишет о противоречии в оценках семьи: с одной стороны, по ее словам, происходит ослабление семейных уз, а с другой – семья воспринимается современным человеком как «тихая гавань», защищающая от житейских невзгод [там же].

Создавая образ героини, журналист, как правило, уделяет внимание почти исключительно этим двум сферам деятельности женщины: профессии и семье. В СМИ они тесно связаны, спаяны: героиня должна проявить себя и в той, и в другой сферах. Общественная деятельность, как правило, приравнивается к профессиональной.

Особенности провинциальной жизни российского общества накладывают определенный отпечаток на конструирование местной прессой медиаобраза современной женщины. Социологи обеспокоены тем, что в настоящее время в массовом сознании, не без помощи средств массовой информации, все большую силу набирают патриархатные настроения: считается правильным, что женщина должна выполнять традиционные роли жены, матери, домашней хозяйки. Практика показывает, что ценностные акценты отечественного женского образа в региональной прессе смещаются в сторону перенесения материнских функций в профессиональную и общественную сферу: природой женщине предписано быть матерью, поэтому ее поведение и вне семьи – ожидаемо материнское, направленное на заботу, опеку, помощь и т.п. [Римашевская эл. ресурс].

Так, мониторинг газет «Вечерний Екатеринбург», «Тюменский курьер», «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий» за 2010–2011 годы показывает, что самым распространенным образом в их ма-

териалах выступает «женщина-мать». Этот образ тесно связан с предписанными женщине массовым сознанием такими качествами, как пассивность, эмоциональность, покорность, преданность – т.е. устойчивыми чертами феминности. Из этого следует, что предназначение женщины заключается в рождении и воспитании детей и ведении домашнего хозяйства, – т. е. в выполнении функций материнства. Поэтому возникают материалы, основанные на эксплуатации вышеприведенных упрощенных устойчивых представлений-стереотипов.

Исходя из ожиданий масс, журналисты при создании материалов о женщине чаще всего используют базовый стереотип матери. Под ним понимается прежде всего устойчивое представление масс о женщине как о продолжательнице рода (рождение детей), обладающей «врожденными» способностями к воспитанию детей (своих и чужих), к управлению домашним хозяйством, семьей, предприятием. Таким образом, функции матери, предписанные женщине обществом и вслед за ним – журналистами, выходят за рамки ее семьи, распространяясь в область ее профессиональной деятельности.

Авторы материалов приветствуют такое «перенесение» предписанных обществом женщине материнских ролей: их героиня изображается не только как состоявшаяся личность и уверенный профессионал, но и всегда как счастливая мать семейства, а иное, например, бездетность, несложившаяся личная жизнь и т. п. – не встречается. Рациональное (интеллект, карьера и т.п.), замещается сферой чувств: авторы подчеркивают, что героиню любят дети, окружающие, подчиненные (если речь идет о руководителе), таким образом, самореализованная, окруженная любовью и признанием близких, героиня показана счастливой и довольной жизнью.

Героиня материалов – жительница регионального центра, чем-либо выделившаяся из массы горожанок: она получила награду, выиграла в соревновании (не обязательно спортивном), возглавила предприятие или какой-либо Общественный фонд и т.д. Героиня приближена к читательнице: она живет такой же жизнью, ходит по тем же улицам, у нее те же заботы. Поэтому проблемы, поднятые в материалах, становятся особенно близки женской аудитории газеты.

Образ женщины в региональной прессе чаще связан с культурной тематикой или социальной проблематикой. Ей посвящены материалы в рубриках Театральная афиша, Культура, Досуг и т.д., в этом случае они преимущественно носят информационный характер. Информационно-аналитические статьи посвящены ЖКХ, борьбе с преступностью, сиротством, другими проблемами детства. Эти статьи более проработаны, образ интересен и выразителен.

Авторы акцентируют внимание на том, что героине пришлось пережить невзгоды, преодолеть трудности. В конце концов все тяготы остаются позади и героиня отдает себя служению людям. Служение людям стало базовой социальной ролью, на которой строится образ героини региональной газеты. Похоже, это стало общим местом в произведениях региональных журналистов: женщина не может замыкаться в круге домашних забот, она должна приносить общественную пользу (воспитывать не только своих, но и чужих детей, заботиться о сиротах, инвалидах, выводить на чистую воду хитрости ЖКХ, поддерживать слабых и т. п.), пусть даже она при этом не достигнет карьерных высот, славы и богатства.

Региональные газеты укрепляют представление общества о том, что современная женщина должна быть успешна во всех сферах ее жизни: семье, карьере, хобби, личной жизни и т. п. На страницах газет появляется образ «полифункциональной» женщины, которая стремится во всем преуспеть, все сделать, завести семью, состояться в профессии, безупречно выглядеть и т.д. Довольно распространенный в региональной газете, этот образ представляет такую женщину, в жизни которой есть место большинству вышеописанных функций: она уверена в себе, независима, ориентирована на успех, материально благополучна, имеет полноценную семью, безусловный лидер, ответственный и успешный работник, при этом образцовая жена, мать, подруга. Героиня материалов, как правило, отвечает всем этим показателям.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Региональная газета разработала образ современницы, строящийся на перенесении материнских функций из сугубо частной, семейной сферы в общественную и профессиональную. Материалы о женщине не выходят за рамки социальной проблематики. Героиня, обычная жительница провинциального мегаполиса, обязательно реализована во всех сферах своей жизни, много занимается общественной работой, достигая определенных успехов. Социальное материнство и полифункциональность стали «визитной карточкой» героини региональной прессы.

Список литературы

Ажгихина Н. И. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа. // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261–273.

Ажгихина Н. И. А кони все скачут и скачут… Несколько штрихов к коллективному портрету современной журналистики: гендерный формат. URL: http://www.ruj.ru/authors/azhgihina/08016.html (дата обращения: 29.04.2011).

Вартанова Е. Л., Смирнова О. В., Фролова Т. И. Гендерная проблематика в политических кампаниях: СМИ как индикатор гражданской культуры. URL: http://mediascope.ru/node/344 (дата обращения: 29.04.2011).

Здравомыслова О. М. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России. URL: http://www.polit.ru/author /2009-/09/24/gender.html (дата обращения: 29.04.2011).

Римашевская Н. М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России. URL: http://www.owl.ru/library/046t.htm (дата обращения: 29.04.2011).

Рогозина И. В., Пицун М. А. Роль СМИ в формировании гендерных когнитивных эталонов // Филология и человек. 2008. № 2. С. 125–131.

Рыбцова Л. Л. Общественно–политическая активность женщин // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 78–80.

Смирнова О. В. Гендерная проблематика // Проблематика СМИ. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 223–238.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ

Боброва (Богачева) М. В.
Россия, Пермь

ТОПОНИМИЯ с. ТРОЕЛЬГА КУНГУРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ [1]

В настоящей статье мы обращаемся к топонимии, функционирующей в речи жителей одного уральского села – жителей с. Троельга Кунгурского района Пермского края. Населенный пункт стоит на р. Троельга, притоке р. Юмыш, впадающей в Бабку – приток Сылвы. Он упоминается с середины XVIII в., уже к началу XIX в. это центр Троельжанской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. В настоящее время Троельга – центр Троельжанского поселения, в которое входит 28 населенных пунктов.

В нашем распоряжении находятся разнообразные сведения, собранные путем опроса: 1) общедоступные наименования, зафиксированные в различных источниках (ойконимы – названия населенных пунктов, гидронимы – названия гидрообъектов), и наименования, локально ограниченные в своем употреблении, известные местным жителям и не обнародованные ранее (микротопонимы – названия мелких географических объектов, оронимы – названия изменений ландшафта), 2) собственные названия объектов национального значения и объектов регионального значения, 3) онимы, функционирующие в живой непосредственной речи и фиксируемые в местном русском фольклоре. Собранные данные позволяют не только дать традиционное описание местного ономастикона, но и сделать обобщения лингвокультурологического и этнолингвистического характера. Однако в настоящей публикации, ограниченные объемами, мы остановимся на описании актуальной топонимии, т.е. географических названий, функционирующих в живой речи жителей с. Троельга.

Всего выявлено 102 наименования 99 объектов, из них 52 микротопонима (здесь – названия полей и лугов), 31 ойконим, 14 гидронимов,

© Боброва (Богачева) М. В., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, № 12-34-01043а1).

5 оронимов. Опишем обнаруженные факты с точки зрения структуры производящих основ.

Собственно структурный анализ подразумевает изучение исследуемого материала с точки зрения словообразовательных и синтаксических особенностей. Мы ориентировались на традиционную теорию русского словообразования, изложенную Е. А. Земской [Земская 1973], и теорию русского топонимообразования, разработанную Н. В. Подольской [Подольская 1983].

Вслед за Е. А. Земской в качестве основных способов образования слов выделим следующие:

1) лексико-семантический – образование нового слова в результате изменения значения уже существующей лексемы (омонимизация, в настоящем случае – трансонимизация, т. е. переход онимов одного класса (разряда) в другой, в конкретной ее разновидности – транстопонимизация, ср.: р. *Бым* и завод, а также одноименное поселение при нем, реки *Евангелька*, *Песчанка*, *Полыгорец*, *Юмыш* и одноименные деревни, река *Троельга* и одноименное село, река *Майоровка* и одноименное поле);

2) лексико-синтаксический – создание новой лексемы из словосочетания в результате объединения двух или более слов (сращение; в исследуемом топонимиконе примеров не зафиксировано);

3) морфолого-синтаксический – возникновение новой лексемы в результате перехода слова или отдельной словоформы в другую часть речи (конверсия, в частности субстантивация и употребление различных частей речи в функции существительного, ср.: *Драковское* [поле], *Капитанское* [поле], *Спиринское* [поле]; *Галичная* [гора], *Гранская* [гора], *Пахомыч* [угор ‘пригорок’]; д. *Заборское*; в квадратные скобки заключены лексемы, которые в определенном контексте могут выступать и как нарицательный терминологический компонент, и как часть собственного наименования, причем первое больше характерно для официально-делового и научного дискурса, второе – для бытового);

4) морфологический – образование производного слова в результате присоединения словообразовательных (деривационных) аффиксов к производящей основе (аффиксальные и безаффиксальные способы словообразования) [см.: Земская 1973: 169]. Далее остановимся на данном способе деривации.

Н. В. Подольской предложена классификация, описывающая 7 основных способов восточнославянского топонимообразования. Пермский материал, в том числе топонимикон с. Троельга, позволяет расширить данную классификацию, в частности посредством не отмеченных в ней синтетических способов образования. Целесообразным

видится, прежде всего, выделение двух основных групп географических названий – однословных, или монолексемных / монокомпонентных (включающих одно знаменательное слово), и многословных, или полилексемных / поликомпонентных (включающих более одного знаменательного слова).

На основе анализа однословных онимов и ведущих лексем в поликомпонентных географических названиях могут быть выделены следующие способы топонимообразования (укажем: а) микротопонимы, б) ойконимы, в) гидронимы, г) оронимы; отсутствие примеров будет указывать на отсутствие соответствующих фиксаций):

1. Аффиксация:

1) суффиксация: а) поле *Огуречник*, поле *Интернатовское*, поле *Корчёвка*, поле *Мосинка*, поле *Мясниковка*, поле *Грязнуха*, б) д. *Банниково*, д. *Кужлево*, д. *Серёткино*, д. *Богородск*, д. *Юшковка*, в) р. *Каменка*, р. *Сосновка*, р. *Грязнушка*, р. *Полыгорец*, г) гора *Галичная*, гора *Гранская*, гора *Пантюшкина*;

2) конфиксация: а) поле ***Меж***логовь[***j***]*е*;

3) нулевая аффиксация: а) луг *Согра*, поле *Хутор*, поле *Штаны* (< *штаны* ‘лог, разделяющийся надвое’ [Полякова 2007: 404]), б) д. *Баймура*, д. *Кордон*, в) р. *Канава*, р. *Юмыш*, г) угор *Пахомыч*.

2. Плюрализация (флективная плюрализация): а) поле *Рассохи*, поле *Бобылки*, б) д. *Блины*, д. *Ерши*.

3. Субстантивация: а) поле *Лесинское*, луга *Поповские*, б) д. *Заборское*, в) озеро *Чёрное*, г) гора *Золотая*.

4. Лексикализация грамматической формы слова: а) поле *За Данилой,* поле *У Байсовых,* поле *У Тумбы*.

В материалах, относящихся к Троельжанскому поселению, отсутствуют другие модели, фиксируемые в топонимиконе Пермского края (для сравнения приведем примеры из ойконимии иных районов по данным 1928 г.): префиксация (*Забор* < *бор*, д. *Заполуденная* < р. *Полуденная*), префиксация с плюрализацией (***Под****гребн****и*** < *гребень* ‘продолговатая вершина горы, холма’ [Подольская 1983: 73]), сложение с различными вариациями (*Подгорно-Буевский*, *Пятигор*, *Каменно-Ключевской* < руч. *Каменный Ключ*, *Пятигоры*), аббревиация (*Обращат*, *Лаюкс*), эллипсизация с различными вариациями (*Ванино* < *Ванинский*, *Высокова* < *Высокопольская*, *Богомолы* < *Богомолов*) и некоторые другие. Кроме того, на других территориях региона многочисленны ойконимы, демонстрирующие лексикализацию императивной формы глагола (рассматриваются Н. В. Подольской как окказиональные: *Забегай*, *Припадай*), личных именований (в генитиве) владельца мелкого надела земли, основателя поселения на нем (хут. *Бори-*

совой, хут. *Дурегина*).

Вместе с тем основные способы образования монолексемных топонимов типичны; так, 45% суффиксальных единиц, безусловно, отвечает общерусской тенденции к возникновению именно суффиксальных топонимов. Не зафиксированы способы онимообразования, которые не являются распространенными и в русском топонимиконе в целом. Ср., в частности: такой способ деривации, как аббревиация, проник в топонимию только после 1917 г.

Среди полилексемных топонимов обнаружена единственная модель построения – словосочетание с синтаксической связью согласование: а) поле *Долгая Рёлка*, поле *Ледяной Лог*, поле *Мосин Березник*, поле *Солдатская Точка*, б) д. *Верхний Шавляш*, д. *Нижний Шавляш*, в) р. *Малый Юмыш*, руч. *Антоновский Ключик*.

Не зафиксированы словосочетания с синтаксической связью управление (ср. в других районах по данным 1928 г.: *Три Курьи*, *Хутора По Тракту*, *Вверх по Вильве*, *Поворот Жизни*), предложно-падежные конструкции (в терминологии Н. В. Подольской – детерминативно-предложное соположение: *За Сухим Логом*, *У Кривого Озера*), предикативные конструкции (*В Единении Сила*, *Проснись Бедняк*). Отсутствуют также примеры комбинаторных сочетаний – сочетания различных моделей полилексемных имен собственных (ср.: *Городищенские Хутора № 1, 2, 3, 4, Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*).

Особенности деривации полилексемных наименований вновь ожидаемы, поскольку и здесь выявлены наиболее частотные модели. Известно (в результате исследования нами пермских ойконимов по данным 1928 г.[2]), что остальные модели получили распространение в XX веке в связи с резким увеличением количества поселений (каждое из которых требовалось поименовать) в результате реформ, главным образом столыпинских. Предикативные же конструкции, как и комбинаторная модель, представлены в единичных примерах и в известной мере случайны в ойконимии (имеют скорее окказиональный характер). Более того, отсутствие таких фиксаций подтверждает наблюдение, что в целом в ойконимиконе прослеживается определенный динамический процесс – тенденция к трансформации полилексемных ойконимов в монолексемные. И вместе с тем исследуемые материалы показывают, что сохраняются определенные традиции, ср. высказывание В. А. Никонова в классической работе 1965 г.: «Топонимы в форме

[2] См. также: [Богачева 2003, 2004, 2005а, 2005б, 2008].

косвенного падежа существительного, обозначающего географическое нарицательное, с пространственным предлогом сейчас очень редки в славянской топонимии. Микротопонимы ближе к нарицательным словам, и среди них такие образования бесчисленны: Под горой, За оврагом, На прудах, У мельницы» [Никонов 1965: 86].

Итак, исследование структуры топонимов современного уральского села показывает, что топонимикон формируется в соответствии с общерусскими тенденциями. Это тенденции, которые являются актуальными на протяжении веков и обеспечивают единство и цельность русской системы географических названий. Обращение в дальнейшем к семантическому и функциональному (антропоцентрическому, этнолингвистическому) аспектам поможет выявить специфику собранных в живой речи и в фольклоре материалов в региональном ракурсе, а также с точки зрения изучения картины мира современного уральца-сельчанина.

Список литературы

Богачева М.В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Богачева М.В. Процессы онимообразования, отраженные в ойконимии пермской области // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: Материалы отчетных науч. конф. препод., асп., молодых ученых и студентов (апрель 2005 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2005а. С. 31–35.

Богачева М.В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2003. 273 с.

Богачева М.В. Структура ойконимов Пермской области (словообразовательный аспект) // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Соликамск, 2004. Т. 2. С. 217–221.

Богачева М.В. Структурные модели полилексемных ойконимов Пермской области // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005б. С. 294–296.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ). М.: Наука, 1983. 160 с.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм.гос. ун-т. Пермь, 2007. 420 с.

Гордеева О. В.
Россия, Пермь

«МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА ХОЗЯЙКИ МЕДНОЙ ГОРЫ» КАК ИДЕЯ ДЛЯ ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ

О необходимости развивать экскурсионно-туристическое дело во всех регионах страны в последнее время говорится часто.

В Перми сейчас многое делается для привлечения туристов. Сама идея сделать город ярким, индивидуальным, несомненно, хороша. Но почему-то выделенные для этой цели средства осваивают не пермяки, а приезжие из других городов и стран, которые не очень хорошо понимают душу уральского города и навязывают нечто чужое и чуждое. Раздражение жителей Перми проявляется в словах, которыми неофициально называются некоторые арт-объекты, появившиеся в центре Перми. Так, например, «Красных человечков» называют «Безголовыми человечками», «Пермские ворота» в виде большой деревянной буквы П именуют «Табуреткой», «Яблоко» у библиотеки имени А.М.Горького называется просто «Огрызком» и т. д.[1] Большая табуретка, большой огрызок, безголовые люди – какой образ Перми складывается у жителей и гостей города? Возможно, если бы приезжие работали на идею, которая является родной для пермяков, то такого раздражения не было бы.

Пермский писатель Алексей Иванов уже несколько лет подряд разрабатывает идею «Горнозаводской цивилизации», которая сложилась именно на Урале [2]. Но многие заводы, давшие жизнь городам, сейчас не существуют, поэтому туристам рассказать можно много, а показать удастся мало (с учетом того, что туристы всегда ожидают увидеть нечто необычное, удивительное). Сама идея Алексея Иванова замечательная, она позволяет развивать туризм на всей территории Урала, чем похожа на главный туристический проект СССР – «Золотое кольцо».

© Гордеева О. В., 2012

Проанализируем самые успешные, самые известные туристические проекты нашей страны.

В 1967 г. журналист Юрий Александрович Бычков по заданию редакции газеты «Советская культура» отправился в Суздаль, чтобы написать очерк о развитии туризма в этом городе. Заядлый автомобилист решил, что возвращаться в Москву той же дорогой будет не очень интересно, поэтому поехал обратно через Ярославль. Появилась идея о кольцевом маршруте. Ю. А. Бычков написал 8 очерков под общим названием «Золотое кольцо». Всероссийское общество по охране памятников истории и культуры заинтересовалось и названием, и кольцевой поездкой. В результате появился туристический маршрут, который был популярен и у иностранцев, и у жителей нашей страны. «Золотое кольцо» первоначально охватывало 8 городов древней Владимиро-Суздальской Руси. Проект успешно реализовался в Советском Союзе и продолжает быть востребованным в России. Показатель того, что идея, предложенная жителем Москвы, оказалась для многих жителей России «своей, родной» – расширение списка городов «Золотого кольца». Теперь это более 20 городов. Увеличение количества населенных пунктов позволяет формировать самые разнообразные маршруты [3]. Вряд ли каждый турист сможет посетить все города из нового большого списка, но любой турист, посетивший 2–3 города из списка, чувствует себя приобщившимся к «Золотому кольцу России».

Другой успешный проект – проект Вологодской области и Правительства Москвы «Великий Устюг – родина Деда Мороза», созданный в 1997 г. Фольклорный персонаж стал реальностью. У Деда Мороза есть своя Вотчина в нескольких километрах от Великого Устюга, в которой он принимает гостей, есть Почта, через которую он общается со всеми жителями нашей страны, есть резиденция в Москве. Дед Мороз отмечает день рождения, путешествует по стране, участвует в различных мероприятиях в течение всего года. Так реализуется основная идея данного проекта – объединить русских людей вокруг национальных корней и традиций через соприкосновение с образом, который олицетворяет добро, счастье, надежду, веру в будущее, который интересен и детям и взрослым [4].

Турист, путешествуя по «Золотому кольцу», ориентируется на то, что он будет смотреть, а турист, который едет к Деду Морозу, ориентирован на то, к кому он едет в гости и что он там будет смотреть. Если сравнить средние цены на путешествия по этим маршрутам, то выяснится, что за поездки в гости к Деду Морозу, за общение с ним люди готовы платить больше (хотя объектов для изучения больше на «Золотом кольце»).

Использование сказочных образов, встреча с которыми дает людям возможность «путешествия в сказку», «путешествия в детство», оказалась «своей, родной» для многих регионов. Почти сразу после проекта с Дедом Морозом появился проект «Кострома – родина Снегурочки». Сказочные герои сначала существовали в населенных пунктах отдельно. В конце 2010 г. стартовал проект «Регионы России: сказочные возможности». Алексей Козловский составил «Сказочную карту России». Регионы ищут своих сказочных героев: Ульяновская область заявила свои права на Колобка (основание – в местных говорах встречается слово «колебята»), Кировская область – на Кикимору (основание – Кикиморская горка в Кирове) и т. д. Активна Ярославская область: здесь родина Курочки Рябы, Бабы Яги, Мышки-норушки, Емели и Щуки, Медведя, Алеши Поповича. Администрация области поддерживает эти проекты, понимая, что они обеспечивают местных жителей работой, создают привлекательный образ территории и т. п. По аналогии с «Золотым кольцом России» именно в Ярославле собираются создать маршрут «Сказочное кольцо России» [5].

Существование на Урале многочисленных «закрытых территорий» (из-за наличия на них оборонной промышленности) отрицательно влияло на развитие туризма. Но в советское время уральцы гордились Уралом, сущность которого хорошо выразил словами уроженец Смоленщины поэт А. Т. Твардовский: «Урал! Опорный край державы, / Ее добытчик и кузнец, / Ровесник древней нашей славы / И славы нынешней творец» (поэма «За далью – даль»). Чаще цитировалась первая строка, она стала «своей» для разных областей Урала. Хребет, стержень, опора, то, на чем держится все остальное.

И вдруг, когда территории «открыли», оказалось, что на Урале, например, в Перми, сами пермяки по каким-то не очень понятным причинам ничего показать туристам не могут, а поэтому сюда срочно завезли то, что называется «современным искусством». Городу навязывается некий чужой образ. Понятно, что в современных условиях необходимо уходить от образа города-завода, в котором главное – Завод. Но надо учитывать, что оборонные заводы в Перми продолжают работать и на них трудится большое количество жителей, что вся история Урала связана с горными заводами и т. п. Уйти от понятия «город-завод» – это отказаться от своих корней, от истории. И что тогда показывать туристам?

Перми, а может быть, и Уралу в целом, требуется хорошая идея для развития экскурсионно-туристического дела. Эту идею могут предложить и разрабатывать все, важно только, чтобы она стала «своей» для местных жителей.

Идея должна быть достаточно яркой, простой и понятной. В ней должно быть представлено то, что отличает одну российскую территорию от другой, должна быть связь с историей и географией именно данного региона, чтобы туристы ехали смотреть «что-то особенное, чего нет в других местах». Было бы хорошо, если бы идея давала возможность рассказывать о прошлом, настоящем и будущем региона.

Идея хорошо реализуется там, где она поддерживается обществом и органами власти. Сейчас администрация края финансирует проект «Пермь – культурная столица Европы». Если учесть, что в рамках этого проекта в Перми появляются образцы современного искусства, то понятно, что энтузиазма данный проект у жителей города не вызывает. А идея «Горнозаводской цивилизации», которую продвигает писатель Алексей Иванов, не находит понимания со стороны официальных структур края.

Необходимо учитывать, что туристы привыкли, что их во время путешествия как-то развлекают. Яркий пример – общение с Дедом Морозом и другими сказочными героями. В Перми пытались найти своего сказочного героя. Решили, что таким героем будет Медведь, т. к. изображение медведя есть на местном гербе и флаге, на предметах, относящихся к древнему пермскому звериному стилю, медведи на Урале живут и т. п. В центре Перми есть скульптура «Пермский медведь». Огромная фигура ряженого медведя ежегодно участвовала в Пермском карнавале, проходившем в день города. Медведь также популярен в местной рекламе («Покупай пермское!»), в местной символике («Пермская краевая организация болельщиков», «Пермская городская федерация футбола» и др.). В краеведческом музее Перми проводится фестиваль медведей – МедвеDAY. В феврале 2012 г. появилась онлайн-игра о достопримечательностях Пермского края, героем которой стал застенчивый медведь, убегающий от папарацци [6].

Пермяки считают Медведя символом своего региона. Но Медведь – «свой» не только для Перми, он является символом всей России. В проекте «Сказочная карта России» Медведь «прописан» в Ярославле. Причиной тому послужило изображение медведя на гербе и существование легенды об основании города. В Ярославле празднуется День Медведя, есть живая медведица, которую показывают туристам, и т. п. Изображение медведя встречается на гербах городов разных стран (Берлин, Берн, Мадрид, Пермь, Ярославль, Хабаровск и др.) [7], поэтому не удастся доказать, что медведь – это символ именно Перми или Урала.

Проекты «Культурная столица» и «Пермский медведь» не очень связаны, а могут восприниматься даже как противоречащие друг дру-

гу. С проектом «Горнозаводской цивилизации» явных пересечений у этих проектов тоже нет.

Есть одна идея, которая смогла бы объединить все эти проекты. В для экскурсионно-туристического дела ней используется образ Хозяйки Медной горы, так как Хозяйка Медной горы связана и с природой края, и с горнозаводской цивилизацией. Сказы П. П. Бажова известны россиянам с детства по книгам и фильмам. Все знают, что Хозяйка Медной горы и мастера-умельцы живут на Урале, где добывают и обрабатывают различные полезные ископаемые. За пределами Урала Хозяйки Медной горы нет. Это отличает данный образ от образа Медведя.

Хозяйка Медной горы может продемонстрировать туристам больше, чем Медведь. Покрытые лесами старые Уральские горы похожи на малахитовую шкатулку. Владелица шкатулки может приоткрывать шкатулку туристам и показывать красоту уральской природы («Каменный город», Кунгурская ледяная пещера, река Чусовая и др.), показывать сокровища Урала, к которым относятся не только полезные ископаемые, но и люди. Она может рассказывать о тайнах мастеров далекого прошлого из дорусской истории Урала («пермский звериный стиль»), о мастерах времен сказов П. П. Бажова, о современных мастерах, которые делают не только сувениры из камней-самоцветов, но и пушки, и авиадвигатели (тут будут актуальными слова А. Т. Твардовского об опорном крае державы). Мастера-умельцы могут представлять туристам свою работу, в том числе и образцы современного искусства. Мастера работали и работают на заводах, при заводах появлялись поселения, поэтому можно рассказать о формировании особой горнозаводской цивилизации, которая сложилась именно на Урале и в других местах не встречается. Хозяйка Медной горы может познакомить туристов с разными народами, история которых связана с Уралом (коми-пермяки, манси (вогулы), русские, татары, башкиры), может продемонстрировать одежду этих народов (традиционную и созданную современными модельерами) и т. д. Хозяйка Медной горы может появляться не в одном месте, а в разных, потому что она постоянно осматривает свои владения, а они очень большие (Хозяйка Медной горы даже в сказах П. П. Бажова ведет себя так, будто она владеет не только одной горой, а разными). Именно поэтому можно разработать варианты маршрутов путешествия по разным уральским территориям, как это делается в успешном проекте «Золотое кольцо России».

Хозяйка Медной горы – образ таинственный, загадочный, привлекательный, связанный с понятиями красоты, таланта. Хозяйка сама

решает, кого одарить, а кого наказать. Возможно, образ Хозяйки потребует некоторой трансформации, доработки, т. к. в сказах П. П. Бажова говорится о том, что людям встречаться с Хозяйкой не следует. Примеры изменения и развития образов уже есть: Дед Мороз не всегда был добрым дедушкой с подарками, а Снегурочка не всегда была внучкой Деда Мороза (она была дочкой Мороза и Весны, и ожившей снежной фигуркой, вылепленной крестьянами), но в советские годы образы Деда Мороза и Снегурочки были удачно «творчески обработаны». Можно оставить образ Хозяйки без изменения: иногда непредсказуемые и даже жестокие герои привлекают путешественников, как это происходит в Трансильвании, где активно используется образ Дракулы.

«Сказочная карта России» считает родиной Хозяйки Медной горы Свердловскую область, т. к. П. П. Бажов родился именно там. Но необходимо помнить, что Бажова называют не свердловским, а уральским сказочником. У Екатеринбурга и Перми много общего в истории. Оба города – это города-заводы, появившиеся в 1723 г. В Екатеринбурге был железоделательный завод, история Перми начиналась с Егошихинского медеплавильного завода. До 1917 г. территория современной Свердловской области относилась к Пермской губернии. П. П. Бажов учился в Перми (есть мемориальная доска на здании бывшей духовной семинарии).

Хозяйка Медной горы и П. П. Бажов, может быть, пока не совсем «свои, родные» для пермяков, как, например, «Пермский медведь», но у Перми и Пермского края как части Урала есть возможность участвовать в общем уральском проекте, связанном с использованием образов из сказов П. П. Бажова для развития экскурсионно-туристического дела.

Примечания

[1] Вандалы пытались сжечь большую деревянную «П» возле Перми-II. URL: http://59.ru/text/newsline/457694.html; За огрызок яблока бюджет заплатил миллион. URL: http://59.ru/text/newsline/351151.html; Марат Гельман: Пермь наполнится … безголовыми – http://afisha59.ru/text/owntime/494153.html.

[2] О «Горнозаводской цивилизации». URL: http://www.arkada-ivanov.ru/ru/Polemika/OGORNOZAVODSKOJJCIVI/; Писатель Алексей Иванов разработает туристическую концепцию Свердловской области. URL: http://news.uralistica.com/?p=304.

[3] Золотое кольцо России. URL: http://www.privetstrana.ru/zolotoe-kolczo-rossii.html; На Золотом кольце сидели… URL: http://strana.ru/journal/2644154.

[4] Летопись проекта Великий Устюг – Родина Деда Мороза. URL: http://www.gledengrad.ru/2009-02-06-11-23-31/406-letopicmoroz.html.

[5] Сказочная Кострома – Родина Снегурочки. URL: http://kostroma.com/history-8; Сказочная карта России. URL: http://countrumen.ru/index.php?article=454&p=1&pid=culture;

Российские регионы в поисках сказочных героев. URL: http://www.aif.ru/travel/article/43239.

[6] МедвеDAY – пермский фестиваль медведей. URL: http://www.museum.perm.ru/forvisitor/22; Застенчивый медведь стал героем компьютерной игры о Прикамье. URL: http://59.ru/text/newsline/2012/02/27/.

[7] Медведь в геральдике. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Медведь_в_геральдике.

Жидких М. Г.
Россия, Пермь

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИЧНОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Когда говоришь о фольклоре, то говоришь о мудрости народной, закрепленной прочно и в памяти, и в языке человека. Носители языка, принадлежащие к одной лингвистической и культурной общности, имеющие общее миропонимание, выражают свое национальное самосознание, мудрость и дух народный в пословицах, поговорках, крылатых словах, фразеологических оборотах. Знание подобных сочетаний способствует не только лучшему освоению чужого языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера своего народа.

«Gallina vecchia fa buon brood» (*Старая курица делает хороший бульон*), – говорит итальянец. Русский человек привык в подобной ситуации произносить *старый конь борозды не портит*. А общее значение данных выражений состоит в том, что, как ни крути, а опыт – важная вещь. Русской пословице *капля камень точит* вторит коми-пермяцкая *номыс учӧт, да вӧлӧс сёйӧ* (комар мал, а лошадь ест).

Чем хороша пословица? У пословицы есть ответ на все случаи жизни, она знает про нас все. И какой бы короткой она ни была, это законченное художественное произведение. Художественные произведения, имеющие одинаковую идею, могут выражать ее разными средствами. Разница в средствах связана с историей появления и развития народа, бытовыми условиями и привычками, психологией. Уже Геродот в своей «Истории» попытался выделить «типичные групповые черты азиатов и греков». Ш. Монтескье связывал национальные различия этносов с климатом. Ж.-Ж. Руссо считал, что «у каждого народа обязательно есть или, по крайней мере, должен быть свой национальный характер» [Культурология 2007 Т. 1: 23].

© Жидких М. Г., 2012

Наша статья посвящена вопросу синонимии коми-пермяцких и русских пословиц. Оговоримся сразу: мы рассматриваем не формальную, а содержательную сторону синонимии, то есть предметом нашего изучения является не лексический состав и не структурные особенности, а смысл высказывания, хотя, говоря о пословицах, мы обязательно будем касаться и формальной составляющей. Добавим, что переводы будут примерными или аналогичными, потому что, как известно, в пословицах чаще всего используются слова с переносным значением, а перевести их дословно трудно или невозможно.

Как бы ни были отличны языки между собой и как бы ни были далеки народы в географическом положении, всегда найдутся пословицы, говорящие об одном и том же, причем нередко одними и теми же словами: коми-пермяцкая *кытшӧм бы чунь эн курччӧвт, сё зубыт* [ЗК 1997: 188] и русская *который палец ни укуси – все больно* [ПП 1987: 610]. Приведенный пример доказывает универсальность таких высказываний. Дело в том, что некоторые стороны жизни одинаково воспринимаются разными народами, и потому существует латинская пословица *волк волка не грызет* (upus non mordet lupum) [Вечные истины 2009: 198], русская *ворон ворону глаз не выклюет* [там же: 104], и коми-пермяцкая *рака ракаліс синсӧ оз кокышт* с этим же значением [ЗК 1997: 192].

Среди полностью синонимичных пословиц, одинаковых в структурном, лексическом и содержательном плане, можно отметить *мымда кӧинсӧ эн верд, сія сё вӧрлань видзӧтӧ – сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит* [КПРС 1985: 192]. В сборнике финского лингвиста Т. Уотилы, изучавшего коми паремии, нами обнаружена пословица *зверсӧ кӧть мымда верд, дак сія сё вӧрӧ видзӧтӧ* [Uotila 1985: 174] *(зверя сколько хочешь корми, но он всё равно в лес смотрит)*. Трудно говорить об одностороннем заимствовании одним языком пословиц другого языка, потому как влияние языков при тесном взаимодействии народов может осуществляться и в том, и в другом направлении. Мысль эта подтверждается русской пословицей *конь о четырех ногах, да спотыкается* [ПП 1987: 39], которой соответствует коми-пермяцкая *вӧв нёль кока и то джӧмдалӧ* [КПРС 1985: 81].

Надо полагать, что функционирование фольклора тесно связано с культурными традициями этноса и его хозяйственной деятельностью. Так, издавна одной из отраслей хозяйства у русских и коми-пермяков было земледелие, именно поэтому в основе многих пословиц лежат образы, которые связаны с сельскохозяйственным трудом. Например, коми-пермяцкая пословица *кытшӧм муыс, сэтшӧм и сюыс* [ЗК 1997: 194] тождественна русской *какова пашня, таково и брашно* [ПП 1987: 621]. Коми-пермяцкой пословице *муыс сьӧд, уджыс сьӧкыт, няньыс*

чочком да чӧскыт (земля черна, работа тяжела, хлеб бел да сладок) соответствует русская *горька работа, да хлеб сладок* [там же: 394]. Неполное совпадение лексических составляющих в данном случае не играет большой роли, так как слова *тяжелый* и *горький* могут стоять в одном синонимическом ряду. Русская пословица по сравнению с коми-пермяцкой имеет редуцированную структуру, что может говорить о том, что она является калькой с коми-пермяцкой пословицы.

Деревняыс гӧр вылын ӧшиӧ [КПРС 1985: 106] (деревня на сохе держится) – таков дословный перевод этой пословицы. *Держись за сошеньку, за кривую ноженьку* [ПП 1987: 621] вторит ей русская пословица. Как видим, и в данном случае, когда дело касается общих для двух народов видов и форм обработки земли, наблюдается тождество в пословичных выражениях. Не отличается содержательная сторона при различном лексическом наполнении в следующих синонимичных пословицах *кытшӧм гӧрыс, сэтшӧм бороздаыс* [КПРС 1985: 195] (какова соха, такова и борозда); *кытшӧм гӧрисьыс, сэтшӧм и ыбыс* [ЗК 1997: 194] (каков пахарь, таково и поле) и *какова земля, таков и хлеб; каков мастер, такова и работа* [ПП 1987: 154].

Для коми-пермяка и русского хлеб – главное богатство. Необходимость удобрять землю-кормилицу привела к появлению следующих близких по смыслу пословиц: *Назьмиттӧм ыбыс пӧттӧдз оз верд* (неунавоженное поле досыта не накормит) [ЗК 1997: 195], *Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто* [ПП 1987: 621] *Енӧвтан назёмтӧ гидъят – амбарат нем оз ло* (оставишь навоз в хлеву – в амбаре будет пусто) [КПРС 1985: 136].

Следующая пара пословиц *умирать собираешься, а хлеб-от сей* [ПП 1987: 39], *лӧсьӧтчан кувны, а рудзӧгтӧ кӧдз* [ЗК 1997: 195] одинаковы по структуре и смыслу. В рассмотренных пословицах разнится только дословный перевод, так как слово *рудзӧг* означает не ‘хлеб’, а ‘рожь’. Но, учитывая, что и русский человек, и коми-пермяк под хлебом имели в виду прежде всего рожь (не пшеницу – *шогді)*, можно говорить о полном смысловом совпадении пословиц.

Географическая близость народов и, как следствие, сходные условия жизни, диктующие свои правила и методы ведения хозяйства, привели и к идентичности средств производства, предметов быта. Например, санные полозья гнули с помощью специальных колодок, которые назывались *бала*. Парность и, следовательно, одинаковость полозьев, дала возможность сравнивать их с очень похожими людьми, про которых говорят: *Нійӧ этік бала сьӧрті кӧстӧмась* [там же: 161] (Их по одной колодке гнули). Именно такой вариант пословицы существует и в русском языке. Как и в случае с полозьями, для плетения лаптей использо-

валась своя специальная колодка – *каб*. Если коми-пермяк замечал: *Нійӧ ӧтік каб вылын кыйӧмась* [там же: 161] (Их по одной колодке сплели), то русский крестьянин по-соседски мудро отвечал: *Тут все на одну колодку* [ПП 1987: 613]. Содержание приведённых пословиц является общим, несмотря на некоторое лексическое несовпадение.

Пословицы способны дать сложившейся ситуации быструю и верную оценку. То есть их можно назвать моделями типических жизненных ситуаций. Если кто-то начал *решетом воду носить* [ПП 1987: 343], значит, он стал *кыйны шӧрттӧм дӧра* [КПРС 1985: 129] (ткать холст без ниток). Именно такую синонимичную пару дает «Коми-пермяцко-русский словарь» и толкует так: «делать пустую, ненужную работу». Удивительно одинаково русский и коми-пермяцкий народ относятся к хвастунам и врунам. *Бӧбӧтчыны – не тӧлӧтчыны, син оз ёгьясь* (букв. врать – не веять, глаза не засорятся) соотносится авторами «Коми-пермяцко-русского словаря» с русской пословицей *врать – не косить, спина не заболит* [там же: 39]. Еще одна русская пословица *врать, не цепом мотать: не тяжело* подтверждает смысл вышеприведенной пары высказываний [ПП 1987: 176]. Добавим, что похожими в этих пословицах являются не только семантика, но и структура.

Многие коми-пермяцкие пословицы основаны на образах, связанных с традиционным ткачеством. Пословица *кутчин ректасьны – пасмасӧ эн дзуг* (взялся мотать пряжу на мотовило, пасмо не путай), где пасмо – часть мотка пряжи в 30 ниток, соотносится по смыслу с русской пословицей *взялся за гуж, не говори, что не дюж*. Коми-пермяцкой пословице, говорящей равным образом о мастерстве и неумении *ӧткодь кисьӧн кыйсьӧны, да не ӧткодь дӧра керӧны* (одинаковым бердом ткут, да не одинаковый холст получается), где бердо – гребень, одна из основных частей ткацкого станка, которая используется для уплотнения утка [МАС 1985: 79], соответствует по содержанию русская пословица *одна мучка, да не одни ручки* или ее вариант *из одной мучки, да не одни ручки* [ПП 1987: 614].

Признавая смысловое и в некоторых случаях лексическое совпадение коми-пермяцких и русских пословиц, связанных с земледелием, натуральным производством и оценкой поведения людей в типичных жизненных ситуациях, отметим все различия. Там, где коми-пермяк скажет *Кык нинкӧм – гоз* (два лаптя – пара) [ЗК 1997: 188], русский человек произносит *Два сапога – пара* [ПП 1987: 611]. Существующее в когнитивной лингвистике понятие языковая картина мира в данной ситуации совершенно четко и конкретно «нарисовано» разными красками – ассоциациями.

Подводя к концу наше небольшое исследование, напомним еще раз, что синонимичность рассмотренных нами паремий состоит в одинаковых началах (с определенными оговорками) быта и культуры народов, живущих на сопредельных территориях, в одинаковых способах выражения своих жизненных интересов. Кроме того, «…пословицы … разных народов, отличаясь национальной самобытностью как по форме, так и по содержанию, в то же время создаются на основе общих для определенного уровня художественного мышления и закрепленных традицией законов» [ЭС 1988: 375].

Список литературы с сокращениями

Вечные истины на вечной латыни. De yebro in verbum: Латинские изречения / Сост. С.Б.Барсов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 448 с.

ЗК – *Заветный* клад: Избранная коми-пермяцкая проза и поэзия / В.В. Климов. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1997. 392 с.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / Р. М. Баталова, А.С. Кривощекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / С. Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия, РОССПЭН, 2007. 1184 с.

МАС – *Словарь* русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. 696 с.

ПП – *Пословицы* и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля / Б.П. Кирдан. М.: Правда, 1987. 656 с.

ЭС – *Энциклопедический* словарь юного литературоведа / В.И. Новиков. М.: Педагогика, 1988. 416 с.

Uotila T.E. Syrjaniche texte. Band 1. Komi-permjakisch / T.E. Uotila. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 196 с.

Зверева Ю. В.
Россия, Пермь

НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ, МОТИВИРУЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (на материале пермских говоров)[1]

В различных словарях пермских говоров содержится свыше 400 диалектных слов и составных наименований, обозначающих различные виды одежды и обуви. Эти языковые единицы отражают культуру, традиции и обычаи русских крестьян, проживавших на территории Пермского края. От наименований одежды образуются антропономинанты, характеризующие внешний облик и внутренние качества человека.

В названиях одежды выделяется тематическая группа, в которую входят единицы, служащие для обозначения старой, изношенной одежды. Так, если общих наименований одежды в пермских говорах насчитывается чуть больше двадцати, причем большинство из них включены в гнезда с корнями *-де-, лопот-* и *ряд-* (***дежа, одеваньё, одёжа, лопоть, лопотина, лопотёшка, лопотня, нашёбное, оболок, снаряд, сряд***), то слов, называющих изношенную одежду на порядок больше (около 40 слов и фразеологизмов): ***барахли'на, барахну'лки, боло'хмотье, вы'носок, изно'сок, клепо', кочубьё, латанёшка, ле'пень, лоскутьё, рубец, ремезьё, ремки', реми'за, рему'га, рехмо'тье, ри'за,*** ◊ ***рубе'ц на рубце'***, ◊ ***рямо'к на рямке,*** *ря'са,* ***трепло', халапо'нина, хохо'лье, шалабо'лина, шалашо'лье, шмотани'на, шмотьё*** и др.

Такое количество подобных единиц объясняется тем, что в большинстве своем крестьянская жизнь была трудна и часто приобрести новую одежду было сложно: *Одеваньё было худоё, питанье тожё, вот тожно и хворал* (Мухино Караг.) [СПГ 2: 33]; *У угланов-то нецё накинуть-то. Кака-ко белебейка, дак чё* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]; *Тоже всяко было жито. На одной холшовенькой шолошолке жили* (Акчим Краснов.) [АС 6: 215].

В словарях пермских говоров дериватов от общих наименований одежды, называющих человека по внешнему виду, фиксируется немного, в то время как от лексем тематической группы со значением

© Зверева Ю. В., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, № 12-34-01043а1).

‘старая, изношенная одежда; лохмотья’ часто образуются слова с семантикой ‘плохо, небрежно одетый человек’: ***барахло → барахольщик*** ‘человек, который ходит в поношенной одежде’ и ***барахо'льщица*** (*Барахольщик – это парень в худом ходит, его пускать не надо, а девка, так та барахольщица* (Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 60]); ***лоску'ть*** (***лоскутьё***) **→** ***лоску'тник*** ‘оборванец’ (*А я сказать-то ничего не могу, за мной гонятся каки-то лоскутники, да каки-то беглые, тающиеся* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 490]); ***лохмотья → лохмотник***, ***лохмотница*** (*Вон идёт какой лохмотник, лохмотница*. Покча Черд.; *Лохмотники всё старьё наденут* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); ***ремезьё → ремезе'нник*** (*Ремушник, чё-то оборвётся, как ремезенник ходит* (Велгур Краснов.) [там же]); ***рямка(и) → рямушник*** и ***рямушница*** (*Ходят в худом одеянии, дак рямушник зовут* (Велгур Краснов.) [там же]), ***рямошолки → ремеше'льник*** и ***ремешо'льница*** (*Ремешельник, когда плохо одет. Ох, ты ремешельник, в плохой одежде который* (Кикус Черд.); *Ремешольницы каки-то, ничё у них нет, она уехала, дак они всю лопоть её носили* (Редикор Черд.) [там же]); ***тряпьё → трепло*** (*Трепло – человек растрёпа, неурядица, неряха* (Редикор Черд.) [там же]); ***шалашолка*** ‘старая, рваная одежда’ **→** ***шалашо'льник*** и ***шалашо'льница*** (*Человека в худой одёже называют шолошольник* (Акчим Краснов.); *Человек такой — шалошольник, женьшына — шалошольница* (Акчим Краснов.) [АС 6: 216]); ***шмо’тка → шмо'тя***, ◊ ***как шму'та*** ‘о неряшливо одетом человеке’ (*Чулки-то спустились, шмотя!* (Акчим Краснов.) [там же: 236]; *Насдевала на себя чё попало, как шмута* (Оса) [СПГ 2: 557]).

В пермских говорах отмечена одна лексема со значением ‘человек, который ходит в старой или неопрятной одежде’, образованная путем сложения, – ***трясти*** и ***шишкотря'с***: *Дак ты чё, шишкотряс ли чё? Будто ничего получше не нашла надеть!* (Нердва Караг.); *Этта накосых живут, семья большая, ни постлать, ни одежиться нету, шишкотрясы и есть* (Свалова Сол.) [там же: 555]. Слово ***шишкотряс*** является производным от ***ши'шки*** ‘одежда’: *А теперь и жить можно: шишки есть накинуть, и все баскиё* (Шаврята Ильинск.); *Шишки-то есть, да одеваться некогда* (Воскресенск Караг.); *Чё, вам шишки свои казать? Счас, только ключ найду* (Нилиги Ильинск.) [там же]. Хотя лексема ***шишки*** (это видно по приведенным примерам), служит общим наименованием одежды, скорее всего, у нее есть также значение ‘изношенная одежда; лохмотья, отрепья’. Это подтверждается существованием в пермских говорах парного сочетания ***шишки-марышки*** ‘старая одежда, тряпье’ (*У меня шишки-марышки тут, вы уж не смейтеся* (Нилиги Ильинск.); *Счас у меня тожё только шишки-*

марышки (Зотичи Караг.) [там же]) и фразеологизма ◊ ***шишки воют*** ‘при ходьбе, беге развеваются волосы или полы, лохмотья одежды’ (*Я бегу, тороплюсь, только шишки воют* (Бычина Краснов.); *Поди, куфайка-та – только шишки воют; надо новую брать, да нету* (Мусонкино Караг.) [там же]).

Слова со значением ‘плохо одетый человек’ могут также обозначать бедного человека: ***ряму'шник***: *А чё у нашего брата, рямушника, возьмёшь... бедно жили* (Тетерина Сол.); ***ряму'шница*** (*Наряжались мы уж больно плохо, ничё у нас не было – нас, бедных, рямушницами звали* (В. Мошево Сол.) [там же: 312].

Иногда названиями изношенной одежды мотивируются слова, называющие человека по его поведению: ***шалашолка → шалашолка*** ‘о распутной женщине’ (*Женьшына лентяйка, шалашолка распутная* (Покча Черд.); *Шалашолка – гуляшшая девка, она вся истаскалась, про мужчину – скандалист, хулиган* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); ***шмо'тка → шмо'тень*** (***шмо'тник***) ‘*об опустившемся, деградировавшем человеке’* (*Приехал из Москвы и живёт здеся. Стал шмотень, пьяница*; *Да он, верно, какой-то шмотень, урод!* (Акчим Краснов.); *Это шмотники мешок да фуражку потеряли. Оне распьяным-пьяны!* (Акчим Краснов.) [АС 6: 236]). Переносное значение ‘распутная женщина’ у слова ***шалашолка*** происходит от первого, прямого значения ‘тряпка’, эту же семантику имеют другие лексемы с корнем *треп-* ***трепло', трепу'ха и трепу'шка***: *На том конце жила шалашолка, трепло* (Покча Черд.); *Браковка: которые сами себя нехорошо ведут, трепуха, с мушшынами* (Покча Черд.) [КСРГСПК]; *Которая женьшына пьяница да худыма делама заниматся, называм халявой. Гульная, трепушка* (Акчим Краснов.) [АС 6: 39] Лексема ***шалашольник*** так же, как ***шалашолка***, многозначна: кроме плохо одетого человека может обозначать распутника: *Мушшына разгул ... шолошольник, он имеет несколько жён, разгуливает* (Покча Черд.) [КСРГСПК].

Значение ‘опустившийся, деградировавший человек’ у лексемы ***шмо'тень*** (***шмо'тник***) связано с тем, что человек, одетый в лохмотья, тряпки, воспринимался как неработающий или пьющий: *А плохо работат, дак и трясёт шолошолочками, как нишшый живёт: ни пожить, ни поесь!* (Акчим Краснов.); *Пирует. На себе-то путной-то нет шолошолки! Пьяница!* (Акчим Краснов.) [АС 6: 215].

В пермских говорах зафиксировано одно наименование человека, мотивированное словом со значением ‘хорошая, нарядная одежда’ – ***наря'дница*** (*Нарядница нарядная ходит-от. Нарядница, а мушшына нарядной* (Покча Черд.) [КСРГСПК]) и несколько однокоренных прилагательных ***вы'рядный, снаря'дный, сря'дный*** ‘нарядный, хорошо

одетый’. Хотя в диалектных словарях отмечены другие слова, а также фразеологизмы, называющие хорошо одетого человека, они образованы от слов других тематических групп.

В некоторых случаях от наименования предмета одежды может быть образовано несколько слов, называющих человека с разными особенностями поведения. Так, в СРГСПК слово ***балахня'*** ‘просторная, бесформенная одежда’: *Ну и платье на мне, балахня!* (Пянтег Черд.) имеет омоним ***балахня'*** со значениями: 1) ‘сплетница’: *Балахня бегат вот по деревне, сплетни собирает* (Мартино Краснов.); 2) ‘неуравновешенный, суматошный человек’: *Балахня, бойкая она. Кинется, изломат цё-ко* (Велгур Краснов.); *Балахня-де ты, дикий человек, ничего не понимает* (Редикор Черд.); 3) ‘ленивый человек’: *А ничё, говорит, она не понимат, балахня, ничё не робит* (Гашкова Черд.); *Это лентяй. Он говорит: «Чё из его толку, чё-де он балахня.* (Бондюг Черд.); *Они балахня, в колхозе не робят* (Воскресенское Караг.); 4) ‘небрежно, неопрятно одетый человек’: *Кто-ко наша братия и есь балахня-та. Плохо одетый, грязный ходит да чё да, пьяный да: «О, он, говорит, балахня»* (Гашкова Черд.) [СРГСПК 1: 52]

Скорее всего, у слово ***балахня*** ‘просторная, бесформенная одежда’ путем метафорического переноса сначала возникло значение ‘небрежно, неопрятно одетый человек’, затем появилось значение ‘ленивый человек’, а затем значение ‘сплетник, сплетница’. В СРГСПК есть также однокоренные синонимы ***балахон*** ‘сплетник’ и ***балахонка*** ‘сплетница’: *Балахон, балахонка – баба ли мужик носят вись* [весть] *про тебя да про меня* (Покча Черд.) [там же].

В некоторых случаях определить перенос значения с названия одежды на наименование человека возможно только если обратиться к данным других русских говоров. Так, в пермских говорах существует слово ***поня'ва*** ‘медлительный, нерасторопный человек’ (*Ходит понява небойкая* (Редикор Черд.); *Он у ё такой бобуй, тихоня тихоней. Вовсё понява* (Б. Долды Черд.) [КСРГСПК]; *Всякие люди бывают и бойкие и понявы* (Калинино Кунг.) [СПГ 2: 168]). В русских говорах слово ***понява*** обозначает различные виды одежды: 1) женский головной убор – большой платок, легкое покрывало на голову, плечи; 2) юбку из домотканой шерсти или холста; 3) нижнюю льняную одежду, рубаху; 4) рабочую верхнюю одежду; 5) длинную и широкую не по росту одежду [СРНГ 29: 279–280]. В пермских говорах эта лексема встречается только как наименование человека: *Понявой-то не одёжу, человека называли, который тихоня* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]. Можно предположить, что это значение является производным от значения ‘длинная и широкая не по росту одежда’. Это подтверждает и существова-

ние сравнительного сочетания ◊ ***как понява*** ‘о человеке в большой, не по росту одежде’: *Оделась как понява. Ты чё как понява, платье-то не подсупонишь!* (Илаб Сол.); *Как понява выходит, не по росту значит* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). Видимо, развитие семантики слова ***понява*** происходило следующим образом: ‘длинная и широкая не по росту одежда’ → ‘человек в большой, не по росту одежде’ → ‘медлительный, нерасторопный человек’. Последнее значение и осталось в пермских говорах.

Таким образом, антропономинанты, образованные от названий одежды и ее предметов, по большей части характеризуют человека по особенностям его костюма. Преобладание языковых единиц со значением ‘плохо одетый человек’ объясняется и тем, что в диалектной речи слова с отрицательной оценкой всегда превалируют над единицами с положительной оценкой, и тем, что диалектоносители описывают жизнь, лишенную материального достатка, обычным явлением в которой была нехватка добротной одежды. Отрицательное отношение диалектоносителей к людям, одетым небрежно, неопрятно, приводит к появлению у лексем с этой семантикой других значений, которые называют человека, обладающего такими негативными чертами характера, как распутство, лень, нерасторопность.

Список литературы и источников с сокращениями

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984–2011. Вып.1–6.

КСРГСПК – *Картотека* «Словаря русских говоров севера Пермского края».

СПГ – *Словарь* пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.

СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л., СПб., 1966–2011. Вып. 1–44.

Сокращенные названия районов Пермского края

Ильинск. – Ильинский; Караг. – Карагайский; Краснов. – Красновишерский; Кунг. – Кунгурский; Сол. – Соликамский; Черд. – Чердынский.

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л.
Россия, Соликамск

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ С ПОЗИЦИИ АДРЕСАНТА И В ПОЗИЦИИ АДРЕСАТА (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX века)

Вслед за Ю. Н. Карауловым, под языковой личностью мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов эл. ресурс]. При этом моделирование языковой личности отдаленных исторических эпох в сравнении с исследованием языковой личности современника имеет свою специфику. С одной стороны, анализ неизбежно ограничен рамками письменных источников, а с другой, тем, что письменный источник является лишь результатом текстопорождения, не высвечивая языковую личность с точки зрения текстовосприятия. Эти обстоятельства обедняют представления об исторической языковой личности. Однако при наличии эпистолярного архива одного лица есть возможность реализовать еще один путь моделирования языковой личности: изучение образа адресата с учетом позиции адресантов. Мы исходим из того, что, будучи заинтересованным в успехе коммуникации, любой пишущий, как и говорящий, по мнению С. Д. Кацнельсона, «должен считаться с уровнем внеязыковых и языковых знаний слушателя [и читателя – *Н.Л., Л.М.*], учитывать то, что ему известно и что неизвестно, и в зависимости от этого строить свою речь» (цит. по: [Солоник 1995: 101]).

Материалом анализа в данной статье является относящийся к 30 – 60-м гг. XIX в. эпистолярный архив иеромонаха Николая, входящий в состав документов Соликамского Святотроицкого мужского монастыря и хранящийся в Соликамском краеведческом музее.

Судьба иеромонаха Николая (в миру Василия Михайловича Зотиева) для своего времени не вполне обычна. Выходец из крестьянской среды (родился в Верхотурском уезде), исцелившись «чудесным образом» от тяжелой травмы позвоночника, четырнадцатилетним отроком

© Логунова Н. В., Мазитова Л. Л., 2012

он отправился в паломничество по святым местам. После возвращения, по свидетельству И. Словцова, поступил послушником в Верхотурский Николаевский монастырь, где в возрасте восемнадцати лет под руководством настоятеля монастыря архимандрита Афанасия научился читать и писать, принял постриг, был рукоположен в иеродиаконы, а потом в иеромонахи [ПЕВ 1870: 30–31]. Таким образом он оказался в среде духовного сословия. Из содержания переписки и других документов можно заключить, что он в разные годы служил в Верхотурском Николаевском, Далматовском Успенском и Соликамском Святотроицком монастырях. На основе сведений послужных списков братствующих Соликамского Истобенского Святотроицкого монастыря за 1862 г. формируется представление об иеромонахе Николае как о человеке с положительной служебной репутацией: с 40-х гг. в разных монастырях он исполнял должность казначея, иногда управляя братией на правах настоятеля, являлся членом Верхотурского духовного правления; его заслуги были отмечены рядом наград («*за благочестное поведение и усердное служение награжден набедренником*»; «*за доблественные подвиги, в увещании возмутившихся крестьян, Всемилостивейше пожалован золотым наперсным крестом*»; «*награжден бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте, в память минувшей войны 1853–1856 годов*» [МБ XIX 2011: 13–16]).

В большей части источников (51 письмо) иеромонах Николай находится в позиции адресата. Адресантами же являются представители разных возрастов, сословий, должностей и санов и, соответственно, разного уровня образования. Среди них настоятели монастырей, церковнослужители различных санов, ученик богословия, сестра Николая монахиня Сарра, гражданские лица – церковный староста, помещик, представители купеческого сословия, служащий заводоуправления. Статусы некоторых адресантов установить не представляется возможным (это касается, в частности, Глафиры Николаевны и Надежды Быковой).

Мы исходим из того, что функционирующая языковая личность многослойна: она включает в себя набор речевых компетенций, обусловленных, с одной стороны, социальными ролями (от сугубо официальных до родственных и дружеских), а с другой – личностными качествами, определяемыми ее культурно-нравственной парадигмой. В зависимости от официальности / неофициальности общения оказывается востребованной та или иная комбинация *вербально-семантических*, *когнитивных* и *прагматических* (по Ю. Н. Караулову) компонентов языковой личности.

Степень официальности общения и отношений, отраженных в письмах к иеромонаху Николаю, неодинакова. Когда общение осуществляется исключительно в рамках должностных отношений коммуникантов, адресантом при ориентации на языковую личность адресата принимаются в расчет лишь ее компетенции, связанные с выполняемыми функциями, прежде всего со способностью адекватно воспринять содержание полученной информации и реагировать на нее в рамках своих полномочий. Такие установки в общении с иеромонахом Николаем реализуют настоятель монастыря архимандрит Алексий, смотритель Далматовских училищ иеромонах Мефодий, представитель управления Нижнетагильских заводов Дмитрий Белов. Сходна направленность общения и в том случае, когда адресат рассматривается как носитель определенного статуса и положения (для иеромонаха Николая – это сан священнослужителя и занимаемая казначейская должность), поскольку к нему обращаются не как к индивиду, а как к обладателю совокупности предполагаемых статусных качеств. Именно такой подход лежит в основе коммуникативной позиции ученика богословия Василия Курганова и прихожанки Надежды Быковой. Для всех перечисленных адресантов характерна ориентация лишь на тот слой языковой личности адресата, который обусловлен его сугубо официальной позицией.

Выход за рамки официального общения предполагает непременный учет, а иногда и приоритет индивидуальных особенностей языковой личности адресата. Представления о ней формируют пресуппозиции общения, они определяют отбор фактов и речевых средств их передачи, выбор тональности общения с учетом личностных качеств, речевой манеры и индивидуальных речевых предпочтений адресата (когда они известны адресанту), ориентацию на определенную шкалу ценностей адресата. Эти обстоятельства усиливают для исследователя информативность тех писем, в которых степень неофициальности выше. Информация об адресате, которая может быть извлечена из таких текстов, в какой-то степени способна заполнить лакуну, возникающую из-за невозможности наблюдать процесс и оценивать результат восприятия письма адресатом. Тональность и содержание адресованных иеромонаху Николаю писем позволяют определить, что наиболее тесные и близкие отношения связывали его с настоятелем Далматовского Успенского монастыря архимандритом Павлом (П.А.), иеромонахом Тихоном, церковным старостой из Красноярска Василием Власьевским, протоиереем Александром, диаконом Матфием Кирпищиковым, протоиереем Ястребовым.

Несмотря на то что монахиня Сарра находится со своим адресатом в родственных отношениях (является его сестрой), мы не можем быть уверенными в том, что ее письма содержат объективную информацию о языковой личности Николая, поскольку они лишь подписаны Саррой и неизвестна степень ее участия в порождении текста.

По-видимому, так же ненадежно с точки зрения информации о языковой личности адресата и письмо кунгурского купца Андрея Пиликина, но по иной причине. Языковая личность данного адресанта демонстрирует низкий уровень письменной речевой культуры, а потому, скорее всего, не способна к осознанному отбору речевых средств с ориентацией на языковую личность адресата (при том что, судя по письму, их отношения можно признать неформальными).

Анализ всей совокупности эпистолярных текстов, рассчитанных на восприятие иеромонаха Николая, позволяет создать некий обобщенный образ его языковой личности с точки зрения адресантов. Все они априори предполагают наличие у адресата *вербально-семантических* компетенций, достаточных для обеспечения адекватного восприятия и ожидаемой интерпретации передаваемой информации. Адресанты иеромонаха Николая исходят из того, что *когнитивный* уровень его языковой личности определяется прежде всего системой христианских ценностей, что в определенной мере пересекается и с *прагматическим* уровнем, поскольку ключевыми темами общения являются вопросы веры и связанных с нею культово-обрядовых действий, монастырского уклада и быта. Вместе с тем круг тем, касающихся светской сферы жизни, ограничивается хозяйственно-бытовыми интересами коммуникантов и не имеет выхода в область политики, истории, литературы, искусства, что может определяться ориентацией адресантов на невысокий общекультурный уровень адресата. Последнее утверждение подкрепляется еще и включением в тексты писем прецедентных высказываний, отражающих эстетику низовой культуры: «*Более неболтаю / Васъ пустотой незанимаю / Прошу эту чушь выслушать / И порюмочки выкушать*» (концовка письма протоиерея Ястребова) [ПДП XVIII-XIX 2006: 139].

Что касается возможности изучения языковой личности в позиции адресанта, то мы располагаем текстом лишь одного письма, написанного рукой самого иеромонаха Николая и адресованного настоятелю Соликамского монастыря архимандриту Алексию. Оно может послужить источником для выявления разноуровневых речевых компетенций адресанта. Текст письма Николая в целом демонстрирует невысокий уровень его письменно-речевой культуры и слабую сформированность разноуровневых речевых навыков [МБ XIX 2011: 116]. Наряду с

несоблюдением правил пунктуации, довольно многочисленными отступлениями от орфографических норм (*безсоница, апетитъ, востоновить, исповѣдатся, приобщится, напится, заставилъ молится, будьто, нехотѣлъ, скороли, на конецъ, пулсъ, неслышно, молъча, за благовременно, къ верху* (=кверху), *что бы* (=чтобы), *благополучьно, къ очискѣ*), неупорядоченным употреблением прописных и строчных букв, нарушением в образовании грамматических форм (*каждой, въ роту, на утрѣ*) встречается неточное словоупотребление, например: *онъ* ***спѣшилъ*** *меня (*в значении *торопил),* ***сдѣлас*** *горечь, вино* ***дѣлаетъ*** *Запоръ, имѣніе Его все* ***примѣтно*** *за благовременно было роздано*. Письмо отражает и несформированность навыков текстопорождения, что проявляется в нарушениях грамматического управления и незавершенности синтаксических структур (*въ управленіи побеспокойтесь, Каждой видя все это, пожелалъ бы; Я предложилъ Ему что бы, естли нужно исповѣдатся и Приобщится Св. Х. Тайнъ послѣ обѣдни*), в нескоординированности видовременных форм сказуемых (*я* ***прихожу*** *въ 9 часу вечера* ***увиделъ*** *стаканъ; Онъ* ***спрашиваетъ*** *Скороли – да Скороли Я* ***увѣрялъ*** *что скоро*), в синкретизме при передаче смысловых отношений между частями сложного предложения (*Я радъ какъ Вы прійдете*), в неразграничении прямой и косвенной речи при постоянной смене ее субъектов (*Спросилъ Что это у Васъ? Красное вино Говоритъ: я Говорю Что Красное вино дѣлаетъ Запоръ, да мнѣ хочется вина испить*). Некоторые фразы представляют собой нерасчлененный поток речи, например: *я побывъ часъ времени, онъ попросилъ напится, подалъ, говорилъ слабо начал озиратся или смотреть во всѣ стороны, протянул ко мнѣ руку, сказалъ пулсъ?* Такая организация текста связана с бессознательной ориентацией на структуры устной речи и демонстрирует отсутствие у Николая языковой рефлексии при порождении письменного текста. Освоение письменных норм реализуется лишь через систематическое обучение, которого не получил иеромонах Николай в силу жизненных обстоятельств.

Таким образом, попытка воссоздать целостный облик языковой личности, выступающей то в позиции адресанта, то в позиции адресата разных коммуникантов, приводит к пониманию противоречивости этого облика. С одной стороны, показательно, что среди адресантов иеромонаха Николая достаточно людей с высоким уровнем книжно-письменной культуры (архимандрит Алексий, архимандрит Павел, архиепископ Аркадий, иеромонах Тихон), которые обращаются к нему как к равному. Это формирует его виртуальный образ как носителя такого же уровня речевых компетенций. В противоречие с этим представлением вступает созданный им текст, который снижает впечатле-

ние о совокупности присущих языковой личности иеромонаха Николая речевых компетенций – вербально-семантических, когнитивных и прагматических. И наоборот: восприятие языковой личности Николая с позиции пишущих к нему позволяет увидеть наличие у него речевых компетенций, которые в тексте его собственного письма не реализуются.

Исходя из этого мы считаем необходимым при анализе исторической языковой личности учитывать весь спектр информации о ней. При этом позиция адресанта объективно репрезентирует ее реальный облик, а позиция адресата – виртуальный, поскольку черты реципиента выявляются из имплицитно выраженных субъективных оценок адресантов. Но лишь синтез этих двух взглядов позволяет составить объемный портрет языковой личности.

Список литературы

Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // URL: http:.destructioen.narod.ru (дата обращения: 24.03.2011).

МБ XIX – *Монастырский* быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря / составители Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова; науч. ред. Н. В. Логунова. Соликамск: РИО СГПИ, 2011. 220 с.

ПДП XVIII–XIX – *А про то барону* Строганову ведомо было…Памятники деловой переписки XVIII – XIX вв. Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006.

ПЕВ – *Пермския* епархиальныя ведомости за 1870 г. № 3 Отделъ неоффициальны. С. 21–33.

Солоник Н. В. Фактор адресата, его структура и речевое поведение говорящего // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: межвузовский сб. науч. ст. Соликамск: Изд-во СГПИ, 1995. С. 101–118.

Малышева В. А.
Россия, Пермь

АНТОНИМИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В ИДИОЛЕКСИКОНЕ

Парадигматические отношения разного плана характеризуют лексикон в целом, словарный состав как системную организацию. Однако в каждом относительно самостоятельном классе лексем обнаруживается не все многообразие оппозиций и корреляций, свойственных языку, а проявляются лишь некоторые типы отношений, которые либо отличают один класс от другого, либо актуализируются в нем как доминантные, базовые при наличии периферийных. Поэтому перед лингвистами стоит задача выявления и изучения этих граней парадигматических отношений в определенном отрезке словарного состава. Область наших научных интересов – исследование лексической организации одного лица, носителя северно-русского говора. В данной работе рассматриваются единицы семантического отрезка «Характеристика человека» семантического пространства «Человек». В частности объектом исследования стали имена существительные и прилагательные, характеризующие человека, в речи Анны Герасимовны Горшковой, жительницы д. Акчим Красновишерского района Пермского края, и одно из явлений парадигматических отношений – антонимия. Как носитель диалекта старшего поколения, информант обладает устной формой речи. Наиболее типичным для него является общение при непосредственном контакте со слушателем. А.Г. Горшковой не свойственны все сферы официально-деловой, профессиональной, научной речи. Ее речь главным образом складывается из рассуждений на бытовые и личные темы: повседневные занятия и события, работа, жизнь родственников и знакомых, воспитание внука, воспоминания. В своей речи информант широко использует имена существительные и прилагательные, определяющие род деятельности окружающих ее людей, их возраст, физические и психические особенности, именно ту лексику, которая отображает качества, свойства, черты характера человека. В силу этого представляет научный интерес функционирование этих единиц, в том числе и в аспекте взаимоотношений единиц, их соотношения, в лексиконе одного лица.

© Малышева В. А., 2012

Надо отметить, что антонимия в силу своей природы возможна лишь у отдельных классов слов, в отличие от синонимии, которая может наблюдаться у самых разных семантических типов слов. Так, например, среди названий посуды вряд ли возможны антонимы, в то время как в рассматриваемой группе «Характеристика человека» они активны. За основную единицу описания лексического уровня мы взяли понятие лексико-семантического варианта (ЛСВ), представляющего слово в одном из его лексических значений.

Несмотря на то что антонимия принадлежит к числу традиционных лингвистических терминов, в науке до сих пор нет однозначного определения данного термина и поэтому ведутся споры об объеме его содержания. Общепринятым подходом в современном языкознании является рассмотрение антонимии, с одной стороны, как одного из проявлений взаимосвязи языка и мышления, с другой стороны, как одного из проявлений системности языка. Традиционно под антонимией понимают семантическую противоположность. В ЛЭС зафиксировано следующее определение: «Антонимия – тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения… Существенные различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в языке как противоположность. Антонимия представляет собой противоположность внутри одной сущности. Ее логическую основу образуют противоположные видовые понятия, представляющие предел проявления качества (свойства), определяемого родовым понятием: «горячий» – «холодный» (температура), «тяжелый» – «легкий» (вес), «падать» – «подниматься» («вертикальное движение») и т. п.» [ЛЭС 1990: 35–36]. Итак, главным в определении антонимов является идея смысловой противоположности, которая трактуется по-разному. В разделе «Лингвистика» «Энциклопедии Кругосвет» читаем: «Так, иногда утверждается, что пары типа *присутствовать – отсутствовать, холостой – женатый* являются не противоположными, а противоречащими, и в этом смысле их антонимичность сомнительна. Подлинная же противоположность представлена в парах *холодный – горячий, начало – конец*, указывающих на разные концы шкалы или координатной прямой, между которыми располагаются промежуточные значения (соответственно *теплый, прохладный; середина*). Между тем в парах типа *присутствовать – отсутствовать, живой – мертвый* сам признак устроен не градуально, а бинарно, так что отрицание одного значения равнозначно утверждению другого и никакого промежуточного звена между ними нет: два значения признака делят между собою всю шкалу без остатка. Поэтому при бинарной оппозиции противоречивость совпадает с противоположностью. Таким образом, от-

сутствие промежуточного звена не следует считать основанием для того, чтобы не признавать пары типа *присутствовать – отсутствовать* антонимами» [Антонимия. Энциклопедия Кругосвет эл. ресурс].

Логическую основу антонимии образуют два вида противоположностей, которые называют контрарной и комплементарной. Контрарная противоположность как раз и выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член. Комплементарную противоположность образуют видовые понятия, которые дополняют друг друга до родового и являются предельными по своему характеру. Они обозначают в некотором роде полярные, полюсные явления, свойства. В ЛЭС находим еще один важный комментарий: «Противоречащие понятия (отношения типа: А – не-А) не образуют логической основы антонимии и представляют собой так называемую ослабленную, неполную противоположность в силу неопределенности второго члена оппозиции: «молодой» − «немолодой»… (т. е. средних лет, пожилой и др.; ср. «старый»), «дорогой» − «недорогой» (ср. «дешевый»). Чтобы выразить истинную противоположность, второй член оппозиции должен быть обозначен более определенно» [ЛЭС 1990: 36]. Итак, в антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-либо признаку − качественному, количественному, временному, пространственному – и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия.

В лингвистике существуют различные классификации антонимов. Так, можно выделять антонимы структурные и семантические. Традиционно к структурным антонимам относят разнокоренные *(день − ночь)* и однокоренные *(научный − антинаучный)*. Среди семантических отмечают антонимы с качественной противоположностью (по контрарному типу) и дополнительной противоположностью (по комплементарному типу), о чем говорилось выше. Кроме того, в языке встречаются единицы, обнаруживающие в семантике противоположную направленность *(удар – контрудар)*. Такие единицы относят к векторным антонимам.

Об этом читаем и у И. М. Кобозевой в «Лингвистической семантике». Под понятие антонимии автор подводит группу корреляций, «связывающих слова, выражающие в том или ином отношении противоположные понятия» [Кобозева 2007: 104]. Далее рассматриваются три основные разновидности антонимии. «Отношение дополнительности, или комплементарная антонимия, характеризуют пару слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечет утверждение того, что обозначает второе, например: *с – без*. …Отношение векторной ан-

тонимии связывает слова, обозначающие разнонаправленные действия: *влететь – вылететь* … Отношение контрарной антонимии связывает слова, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей тому или иному измерению или параметру объекта или явления, например, такому как размер, температура, интенсивность, скорость и т.п.» [там же: 104–105]. В отличие от комплементарной противоположности, между словами, связанными последней корреляцией, есть «средние члены, покрывающие среднюю часть шкалы» [Новиков 1982].

Выше речь шла об основных группах антонимов. Однако ими не исчерпывается все многообразие этой корреляции. М. А. Кронгауз пишет: «К антонимичным противопоставлениям относят и некоторые уникальные семантические пары значений, например, «мужской» и «женский» [Кронгауз 2005: 147]. Лексемы *муж – жена* с точки зрения некоторых лингвистов представляют собой конверсивы – слова, описывающие одну и ту же ситуацию с позиции разных участников.

Наиболее распространенным мнением является противопоставление антонимов как слов одной части речи. Но если исходить из положения о том, что антонимичность слов не зависит от их грамматической формы, то необходимо признать, что антонимичность у разнокоренных слов возникает в силу противоположности семантики корней, основных их смыслообразующих компонентов. Исходя из этого, единицы типа *теплый – холод* можно признать антонимичными по лексическому значению их корней. Однако очевидно, что у единиц одной части речи можно выделить симметричные, общие и противоположные семы, а у единиц разных частей речи наряду с общими и противоположными семами наблюдаются и ассиметричные семы. Нетрудно заметить, что ассоциации по контрасту возникают в первую очередь у слов одной части речи, именно поэтому в синтагматике чаще встречаются антонимы, принадлежащие к одной части речи. Типологии антонимических единиц постоянно видоизменяются, в основе существующих классификаций лежат такие признаки, как принадлежность к части речи, морфологический признак, степень антонимичности противопоставляемых единиц и т. д.

Далее представим характеристику лексем семантического отрезка «Характеристика человека» семантического пространства «Человек», принадлежащих к одной части речи, в аспекте корреляции противоположностей. Любой семантический класс слов основан на принципе семантического сходства. Так как семантика формируется под влиянием внелингвистических и внутрилингвистических факторов, классы слов могут выделяться на основе как внелингвистической, так и соб-

ственно лингвистической связи. В нашем случае рассматривается совокупность языковых единиц, связанных общностью значения и представляющих предметное, понятийное или функциональное сходство. Однако это не просто набор слов, объединенных каким-либо общим понятием, а совокупность ЛСВ в их взаимоотношениях. На основании характера взаимодействия единиц и их взаимосвязи весь полученный из записей речи А. Г. Горшковой материал можно разделить на три значительные группы. Одна представляет собой характеристику внешности человека, вторая − характеристику личности, третья включает единицы, отражающие социальную характеристику человека.

Все имена существительные и прилагательные, характеризующие человека, которые вступают в отношения антонимии между собой, были разделены нами на однокоренные и разнокоренные. Среди однокоренных существительных выделяются прежде всего слова, у которых отмечается противопоставление по половой принадлежности. В речи А. Г. Горшковой в данном случае активны единицы группы «Характеристика личности»: *дармоед – дармоедка; самолюб – самолюбка; лентяй − лентяйка*. Наиболее представительна группа, отражающая социальную характеристику личности. В ней отмечаются единицы, у которых ЛСВ, имея один корень, вступают в отношения антонимии: ‘по отношению к трудовой деятельности’, ‘по отношению к профессиональной деятельности’, ‘по отношению к замужеству, браку, свадьбе, семье, родственным связям’ и ‘по месту жительства’: *лесник, лесничий – лесничиха; учитель – учительница; старик – старуха; свёкор – свекровка; свояк – своячена; кум – кума; внук – внучка; хозяин – хозяйка.* Нетрудно заметить, что информант использует имена существительные женского и мужского рода в зависимости от того, говорит она о лице женского пола или мужского.

Среди имен прилагательных как однокоренные антонимы можно квалифицировать слова с разнообразными приставками: *здоровый – нездоровый; быстрый – небыстрый; грамотный – неграмотный; красивый – некрасивый; толковый – бестолковый; совестливый – бессовестный; заботный – беззаботный: Газеты старик выписыват – он* ***грамотный****, дак читат. − Он робит на лесозаготовках. Он* ***неграмотной****, збуживат, пока может, баланы-те;* ***Красивой*** *ли* ***некрасивой*** *– мерин сивой;* ***Толковый****, грамотный, на охоту ходил. – Сама я* ***бестолковая****, беспутая*; *Страдовал где-ко, наймовали. Заплатят, кто* ***совестлевый.*** *− Это что не просишша?* ***Бессовестный****. Проситься надо, то лупить буду, маломальский; У нас* ***бессовестных*** *сколько хочешь; Нет, больше не хлопаю* (не разговариваю). *Вот кака* ***заботна.*** *− Кака печаль! Ничё не заботится ни о чём! Беспечальной и* ***беззa-***

ботной. Данный тип антонимии прослеживается во всех трех группах. В данном случае, как показывают примеры, прилагательные представляют собой в целом комплементарные антонимы. Очень редко однокоренные антонимы могут квалифицироваться как контрарные. В нашем материале есть такой ряд имен прилагательных: *грамотный – малограмотный – неграмотный*. Лексему *малограмотный* можно оценивать как средний член, покрывающий среднюю часть шкалы: *Сын у её хороший да* ***грамотной****, какой-то такой старательный – наука шла хорошо; Каки хорошие люди* (т. е. грамотные), *деревенские –* ***малограмотные; Неграмотный*** *народ был, а тожно здися школа открылися. Толда взрослые* (учились)*, лет по шестнадцать.*

Разнокоренные антонимы представлены в наших материалах несколько шире, чем однокоренные. В группе «Социальная характеристика человека» встречаются антонимы с противопоставлением ‘по отношению к трудовой деятельности’, ‘по социальному статусу’, ‘по отношению к браку, супружеству, семье, родственным связям’, ‘по месту жительства’. Отношение к труду издревле было одним из главных ценностных ориентиров, поэтому неслучайно в речи деревенских жителей используются единицы, характеризующие людей по их отношению к трудовой деятельности. По ним можно определить жизненные приоритеты того или иного лица. В нашем материале они как раз и отражают шкалу оценок носителя языка по этому противопоставлению. В группу, определяющую *отношение человека к труду*, входят такие единицы, как *труженик – лентяй, лодырь, нероботь*. В речи информанта представлено несколько синонимических единиц, характеризующих людей, проявляющих леность. Как правило, это экспрессивные единицы, т. к., используя их, женщина выражает свое критическое отношение к данному типу поведения.

Семья – главная составляющая жизни любого человека. Крестьянский уклад, образ жизни не исключение. Поэтому в речи информанта часто встречаются существительные, характеризующие родственные отношения людей. Среди них можно выделить те, которые указывают на кровное родство; на родство, возникшее после вступления в брак; родство, возникшее при совершении христианских обрядов. Рассматривая обряд как важную часть семейных отношений, включим в данную группу также единицы, имеющие отношение к свадебному обряду. Приведем ряды представленных антонимов: *дочерь, дочь, девка – сын, сынок, сыночек; мать, матерь, матушка – отец, папа; жена, баба – муж, мужик; сестра, сестрянка – брат; жених, жаних – невеста*. В данной группе встречаются различные варианты, слова с суф-

фиксами субъективной оценки. Существительные *мать* и *дочь* имеют эквивалент с наращением основы в именительном падеже единственного числа по аналогии с косвенными падежами: *матерь* и *дочерь*. В данном отрезке слова связаны противопоставлением по половой принадлежности. Разнообразие единиц может объясняться их активным употреблением в речи и желанием в той или иной ситуации выразить свое отношение к конкретным людям, связанным родственными узами. Помимо слов, характеризующих родственные отношения, в данной группе встречаются единицы, указывающие на разный социальный статус или разные социальные роли, отражающие авторитет в социуме: *С нами на чурки́ бегала косить* (студентка). *Бойкая, она, видно, из* ***хресьян****. Вы тоже* ***простонародие****. Из* ***хресьян*** *–* ***деревенские****, из* ***мещан*** *– это* ***городские****; Раньше всё на божественное учили, законы божии. Раньше я* ***запевалой*** *была – теперь* ***подметалой****; Раньше их продавали* ***продавцы****. Вычистят, он* (рог) *хорошенькой у йих. Привозили рога-те. Выделают, баские покупашь. –* ***Покупателей*** *вон скоко уже.* В рассматриваемую группу также входят антонимы с противопоставлением ‘по месту жительства’. В приведенном выше примере соотношение *деревенские – городские* построено как раз на этом противопоставлении. Ср. еще примеры: ***Горожане*** *приехали − городские люди;* ***Деревеньшына*** *– скажут городские о деревенских людях.* В речи Анны Герасимовны зафиксирована пара *квартирант – хозяин*, в которой противопоставление основано на множителе ‘отношение к жилью’ – тот, кто снимает жилье, и тот, кто им владеет.

В группе «Характеристика личности» можно выделить пары, в которых противопоставление строится на основе фиксации положительных – отрицательных свойств характера, что сказывается в поведении и соответственно оценивается носительницей говора: *Кто добро делат, тот* ***добродетель****, а кто ругатся, тот вредный,* ***вредитель****; Он приимчивой был, покойной. Рыба, дак она не выходила у нас. Невод одва здынёт! Одва подымают! А уж варить-то – дак ешь, ешь! Он* ***хлебосол*** *был, всех принимал. −* ***Закожурник*** *− скупой человек. Он-де* ***закожурник****. Не пропивается, ничё, зажиточно живёт.* Однако противопоставление по личностным характеристикам в речи А. Г. Горшковой более выражено у имен прилагательных. Зафиксированы в нашем материале антонимы, противопоставление которых основано на характеристике внешних данных человека: *Ой ты* ***долгуша****! Большая женьшына. А маленька –* ***кармановшына****.*

У разнокоренных имен прилагательных, характеризующих человека, тоже развита антонимия. Выделим следующие словесные оппозиции с этой корреляцией: *больной – здоровый; сильный (ядреный, здо-*

ровый) – слабый (хилый, худой; кислый); трезвый – пьяный; трезвый – веселый; грустный – веселый; большой – маленький; взрослый – маленький; шустрый, бойкий – тихий (вялый); добрый – злой; умный – беспутый; бедный (нищий) – богатый (зажиточный) и др.: *Утром встал рано, ходил силой. Болеет,* ***больной****, плакал да чё. Походил маленько. − У нас у соседей дочь родила. Сама умерла.* ***Здоровой*** *мальчик; Он такой* ***здоровый, сильной.*** *− У меня порок сердца,* ***слабая****, ничё не велят делать; У нас в соседях мальчик* ***маленькой****, а сам-то кедер, и она* ***большая****,* ***ядрёная*** *женьшына; Тряпочку положу на головку. Ну, не надо, не надо, миленькой,* ***маленькой*** *ребёночек. − Неграмотный народ был, а тожно здися школа открылися. Толда* ***взрослые****, лет по шестнадцать* (учились)*;* ***Пьяный****. Уж выпьет, дак всяко заломатся. Вон выпили и баерачились, индюк да …* (сосед). *А* ***трезвой****-то – нет; Мне велит: песню пой. Я пела, пела, убежала. Я говорю: чё тактъ* ***трезвый*** *запоёшь. Оне взели вино. Сюда привозили в сельпо – она взела. − Вчера вино-то выпоили. Выпьешь, дак море по колено. Старуха-то* ***весёлая****, притопывала уж; Если грустит человек – вишь, чё-ко случилось, ходит* ***грустной*** *− Вот, мол, я смолоду была кака-то бойка, хороша,* ***весёла*** *ли, с зубами да; Сама захоронила, знат, что не валяется* (тело утонувшего в реке). *Есь ещё* ***добрые*** *люди. − Ругаются, дак леший знат.* ***Злая****, выругаю, как надо; Другая девка учится*. (Внук) *такой был* ***умный****: книги купил, склал и утонул. – Де йно нитки у меня? Ничё не помню, совсем* ***беспута*** *стала; А* ***боґаты****-то, конечно, золотые да чё вставят, дак блестят только* (зубы). *Свадьба у нас была хорошая.* ***Зажиточной*** *был старик-от, гуляли. Коней запрягут, лошадей пять да шесь, гостей катают. – А теперь* ***бедных****-то нет,* ***нишшых****-то нету. Раньше были. А теперь у кого деньги есь – по два раза в неделю ездят в город-то.* Данная разновидность антонимов тоже представляет три базовых тематических группировки. Разнокоренные антонимы отражают внешние данные человека, указывают на разнообразные характеристики личности, которые проявляются в межличностном общении и различных жизненных ситуациях и которые в связи с этим получают разную оценку носительницы говора. Отмечаются здесь и пары с противопоставлением по социальным характеристикам. Среди разнокоренных антонимов явно преобладают антонимы комплементарные.

В процессе анализа материала было установлено, что наибольшие ряды антонимов в данном отрезке лексикона обнаруживаются в тематических группах, связанных с приоритетными сторонами жизни диалектоносителя: семья, родственные отношения, трудовая деятельность, межличностные отношения в социуме. Важное место занимает лекси-

ка, которая отражает отношение женщины старшего поколения к окружающим ее людям. Лингвистические данные тем самым позволяют определить ее жизненные ценности и установки. Антонимы, как и синонимы, нередко используются в одном высказывании. Однако это говорит не об избыточности. Данные образования могут выполнять различные функции, в частности они могут уточнять значение друг друга (общерусский уточняет диалектный), замещать друг друга (для лексического разнообразия), снимать монотонность и усиливать экспрессию. Пользуясь синонимами и антонимами в этих функциях, информант получает возможность раскрыть свой лексический потенциал в зависимости от окружающих его событий и условий.

Список литературы с сокращениями

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: КомКнига, 2007. 352 с.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

ЛЭС – *Лингвистический* энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

Антонимия.URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANTONIMIYA.html?page=0,0 (дата обращения: 25.03.2012).

Масальцева Т. Н.
Россия, Пермь

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ 1930-Х гг.: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Русская провинциальная газета 1930-х гг. активно воздействовала на сознание аудитории, формируя «правильную» идеологию, в том числе и с помощью литературных авторитетов, ставших ими до 1917 г., литературных произведений, публикуемых в «подвале» газеты, равно как и литературной критики. Согласно наблюдениям исследователей отечественного литературного процесса, «в первой трети XX в. художественная литература играет особую роль в пропаганде, воспринимается как орудие максимально эффективное. Ранее не было так

© Масальцева Т. Н., 2012

называемого «массового читателя», позже на смену литературе пришли более мощные средства воздействия – радио, кино и телевидение. Человек мыслящий и человек читающий – долгое время это были почти одинаковые понятия. Человека мыслящего необходимо было убеждать, и с появлением читателя массового резко увеличилось количество людей, требующих, чтобы им разъяснили происходящее» [Николаев 2010: 497–498].

Литературная критика 1930-х гг., отражая политику издания, прежде всего обращала внимание на идеологическую составляющую литературного произведения, равно как и на классовую принадлежность писателя: «литературный процесс оказался в тисках партийно-государственной машины» [Антипина 2005: 32], и художественная литература, как и литературная критика, рассматривалась исключительно в контексте политической пропаганды – весьма эффективного идеологического воздействия на массовую читательскую аудиторию, которая только научилась читать и весьма поддавалась влиянию. В центре внимания региональной газеты – пермской «Звезды» – оказывались известные русские писатели, изображавшие тяжелую жизнь рабочих или обличавшие самодержавие. Несомненным лидером общественного мнения 1930-х годов можно назвать «великого пролетарского писателя, мирового мастера литературы, учителя и организатора пролетарских литературных кадров» А. М. Горького. В провинциальной газете 1930-х гг. мы можем обнаружить опубликованные произведения (например, отрывки из «Клима Самгина», «Песню о Буревестнике»), текст речи писателя на международном конгрессе в Амстердаме в 1932 г., обсуждение юбилейных мероприятий, литературные портреты, например, к 40-летию творческой деятельности (1932) и пр., высказывания о М. Горьком других писателей, например Анри Барбюса, многочисленные поздравления с юбилеями и освещение празднования юбилеев общественностью в пермских библиотеках, клубах и пр. Юбилейные материалы занимали полностью 2–3-ю страницу газеты. Весь номер газеты 20 июня 1936 г. полностью состоит из публикаций, вызванных смертью «великана русской литературы» (название статьи В. Каменского) [К седьмой годовщине… 1937: 2; Гинц 1937: 2]. Несомненным авторитетом считался и В. Маяковский, именуемый «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи», это высказывание И. Сталина становится постоянным эпитетом В. Маяковского в 1930-е годы. «Выдающимся пролетарским поэтом» признавался и Демьян Бедный, «разивший острием своего сатирического пера душителей печати» [К 25-летию… 1937: 2]. Освещается в газете и творчество местных литературных «авторитетов», каким для Перми этого времени

был В. Каменский. Его деятельность (написание поэмы «Сталин – любовь всенародная», работа над сборником поэм «Родина счастья», «романом в стихах «Могущество») отражена в жанрах, весьма близких к литературному портрету [Круглова 1937: 3].

К обсуждению творчества авторов XIX в. обращаются ситуативно, чаще всего в жанре юбилейной статьи, юбилейного очерка – литературного портрета. Героями юбилейных портретных очерков становятся «родоначальник новой русской поэзии» А. С. Пушкин, «художник и философ» Л. Н. Толстой, «неистовый Виссарион» Белинский, «поэт революционно-крестьянской демократии» Н. А. Некрасов, «провозгласитель идей буржуазной революции в России» А. Н. Радищев, «литературный Колумб Руси» В. А. Жуковский, «верно и хорошо видящий жизнь» В. Г. Короленко, «выдающийся драматург» А. Н. Островский, «певец Урала» Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Изменяется и система жанров газетной литературной критики. Практически исчезают жанры литературного обозрения и литературно-критической статьи, настолько популярные в дореволюционной региональной прессе. Нечасто встречается и жанр развернутой рецензии. В качестве примера можно привести отзыв на выход первой книги романа Н. Островского «Рожденные бурей» [Михайлов 1937: 3]. Жанр сигнальной мини-рецензии практически исчезает, но театральная рецензия по-прежнему содержит оценку самой пьесы. В качестве примера можно привести рецензию на постановку оперы «Тихий Дон» или пьесы «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «одного из лучших произведений советской драматургии, <демонстрирующего> роль большевистской партии в годы революции, героизм большевиков и руководимых ими матросов, борьбу за создание сплоченной революционной армии и флота». Правда, оценка собственно пьесы лаконична: «пьеса сильно волнует, захватывает зрителя, заставляет его с гордостью оглянуться на прошлое и еще раз убедиться в том, что кровь, обильно пролитая, не прошла даром» [Зритель… 1937: 3].

Из новых жанров можно выделить речь писателя, (например, речи делегатов Всесоюзного съезда писателей 1934 г., речь А. Н. Толстого) и письмо писателя – комментарий того или иного события жизни молодой России.

Уровень литературной критики значительно ниже по сравнению с дореволюционным. Как замечает В. А. Антипина, культурный, философский и эстетический уровень критики этого времени оставлял желать лучшего: «Критическая литература и литературоведение развивались без должной теоретико-методологической основы» [Антипина 2005: 18].

Список литературы

Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х – начале 1950-х гг.: дис…. канд. ист. наук. М., 2005.

Гинц С. Певец социализма // Звезда. 1937. 14 апр. (N 87).

Зритель. Неудачный спектакль // Звезда. 1937. 24 мая (N 119).

[К 25-летию литературной деятельности Демьяна Бедного] // Звезда. 1936. 21мая (N 115).

Круглова М. У В.В. Каменского в Троице // Звезда. 1937. 18 апр. (N 91).

[К седьмой годовщине со дня смерти В.В. Маяковского] // Звезда. 1937. 10 апр. (N 84).

Михайлов Б. Книга о мужестве // Звезда. 1937.10 апр.(N 84).

Николаев Д. Д. Литература как пропаганда // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов. М., 2010.

Пантелеева Л. М.
Россия, Пермь

ИСТОРИЯ НАИМЕНОВАНИЙ СОЛЯНЫХ ВАРНИЦ[1]

Настоящая статья продолжает ряд исследований по истории наименований хозяйственных сооружений на соляных промыслах. На примере наименований соляной варницы, представляющей собой прямоугольное здание, в котором осуществлялся процесс выпаривания соли из соляного раствора, мы проследим основные вехи развития специальной лексики солеварения.

Прежде всего, обратимся к происхождению слова **варница.**

В этимологических словарях слово **варница** не зафиксировано, что связано, вероятно, с узкой специализацией лексемы. Однако А. Г. Преображенский указывает деривационные связи этого существительного со словом **вар** («варъ *кипящая вода; черная смола; жар, жара:* взваръ, варить, варенье, варениkъ, варенец, варенуха; <…> варница, варка, повар, кашевар, поварской, поварня, поваренный, соле-

© Пантелеева Л. М., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-34-01043а1.

варня»), которое, в свою очередь, имеет индоевропейские корни: «Основа uerē-: основа редуцир. (ослабл.): вьр-ћ-ти; въ степени растяженія: вар- (Вондр. SIGr. 1, 165). – лит. virti, vérdu *варить,* прош. viriaũ; virtuvė *кухня,* versmė *источникъ,* varus *варкій,* izvora *каша, суп.* лтш. virt *варить,* vira *вареное,* vārs *супъ;* varit; pavars *поваръ.* арм. varem *поджигаю* <…> А. Торпъ допускает *сближеніе* съ герм. *ver-, *warma: гот. varmjan *грћть.* дрсћв. varmr дрвнм. waram. дрсћв. vermi *теплота.* дрвнм. wirma. ннћм. wärme *тж.* (A. Torp. 395)» [Преображенский I: 104]. Эти сведения, безусловно, являются для нас ценными, но не вскрывают исходного значения слова **варница**, к которому, как нам кажется, можно приблизиться, используя данные исторических словарей.

Слово **варница** отмечается в рукописях с XIV в. Первое упоминание обнаруживаем в псковских летописях в 1364 г.: *Того же лћта поставиша двћ* ***варницы*** *на Рухе, и начаша соль варити. Лет. II, 1364 г., л. 176* [ПОС III: 35]. Заметим, что в наиболее раннем источнике слово **варница** реализует именно специальное значение. Однако сопоставление с материалами других словарей показывает, что появление данного слова как солеваренного термина наиболее вероятно, но не вполне доказуемо.

Так, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» отмечает два значения у слова **варница**, оба из которых относятся к XIV в.: 1. Заведение для получения соли выпариванием: *Се азъ… дал есмь…половину своее* ***варници*** *и половину колад#за, что оу Соли оу Галицкие, что на подолцћ. Гр. 1392 (1).* 2. Вареная пища: *Створь мало* ***варьници****. и постави тр#пезу и положи ·Г·оу крухы. Пр. Юр. XIV, 179* [СДРЯ XI–XIV I: 374–375]. Заметим, что реализация второго из приведенных значений не только начинается с XIV столетия, но и заканчивается этим временем. Исторические словари более позднего времени лексему **варница** в значении «вареная пища» уже не отмечают. Тем не менее именно факт существования данного значения в XIV в. не позволяет нам делать точных выводов относительно исходного значения слова **варница**. Следовательно, мы не имеем достаточно оснований считать «сооружение, оборудованное для получения соли путем кипячения соляного раствора» исходным значением слова **варница**, однако признать его первичным терминологическим мы можем с полной уверенностью.

Сведения об употреблении слова **варница** в XV–XVII столетиях в словарной статье СлРЯ XI–XVII вв. отсутствуют. Однако, обратившись к материалам других словарных статей, например, слов *соль* и *соляной*, можно увидеть, что никаких изменений функционирования

слова в текстах деловых актов, по сравнению с предшествующим периодом, не наблюдается: *Того же лѣта поставишя двѣ* ***варници*** *на Рухе, и начаша соль варити. Псков. лет. II, 27. XV в. А самим имъ в тѣхъ тяглыхъ дворехъ не жити, и в лавкахъ, и в анбарахъ, и в погребахъ не торговати, а в* ***варницахъ*** *соли не варити никоторыми дѣлы. Ул. Алю., 256 об. 1649 г.* [СлРЯ XI–XVII 26: 137]; *И на томъ берегу въ Шидрове 4* ***варници*** *съ колодеземъ и съ трубами да 2 анбара соляныхъ. Арх. Стр. I, 482. 1568 г.* [СлРЯ XI–XVII 26: 141].

Противоположная ситуация складывается в местных памятниках, где термин **варница** широко отмечается с XVI в. Соликамские грамоты фиксируют термин с 1628 г.: *А платят они с тое* ***варницы****…денежного оброку с городом с данными денгами вмѣстѣ рубль да пошлин 10 денег* [СЛПП II: 268]. Однако более раннюю дату фиксации в соликамских актах обнаруживает синоним термина – **варница соляная**: *В слободе же на речке…* ***варница соляная*** *монастырская (РГАДА, 1278), 1579* [СЛПП I: 58]. Как показывают отрывки из соликамских рукописей, собранные в «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века», терминологическое словосочетание имело не меньшую частотность, чем однословная номинация.

Пермские документы отмечают развитие не только синонимичных связей, но и развитие гипонимов на базе общего элемента. В писцовой книге Кайсарова приводятся номинации варницы по наличию или отсутствию в ней чрена – большой сковороды для кипячения соляного раствора: **цренная варница** и **бесцренная (безцренная) варница** *Оброку ему съ тѣхъ варницъ платить по 13 рубл. на годъ, съ* ***цренныхъ*** *по 5 руб. с* ***варницы****, а съ* ***безцренные*** *по 2 руб. Строг. п. кн. 1624, 125* [СПЛ I: 69]. В «Пермской летописи» В. Шишонко встречается номинация варницы по способности производительно работать – **варница жилая**: *По берегу Камы рѣки вниз 8 труб жилых с росолы и к ним 14* ***варниц жилых*** *с цирены (Ш, 5₂, 621), 1701* [СЛПП I: 179].

Укажем, что термин **варница** в этот период, подобно наименованиям рассолоподъемных сооружений, развивает и метрологическое значение, т. е. становится единицей измерения готового продукта – соли. Отсюда половина или часть соли, полученной от деятельности варницы, именовалось **полуварницей**. Обе номинации встречаются в копиях соликамских грамот: *И ему Ивану и впредь по тому ж владеть* ***полуварницею*** *а выкупати половина* ***варницы*** *о сроке (КСГ, 34 об.), 1606* [СЛПП II: 76].

Сведения о функционировании солеваренного термина в документах XVIII в. скудны. Упоминание о наименовании варочного строения находим в собрании законов Российской империи, источнике, вклю-

ченном в СРЯ XVIII в.: *И соляные промыслы на всех ли* ***варницах*** *соль варится… осмотреть. ПСЗ IX 105* [СРЯ XVIII 2]. «Словарь Академии Российской» также включает данный термин, но в более общем значении – «зданіе устроенное для варенія [САР I: 496]. Синонимом же солеваренного термина можно назвать словосочетание **соляная варница**, которое приводится в САР, но остается без дефиниции. Оба термина (**варница** и **соляная варница**), безусловно, имели официальный статус и, судя как по более ранним историческим данным, так и по данным, относящимся к XIX в., легко варьировались в письменном тексте.

В XVIII в., помимо уже известных наименований варницы, отмечаются два новых: **соловарня** (*О пермскихъ* ***соловарняхъ*** [Рычков 1770: 88]) и **варничная изба** (*Самой видъ* ***варничныхъ избъ*** *есть совершенное подобіе большаго анбара* [Рычков 1770: 88]). Оба наименования зафиксированы в «Дневных записках путешествия капитана Рычкова» в части, посвященной описанию пермских соляных промыслов. Как покажет время, данные номинации не попадут в словари. И в XIX в. **соловарня** будет встречаться только в пермских памятниках письменности, а **варничная изба** вообще выпадет из лексической системы «Солеварение». Следовательно, относить их к терминологии нет оснований.

В XIX в. система наименований варницы становится более широкой, чем в предшествующие периоды. На основе материалов, собранных в словаре В. И. Даля, а также текстов печатных и рукописных документов представим группу наименований варницы в виде уровневой системы (в которой каждая последующая группа синонимов представляет собой гипонимы по отношению к предыдущей группе и гиперонимы по отношению к следующей) и определим нормативный статус вошедших в нее единиц специальной лексики:

1. Наименование сооружения, оборудованного для производства какого-либо продукта способом варки: **варня** «строеніе или заведеніе, гдѣ варятъ, изготовляютъ питія и другія заводскія произведенія: пивоварня, медоварня, солеварня» [Даль I: 166]**, варница** «то же <*что варня*>, почти исключит. въ знач. солеварни, заведенія, гдѣ изъ природнаго разсола вываривается соль» [там же].

Лексические единицы этой группы принадлежат к межпроизводственной лексике, поэтому вопрос об их нормативно-стилистическом статусе требует дополнительной информации из других сфер специальной деятельности и не рассматривается в данном исследовании.

1.1. Наименования сооружения, оборудованного для производства соли способом варки. Среди них имеющие широкое бытование в

книжных изданиях, памятниках письменности и фиксацию в словаре В. И. Даля: **варница** «то же <*что варня*>, почти исключит. въ знач. солеварни, заведенія, гдѣ изъ природнаго разсола вываривается соль» [там же], *И та-де ихъ вотчина, села и деревни и починки и* ***варницы*** *на Холую и на Лудеѣ и на Балахнѣ и у Соли у Галицкіе запустѣли* [Архимандрит Амвросий 1810: 153], *Да три* ***варницы*** *безъ цреновъ* [Им. люди Строг. 1842: 70] *Изъ сих бассейновъ проводится россолъ подземными трубками въ* ***варницы*** [КСК 1839], *Когда* ***варница*** *совсѣмъ устроена или налажена, то приступаютъ къ завару* [Петухов 1864: 103–104], **соляная варница** (или **варница соляная**) «солеварница или просто варница, *соляная варница*, гдѣ соль вываривается» [Даль IV: 269], *Да на Лудѣ* ***соляная варница*** *монастырская и дворъ монастырской* [Архимандрит Амвросий 1810: 153], *Да за посадом на рѣкѣ Камѣ на берегу* ***соляная варница***, *Да въ слободкѣ жъ пять* ***варницъ соляныхъ*** *съ црены* [Им. люди Строг. 1842: 70], **солеварня** «или просто варница, соляная варница, гдѣ соль вываривается» [Даль IV: 269], ***Солеварня*** *пускается на привод* [Петухов 1864: 104]. И имеющий однократное упоминание в словаре В.И. Даля термин **солеварница** – «солеварница или просто варница, соляная варница, гдѣ соль вываривается» [Даль IV: 269].

У нас нет оснований считать эти номинации неофициальными, хотя вывод о более или менее распространенных терминах среди представленных сделать достаточно легко.

К числу терминологических номинаций абсолютно точно не принадлежит вариант лексемы **солеварня** – **соловарня**, отмеченный в КСК (*Въ Новоусольских и Ленвенскихъ промыслахъ* ***соловарни*** *существуютъ каменныя и деревянныя* [КСК 1839]), судя по всему, запечатлевший в своей форме признаки пермской произносительной традиции. Это наименование имело узкую сферу функционирования, которая, скорее всего, сводилась к живому общению жителей региона, в том числе и солеваренных работников.

1.1.1. Наименования соляных варниц в зависимости от того, были ли предусмотрены в их конструкции печь и дымоотвод, представлены двумя разрядами лексики.

1.1.1.1. Наименования варницы с вырытой в земле ямой для топки и отверстиями в стене или крыше в качестве дымоотвода: **черная варница** (Безъ печи и трубы, чренъ над ямой, где горятъ дрова [Даль IV: 594]), **черная солеварня** (***Черныя солеварни*** *выводятся из употребленія* [Петухов 1864: 102]).

Эти термины можно считать принадлежностью официальной разновидности специальной лексики. Обратим внимание, что как термин

солеварня, так и возникший на его основе термин **черная солеварня** (а также, как увидим дальше и **белая солеварня**) являются менее частотными наименованиями по отношению к наименованиям варниц в той группе синонимов, членами которой они являются.

Зададимся вопросом, почему термины **черная варница** и **черная солеварня** возникают только в XIX в., несмотря на то, что в источниках указано, что так называемые постройки «применяются на севере России русскими едва ли не с самого начала солеварения» [Григоров эл. ресурс]. Ответ окажется простым. До середины XIX в. на солеваренном производстве другого типа варницы вообще не существовало. Позже, когда на производстве стали использоваться варницы, оборудованные трубами и печью с системой жаровых ходов, словесное обозначение разновидностей сооружения стало необходимым.

Помимо нормативных наименований варниц, построенных по типу курной избы, можно выделить и диалектное наименование: **черная соловарня** (*Соловарни существуютъ каменныя и деревянныя, такъ называемыя* ***черныя*** [КСК 1839]). Отнесение его к числу диалектных мы произвели по аналогии с термином **соловарня**, опираясь на особенности формы.

1.1.1.2. Наименования варницы с печью и трубой: **белая варница** (Солеварня, гдѣ топка подъ чреномъ устроена печью съ трубой, а не простой ямой [Даль I: 153]), (*Хотя и были покушенія строить* ***бѣлыя варницы****, но оныя оказались совершенно неспособными к выварк*ѣ *соли* [КСК 1839]), (***Бѣлая варница*** *отъ* ***полубѣлой*** *отличается темъ, что въ ней соль сушится двое суток в особой сушильн*ѣ*, устроенной подл*ѣ *варницы* [Петухов 1864: 103]), **белая солеварня** (*Изъ ларей разсолы по подземной трубѣ проводятся в* ***солеварни*** *черныя,* ***бѣлыя*** *и полубѣлыя* [Петухов 1864:102]).

Оба наименования относятся к официальной терминологии, однако следует отметить, что наиболее распространенным в этот период является первое наименование, что хорошо заметно по числу контекстов.

1.1.1.2.1. Наименования белой варницы, не имеющей специального помещения для просушки соли: **полубелая варница** (*Бѣлая варница отъ* ***полубѣлой*** *отличается темъ, что въ ней соль сушится двое суток в особой сушильнѣ, устроенной подлѣ варницы* [Петухов 1864: 103]), **полубелая солеварня** (*Для устройства* ***полубѣлой солеварни*** *рубится на каменном фундаментѣ шатеръ* [Петухов 1864: 102]).

По принципу аналогии (как в случае с черной варницей и черной солеварней, белой варницей и белой солеварней) мы относим данные лексикализованные словосочетания к официальной терминологии.

Как видим, функционирование термина **варница** в рамках терминосистемы XIX в. характеризуется наличием стройных родо-видовых связей, а также обилием синонимичных отношений. Это продиктовано, на наш взгляд, техническими изменениями самой варничной конструкции, которые и повлекли за собой целый ряд новых наименований этого усовершенствованного сооружения.

Итак, слово **варница** появилось в русском языке, вероятнее всего, как термин солеварения. На протяжении своей истории оно сохраняло свою солеваренную специализацию и, вместе с тем, проникало в иные специальные сферы за счет появления межотраслевых омонимов.

Список литературы

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Типография Г. Писснера и Д. Савко, 1910–1914. Т. I. 716 с.

Список источников с сокращениями

Архимандрит Амвросий. История российской иерархии. М.: Синодальная типография, 1810. Ч.II. 663 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I, IV. М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

Именитые люди Строгановы. СПб.: Типография штаба военно-учеб. заведений, 1842. 130 с.

КСК – *Книга* о соли каменной (1839 г.). Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. СКМ 3000/11.

Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольныя местности. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1864. 217 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. Вып. 3 (В–Взяться). 180 с.

Рычков Н. П. Продолжение Журнала, или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1770 году. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1772. 132 с.

САР – *Словарь* Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. 1142 с.

СДРЯ XI–XIV – *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988. Т. I: (а–възакон#тис#). 526 с.

СЛПП – *Словарь* лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Т. I, II. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Тт. 2, 7. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii (дата обращения: 09.09.2012).

СлРЯ XVIII – *Словарь* русского языка XVIII в. Л., 1985. URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc (дата обращения: 09.09. 2012).

СПЛ – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси XV–XVIII вв.: в 4 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Вып. I. 255 с.

Печищев И. М.
Россия, Пермь

ПЕРМЯКИ И ГОРОЖАНЕ: В ПОИСКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Каждый человек нуждается в понимании того, кем он является. Не менее важно и представление о том, что его окружает: какие люди, какое пространство. Идентичность человека возникает в процессе его развития; она формирует чувство принадлежности к определенной общности, осознание того, что индивидуум является частью структуры этой общности и занимает в ней определенное положение. Идентичность формируется, в том числе, и СМИ, которые призваны формировать картину социальной жизни, а создаваемые и воспроизводимые ими стереотипы позволяют аудитории быстрее ориентироваться в социуме (см.: [Сосновская 2005]).

Для нашего исследования больший интерес представляет региональная идентичность, формирующая общность на основе единого места проживания. Она более открыта, чем этническая, и в то же время ближе индивидууму, чем национальная (см.: [Трофимов-Трофимов 2011]).

В данной статье мы обратимся к публикациям газеты «Пермские губернские ведомости», чтобы определить, как проявлялась региональная идентичность жителей г. Перми XIX в. в газетных текстах.

Коллизия общностей

В XVII–XIX вв., наряду с этнической общностью *пермяков*, коренных жителей Прикамья, возникает другая общность, объединенная региональной идентичностью, – жители города Перми, также назы-

© Печищев И. М., 2012

вавшие себя *пермяками*. Слово «пермяк» здесь выступает и как этноним, и как этникон.

Сложно представить, как на самом деле именовали себя жители губернского центра в быту или в официальной обстановке, не путались ли они при употреблении слова «пермяк», но мы можем попытаться определить это по печатным источникам того времени.

Газета «Пермские губернские ведомости» (ПГВ), публикации которой стали материалом нашего исследования, издавалась в Перми с 1838 г. еженедельно, а с 1894 г. – 3 раза в неделю. Последний выпуск ПГВ увидел свет в 1919 г. Мы изучили доступные на сегодняшний день издания ПГВ с 1849 по 1879 гг.

«Житель лесной и гористой страны…»

В «Историческом очерке города Перми» (ПГВ 37/1863; здесь и далее: первая цифра – номер выпуска ПГВ, вторая цифра – год) приводится этимология слова «пермяк». По словам автора А. Крупенина, оно происходит от зырянского слова *парма* («гора, поросшая лесом», родственного сибирскому слову «тайга») и *экъ* – человек; «из чего составилось слово “парма экъ” и извращенное – “*пермяк*”». Краевед О. Волегов приводит адаптированное толкование: «человек, житель лесной и гористой страны, каковой и представляется нам местность, где ныне живут *Пермяки*» (44/1854).

В исторической хронике, которую публиковали ПГВ, либо в ссылках на исторические документы в авторских материалах мы встречаем упоминания пермяков как коренного населения этих мест. Так, В. А. Волегов в «Исторических сведениях о гг. Строгановых» (90/1876) пишет о том, что «Аника Строганов взял с собой людей своих… для заселения новых мест… много пошло за ними и вольных людей из разных мест, Зырян, *Пермяков* и прочих людей».

Как показывает анализ, большая часть употреблений слова *пермяк* и его производных в публикациях ПГВ связана с этносом. Известный пермский историк и краевед Д. Д. Смышляев в статье «Отдаленное прошедшее Пермскаго края» (37/1870) приводит такое описание: «Нынешние *Пермяки* – небольшой, еще мало изученный “народец”, сохранившийся в числе 59 000 душ в Пермской и Вятской губерниях».

О пермяках как о диком народе, который населяет север Пермской губернии, пишет автор «Текста к пятистолетию в нынешнем году проповеди св. Стефана Пермского» (62/1879): «У нас еще доселе живо племя *пермяков*, предкам которых св. Стефан принес евангельское слово. *Пермяки* у нас в Соликамском и Чердынском уездах, составляют остаток первобытного населения нашей губернии». Позиция авто-

ра, как мы видим отстраненная и снисходительная, это позиция колонизатора, покорителя земель.

Описания этнических пермяков, встречающееся в публикациях ПГВ, во многом схожи с описаниями Н. Рогова, открывшего тему коми-пермяков в русской печати в 1855 г. публикацией в «Журнале министерства внутренних дел». Как указывает Е. Г. Власова, «все, кто писал впоследствии о коми-пермяках, так или иначе повторили его» [Власова 2010: 82]. Так, в публикации «Вести из Юсвинской волости» (49/1866) автор кратко описывает население волости: «*Пермяки*, населяющие… Юсвенскую волость… – народ малорослый, худой, изможженный и некрасивой наружности; неграмотный, и малоразвитый… *Пермяки* говорят на своем особом языке; но почти все они, в особенности мужчины, знают и русский язык... Все *Пермяки* исповедуют православную христианскую веру».

В других материалах авторы обращаются к проблемам коренного населения, главная из которых – неграмотность. Н. Соломатов в статье «О грамотности между *Пермяками*» (27/1868) сообщает, что «В 13-ти волостях Соликамского уезда… живут *Пермяки* – народ неразвитый и еще до крайности суеверный. Общественное устройство для многих из них еще совершенно непонятно». Учитель Пермского уезда М. Попов сетует на неграмотность пермяков, но настроен более оптимистично: «*Пермяки*… очень заметно обрусели; пройдет еще несколько лет… и *пермяки*, без сомнения, окончательно сольются с русским народом» (38/1879).

Мысль о неизбежной и скорой ассимиляции этноса упоминается и другим автором в статье «Кудымкорская волость и село Кудымкор, Соликамского уезда» (98/1878): «Жители [Кудымкора] – *пермяки*… В отношении развития *пермяки-кудымкорцы* стоят несколько выше пермяков, своих соседей – верх-инвенцев, инвенцев и др., [они] находятся в периоде слияния с русской массою». Здесь автор разделяет пермяков на группы по месту проживания: село Кудымкор, Верх-Иньва, Иньва и др., и выделение пермяков-кудымкорцев, очевидно, связано с их более тесным взаимодействием с русскими.

Интересно, что в нескольких публикациях о пермяках (напр. 27/1868, 38/1879) встречается прилагательное *пермяцкий*. Это довольно показательно, ведь именно это прилагательное по значению относится к народу, этносу, в то время как прилагательное *пермский* относится к топониму *Пермь*.

Как мы видим, во многих примерах *пермяки* для авторов ПГВ – северный народ, необразованный и тёмный. Никакого отождествления или общности с этими пермяками авторы не чувствуют. Напротив, во

многих текстах проявляется чувство превосходства, которое, очевидно, свойственно колонизаторам на осваиваемой территории.

«Они склонны к изящному…»

«Что за прелестный город Пермь, когда в него въезжаешь... Богатая чугунная решетка больницы, выстроенной с большим вкусом, явно говорит о наклонности *Пермитян* или *Пермич* к изящному, в противоположность *Пермякам*, которые все еще тяжело поддаются успехам цивилизации», – так писал о Перми и её жителях П. И. Небольсин в журнале «Отечественные записки» в 1849 г. [Небольсин 1849: 7]. *Пермитяне, пермичи* – так автор называет жителей Перми, чтобы отличить их от коми-пермяков.

В согласие с этим разделением входят и замечания Д. Н. Мамина-Сибиряка, который в серии путевых очерков «Старая Пермь» отмечает: «Не нужно смешивать древних *пермичей*, или *пермитян*, с иньвенскими *пермяками*-инородцами: между ними ничего общего нет… последние – какая-то отрасль зырянского племени. Между прочим, мы были введены в немалое заблуждение Решетниковым, который в своих «Подлиповцах» описывал именно пермяков-иногородцев. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающегося пермяцкого племени».

Главное отличие жителей Перми от северного народа – не этническая, а территориальная общность, ведь «большая часть обитателей Перми люди наезжие» [Небольсин 1849: 7]. Эти *наезжие* люди, живущие в Перми, тоже называют себя пермяками. Эти конкурирующие идентичности проявляются в материалах ПГВ.

Так, пермский помещик А. Иванов публикует свою «колонку», именуя себя не иначе как *пермяк*. Публикация «Отзыв *пермяка*» (26/1863) посвящена опровержению утверждений европейцев о «безмолвном равнодушии русской нации». Иванов говорит от имени жителей России и пермяков о любви к Отечеству и Государю-отцу.

Другой автор также в жанре, близком к колонке, под заголовком «Заметки из русского быта вообще и пермского в особенности» (12/1865) с сожалением пишет о том, что берега Камы заполнены мусором, свезенным сюда горожанами: «[Приезжий] перед пристанями… увидит не десятки, не сотни, а может быть, не одну тысячу возов навоза и других нечистот, свезенных на Каму чистоплотными *пермяками*». Эта бытовая зарисовка говорит о том, что слово «пермяк» использовали в речи и для именования горожан.

Это подтверждает публикация «Пожар в Перми 14 сентября 1842 г.» (48/1866), в которой автор вспоминает события 22-летней давности: «Пожар, уничтоживший в августе месяце 1842 года значитель-

ную часть города Казани, произвел странное впечатление на *Пермяков*… большая часть их стали высказывать опасения и за Пермь. “Ну, положим, – говорили *Пермяки*, – загорится дом… Но потушат же”».

Очевидно, что существовала проблема словоупотребления этнонима и этникона «пермяк» в пермском обществе и пермской прессе второй половины XIX в. Во-первых, об этом говорит его неустоявшееся противоречивое использование, когда в двух выпусках ПГВ подряд пермяками называют то серверный народ, то горожан. Во-вторых, рефлексия о словоупотреблении была зафиксирована в текстах очеркистов того времени.

Интересно, что в исследуемом периоде и в официальной хронике, и в новостях, и в текстах с выраженным авторским «я» (редкость для ПГВ того времени) этникон *пермяк* встречается редко. Как же именовались горожане? Чаще всего, семь раз, встречается нейтральное – «жители Перми» или «жители г. Перми» (22, 23, 35, 36/1863, 50/1866, 64/1868, 61/1870). В текстах о проблемах города четыре раза используется формулировка «пермское общество» (26/1863, 60, 62, 74/1866); «граждане г. Перми» – два раза (69, 81/1868). По одному разу: «пермский горожанин» (36/1863), «пермская публика» (54/1866), «пермские мещане» (31/1879), «пермское народонаселение (23/1863), «заводские жители» (22/1863), «заводские обыватели» (40/1879).

Все перечисленные словосочетания так или иначе называют одну большую группу людей, проживающих на территории столицы губернии. Коррективы вносит лишь сословное деление, существовавшее в те годы. Нейтральные формулировки словно фиксируют процесс вживания «наезжих» людей в окружающее пространство: ещё не *пермяки*, но уже *пермские*.

Горожане пока ещё *не пермяки* в противовес тем, другим, *пермякам*, неграмотным и малоразвитым. Но обостренное чувство Другого, как уже отмечала Е. Г. Власова [Власова 2010: 89], только способствовало формированию всё более отчетливой региональной идентичности.

Список литературы

Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, 2005. 206 с.

Трофимов-Трофимов В. Д. Региональная идентичность: настало время разобрать Россию. URL: http://ttrofimov.ru/2011/07/regionalnaya-identichnost (дата обращения: 29.11.2011).

Власова Е. Г. Пермяки о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX – начала XX в. // Литература Урала, 2010. Вып. 5. С. 82.

Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 64. отд.8. С. 7.

Русинова И. И.
Россия, Пермь

ОБРАЗЫ-ВОПЛОЩЕНИЯ «ВСЕЛЯЮЩИХСЯ» ДУХОВ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ[1]

Мифологические рассказы Пермского края, функционирующие в традиционной культуре края и во множестве фиксируемые собирателями и сегодня, изобилуют сюжетами о действиях колдунов. В таких рассказах часто реализуется мифологема *колдун – его помощники черти*.

Связь человека с миром нечисти реализуется прежде всего на уровне сюжета: бесы, находящиеся у колдуна в услужении, выступают источником его магической силы. Но не только сюжет и мотивы быличек, но и языковые единицы, используемые в текстах, могут многое сказать о связи человека с нечистой силой, характере этой связи, образах и поведении духов, выполняющих «работу» у колдуна, видах деятельности людей, обладающих магическими знаниями и способностями [Русинова 2011].

В предыдущих публикациях мы подробно останавливались на некоторых проблемах номинации духов-помощников колдуна и «вселяющихся» духов (см.: [Русинова, Русинова 2010а, Русинова 2010б]). Цель настоящей статьи – показать образы-воплощения духов-помощников колдуна, встречающиеся в мифологических рассказах Пермского края. Материалом исследования послужили опубликованные тексты быличек и полевые записи автора.

О.А. Черепанова пишет о том, что рассказы о духах-помощниках колдуна составляют целый класс севернорусских быличек. Эти суще-

© Русинова И. И., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 12-34-01043а1.

ства нередко выступают в антропоморфном виде, но наиболее часто имеют зооморфный облик. Из животных тварей автор упоминает кошку, собачку; из земноводных – ящерицу, лягушку; из насекомых – мух, жуков, жужиков, медуниц [Черепанова 2005: 160–161].

Материалы, записанные на территории Пермского края, подтверждают и дополняют этот образный ряд.

Из зооморфной группы можно отметить следующие виды живых существ (полужирным курсивом поданы формы слов, зафиксированные в текстах быличек):

животные – з а я ц (***зайчики***) – пример ниже; м ы ш ь (***мыши***, ***мышки***, ***мышата***): *А ещё ведь черти-то в виде* ***мышей*** *бывают. Всяки мыши есь тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а* ***мыши****-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его* (Мысы Усол.). *У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришёл за чем-то. И подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал тринадцать* ***мышек****, бесову дюжину* (Половодово Солик.); к о ш к а (***котята***, ***котятки***): *А вот эта Катя, ихняя дочь, всех девчонок собрала и говорит: «Пойдёмте, девчонки, пойдёмте, у нас у тяти, он держит* ***котяток*** *маленьких». Раньше, знаете, из бересты делали большие туески. «В туеске у нас, – говорит, – тятя в туеске держит маленьких* ***котят****. Так они там пишшат. Ну пойдёмте, посмотримте»* (Вильва Солик.); к р ы с а (***крысы***): *В Шварёвой колдун был, у него черти-то* ***крысами*** (Мысы Усол.);

птицы – ц ы п л е н о к (***цыплята***, ***цыплятки***)*: Черти в голбце в виде* ***цыплят****, во хлеву. Хозяин их кормит* (Городище Солик.); в о р о б е й (***воробушки***): *Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как* ***воробушки*** *есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М. Долды Черд); г у с ь (***гуси***) *Иногда в* ***гусей,*** *жаб черти кажутся* (М. Долды Черд.);

пресмыкающиеся – з м е я (***змеи***): *Колдун был в Городище. У него был туесок, в нём он держал то ли* ***змей****, то ли* ***червей****. Он, говорили, их сушил, делал из них муку и подсыпал людям – в питьё, в еду. И потом человека душить начинало. Врачи даже помочь не могли, и только знающие бабушки* (Пожва Юсьвин.);

насекомые – м о ш к а (***мошки***, ***казарки***): *Каки-то* ***казарки****, слыхала я, есть.* ***Казарки*** *– это вроде как* ***мошки****. Их много так, хоть руками сметай, хоть греби в кучу. Враги же это, черти. А колдуны их распространяют* (Лекмартово Черд.); о с а (***осы, козютки***): *Жена у него* [колдуна] *пошла в сарай, заходит, а там много* ***ос*** *ползает. Она приходит к мужу и спрашивает: «Что это у тебя там* ***осы*** *какие-то?» А*

он спрашивает: «А что, они тебя кусали?» Дак она потом от него ушла (М. Долды Черд.); *У нас в деревне была старушка одна. Про её говорили, что она колдунья, что она знает, что у неё есть такие насекомые. У неё было две маленьких внучки. Сидим мы, значит, с подругой Катей на поляночке под черёмухой, играем с внучками. Играли, и вдруг, до сих пор это я так внятно помню, вдруг стала куча* ***ос****. А тут они, главно, никуда не летят, а вот так вот, как мураши, друг на дружку лезут. Ну, как мураши на муравьище. Старуха нам и говорит: «Девки, топчите их, топчите». Я Кате шёпотом говорю: «Это у неё* ***козютки****». У матерей-то слыхали, что она колдунья.* (В. Кондас Усол.); ч е р в ь (***червь, черви***)**:** *Колдун был в Городище. У него был туесок, в нём он держал то ли* ***змей****, то ли* ***червей*** (Пожва Юсьвин.); т а р а к а н (***тараканы, тараканьё***)**:** *Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок – а там полно* ***тараканья.*** [Кто это был?] *Да биси* (Черд.); ж у к (***жуки***)**:** У этих колдунов есть жуки, которых они держат в лесу. В случае надобности, если надо напустить на человека порчу, колдуны насылают этих жуков на человека. Жуки живут в туеске в лесу, под деревом, колдун ходит их кормить – они-де сосут его, он кормит их своим телом (Плесо Гайн.); б а б о ч к а (***бабочки***)**:** *Черти под вид* ***бабочек****. Всякий колдун их по-разному хранит. Маша рассказывала: у одного мужика в подвале много-много* ***бабочек.*** (М. Долды Черд.); п а у т (***пауты***)**:** *Который маму испортил, Илья Николаич, у него жена была. Он, когда стал умирать, никак не мог умереть. У него всё это колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может* [умереть]. *А вот это всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили, вот как* ***пауты*** *большие летают летом* (Вильва Солик.).

Данные пермских быличек свидетельствуют о том, что бесы могут принимать и другой (не антропоморфный или зооморфный) облик – вид предметов, не имеющих высокой хозяйственной ценности. При этом, как и в приведенных выше примерах, в образе остается главное – множественность или собирательность: б у л а в к а (***булавки***)**:** *Да всякими икотки кажутся: птичками,* ***булавками*** *всякими. Хто-ко где-ко увидит дак, всяким кажется* (Пянтег Черд.); с т е к л ы ш к о (***стеклышки***)**:** *А ещё у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками. Не знают же, что это биси* (М. Долды Черд.); р ы б ь я ч е ш у я: *Был злостный колдун. У него дочь была Катя. У него туесок был. И вот Катя говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбце маленькие котята пи-*

шшат». Им-то родным-то они котятами маленькими казались. Отец с матерью в это время в лесу были. Достали они туесок, а в нём не котята, а ***рыбья чешуя****, пишшыт и пишшыт. Хотели достать её. Только подносят кверху, а она опять вниз падает, они её достать-то не могут. Вот какая нечистая сила, не могли не одну чешуенку достать* (Вильва Солик.).

В предыдущей публикации мы писали, что отношение простых людей к бесам двоякое: с одной стороны, как причина болезней и психических расстройств (в частности кликушества) бесы вызывают живое неприятие и даже отвращение. Об этом говорит набор образов-воплощений данного персонажа (жуки, лягушки, мыши, черви, непонятные существа с множеством глаз и лап и пр.); с другой стороны, они похожи на что-то (или кого-то) вроде домашних животных. Чертей, как маленьких детей или детенышей животных, колдуны носят с собой; держат в подполе (голбце), дворе или хлеву и кормят. ***Носят*** *колдуны бисей* ***с собой****. Их в сумку ли куда складут* (Талица Черд.). *Колдуны-то, те* ***чертей кормят****. Я ещё маленькая была, с ребятами в окно подглядывала. Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, перву тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туды нести, как не чертям?* (Лимеж Черд.) [Русинова 2010а: 20].

Теплое отношение к бесенятам в пермских быличках создается с помощью образов детенышей животных, маленьких птичек или птенцов, вызывающих скорее умиление, чем брезгливость или отвращение, и набора слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Мне чё-то стало интересно. Я поглядела, а там черти сидят, рты разевают, как* ***маленькие м ы ш а т а****, красные рты* (Поселье Усол.). *Это были черти.* *Как* ***з а й ц ы , маленькие, пузатенькие, с ножками, с хвостиками.*** (Половодово Солик.). *Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как* ***в о р о б у ш к и*** *есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М.Долды Черд.). *Бесястые ки-ко люди были. Корову могут испортить. Другие бесястые лечат. В коробице, в пере их держали, бисей. У кого как* ***п т и ч к и*** *, у кого-то* ***м ы ш к и*** (Талово Черд.). *А она сама* [колдунья] *помирала когда, по огороду вот такие* ***малюсенькие-малюсенькие ц ы п л я т к и*** *бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Потом она их всех собрала, всех поймала.* (Вильва Солик.).

Недаром ***цыпленок***, теплый, трогательный облик которого знаком каждому, – один из частотных обликов, который принимают бесы.

Но наиболее распространенной личиной бесов в пермских материалах является м у х а. Л.Н. Виноградова, посвятившая анализу «вселяющихся» духов целый раздел своей монографии, отмечает: «“Вселяющиеся” духи – это незримые и бестелесные мифические существа, способные при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого (чаще всего м у х и [*выделено нами*. – И.Р.], – что не типично для форм оборотничества черта) или хтонического животного…» [Виноградова 2000: 298].

Пермские данные подтверждают общеславянскую тенденцию, обозначенную Л.Н. Виноградовой – «вселяющие» духи чаще всего имеют «мушиный» облик: *А вот если так колдун заденет, то посадит чертёнка*. [А какие черти бывают?] ***Мухами*** *есть черти-те. А если он посадит, ты же не знаешь, то ли* ***муха****, то ли кто* (Н. Язьва Краснов.). *Была одна* [колдунья], *Анастасия Григорьевна. Над ней над покойной* ***мухи*** *летали, черти, целый рой* (Губдор Краснов.). *Черти и порча как* ***мухи*** *большие. Живут они в дому. Она* [колдунья] *их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта* ***муха*** (Тетерина Солик.). *У меня три порчи в жизни было. Первая в тринадцать лет. С грибами* ***муха*** *в рот попала. На меня одна колдунья порчу навела, маленькая я ещё была. Колдунья принесла грибы белы: «Ешь, ешь», – говорит и в рот мне суёт. Только вышла я –* ***муха*** *в рот попала. Отцу рассказала, а он говорит: «Девка, порчу на тебя навели* (Белкина Солик.). *Когда мама картошку копала, то залетела* ***муха*** *в рот. И всё, как голос не свой, собакой лаяла* (Исаково Черд.).

Таким образом, в пермских быличках представлен целый ряд образов-воплощений духов-помощников колдуна. Наши материалы, во-первых, подтверждают общеславянскую тенденцию (наиболее распространенной личиной этих «существ» выступает «мушиная»), во-вторых, коррелируют с севернорусскими материалами, представленными в сборниках О.А. Черепановой [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996] и Н.В. Дранниковой, И.А. Разумовой [Мифологические рассказы Архангельской области 2009]. Но по сравнению с выше названными источниками образный ряд пермских духов чрезвычайно богат и разнообразен.

Список литературы

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост., авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 212 с.

Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (9). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010а. С.18–25.

Русинова И. И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010б. С. 13–18.

Русинова И. И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(14). 2011. С.15–23.

Черепанова О. А. Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 156–168.

Фирсова А. В.
Россия, Пермь

ЛИТЕРАТУРА И ТУРИЗМ: К ВОПРОСУ О КАРТИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В современном сервисно-информационном обществе человек, социум и культура становятся важными факторами развития экономики. В данном контексте литературное наследие территории, ее локальные тексты, приобретают значение уникального туристского ресурса. Данное суждение относится, прежде всего, к известным художественным произведениям, в которых очевидна связь текста и места. Желание «пройти пешком» по страницам любимого произведения рождает тра-

© Фирсова А. В., 2012

дицию почитания *литературных мест* и ведет к зарождению литературного туризма.

Методологически вопросы изучения литературных мест восходят к работам Н. П. Анциферова [Анциферов 2009], В. Н. Топорова [Топоров 2009], Д. С. Лихачева [Лихачев 1984], которые единодушны в своем убеждении, что источник хронотопической образности произведений следует искать во внетекстовой – социальной действительности. Локально-исторический метод Анциферова возвращает человека к первоисточнику впечатлений, предполагает выезд на местность, сравнение увиденного с прочитанным. Сегодня этот поиск впечатлений становится одной из движущих сил индустрии путешествий, желание потребителя диктует новые, порой неожиданные, запросы: «Если потребитель захочет получить уроки в школе тореодоров или после прочтения книги Дэна Брауна «Код да Винчи» отправится на поиски чаши Грааля, соответствующие услуги необходимо предоставить в указанное время, в нужном объеме и требуемого качества» [Александрова 2010: 29]. Художественный текст стимулирует эмоционально-чувственную сферу человека, а интерпретация взаимодействия текста и места конструирует уникальное «событие» в жизни туриста. Возникнув как образ территории, литературное место постепенно обрастает инфраструктурой: появляются экскурсионные маршруты, тематические гостиницы и кафе, сувенирная и печатная продукция, конференции и фестивали. Развитая традиция почитания литературных мест способна создать новую экономическую специализацию территории, свидетельство тому – множество городов мира, имеющих «литературную» репутацию и туристскую специализацию: Верона – «Ромео и Джульетта», Санкт-Петербург – «Преступление и наказание», Дублин – «Улисс», Париж – «Собор Парижской Богоматери» и др.

Подобные примеры вскрывают *прагматические* возможности художественной литературы. Под прагматикой литературного текста мы, вслед за основоположником метода Ч. Пирсом, понимаем «его мыслимое воздействие на наше поведение» [Пирс 2000: 208]. Подобное воздействие носит первоначально спонтанный и сугубо индивидуальный характер, но постепенно становится массовым и превращается в одну из разновидностей культурно-познавательного туризма. Ключевую роль в подобном туристском проектировании мест играет художественный текст, который выполняет функцию *картирования* пространства: текст определяет аттрактанты, маршрут и хранит легенду места [Абашев, Фирсова 2010].

Литературное картирование предполагает изучение трех видов отношений географического пространства и пространства литературного

произведения: *историко-биографическое, символическое* и *прагматическое*. В первом случае мы фиксируем биографические данные в их проекции на реальный ландшафт, изучаем художественный мир произведения в сопоставлении с географическим пространством, занимаемся определением литературных мест. Такие связи изучает *литературное краеведение.* Во втором случае внимание исследователей сосредоточено на новых образах географического пространства в художественной литературе, культурной синергетике ландшафта. Это поле исследований *культурной географии* и *семиотики*. Общим понятием, объединяющим междисциплинарные работы, становится понятие культурный ландшафт, который трактуется как организованная система, включающая в себя существующие в данной местности явления культуры и природные условия [Веденин 1997]. Литературный сюжет, «привязанный» к определенному географическому пространству, становится полноправным компонентом культурного ландшафта. Третий аспект взаимодействия – это фиксация и изучение тех ситуаций, когда творчество известного писателя побуждает человека совершать путешествие по литературным местам – *прагматика* текста, которая реализуется в появление туризма вокруг литературных мест. Исследование феномена литературного картирования пространства должно учитывать все три аспекта взаимодействия. Предлагаемый метод поможет определить: 1) литературные места территории; 2) социально-культурные проекты, связанные с репрезентацией литературных мест (фестивали, конференции, экскурсионный туризм); 3) качественные изменения социально-культурной среды – появление объектов туристской инфраструктуры вокруг литературных мест.

В качестве примера рассмотрим историю развития туризма в п. Всеволодо-Вильва Александровского района Пермского края. Это горнозаводской поселок, основанный по распоряжению князя В. А. Всеволожского в 1811–1818 гг. на р. Вильве. В настоящий момент это поселок городского типа с численностью чуть более трех тысяч человек. Хозяйственная жизнь Всеволодо-Вильвы была всегда связана с деятельностью завода – в XIX в. железоделательного, а в XX в. – химического. В начале 2000-х гг. завод «Метил» прекратил свое существование, что крайне негативно отразилось на экономической и социально-культурной жизни поселения. Уникальность Всеволодо-Вильвы заключается в ее исторической памяти. Здесь причудливым образом пересеклись имена известных людей российской истории, науки, культуры – С. Т. Морозова, А. П. Чехова, Б. И. Збарского, Б. Л. Пастернака. Но никогда местным сообществом не рассматривались возможности

развития туризма, хотя живописные ландшафты и культурное наследие территории предполагали такую деятельность.

К данной местности более всего применимо понятие литературного картирования, так как ключевую роль в туристском развитии территории сыграло творческое наследие Б.Л. Пастернака. Окрестности Всеволодо-Вильвы с топографической точностью описаны в романе «Доктор Живаго», впечатления, полученные в горнозаводской части Урала питают раннюю прозу и стихи Пастернака [Абашев 2008]. В 2003 г. состоялся первый опыт презентации территории иностранным туристам: городской фонд культуры «Юрятин» по запросу турфирмы «Troika-Reisen» разработал и внедрил литературный маршрут «По следам Доктора Живаго», который охватывал г. Москву, п. Всеволодо-Вильву, г. Пермь, был связан железной дорогой и длился более недели. Предварительно сотрудниками фонда «Юрятин» были сопоставлены описания Урала в письмах Пастернака из Всеволодо-Вильвы, уральских стихотворениях поэта, в романе «Доктор Живаго» с микрогеографией Перми и окрестностями Всеволодо-Вильвы, определены литературные места. Основу туристического маршрута составил путь, который проделал Б. Л. Пастернак в 1916 г. из Москвы на Урал, а объектами показа стали «locus poesiae» – места «разыгрывания» литературного сюжета: «Юрятинская читальня», «Дом с фигурами», предместье «Развилье», «станция Торфяная», «Варыкино», «шихан» и их возможные прототипы – библиотека им А. С. Пушкина, Дом С. М. Грибушина, р-н Мотовилиха, ст. Всеволодо-Вильва, урочище Ивака, скальные обнажения в окрестностях Иваки. Коммерческий литературный маршрут был осуществлен дважды, но этот прецедент доказал, что развитие литературного туризма на территории Всеволодо-Вильвы возможно. В 2005 г губернатором Пермского края О. А. Чиркуновым было принято решение о восстановлении мемориального объекта «Дом Пастернака». Строительные работы завершились в мае 2008 г. Первыми гостями «Дома» стали участники научно-практического семинара «Очаги культуры в провинции: опыт картографии» (май, 2008). Организация и проведение событийных мероприятий стала основой деятельности музея в 2008-2011 гг.: «Арт-веранда» (июль 2008), «Арт-резиденция» (июнь, 2009); презентация проекта «Культурно-исторический центр «Дом-музей Б. Пастернака» в рамках конференции «Строгановские чтения: Камский путь» (сентябрь, 2008); открытие фото-инсталляции Анатолия и Марины Долматовых «Тут чудно хорошо…» (ноябрь, 2008); презентация книги «Любовь пространства…»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака», (декабрь, 2008); презентация книги «Всеволодо-Вильва на перекрестке

русской культуры» (февраль, 2009); презентация путеводителей «По Уралу с доктором Живаго» (2009), «Всеволодо-Вильва и ее окрестности» (2011). Важным в социально-экономической жизни поселка стал 2011 г. – Всеволодо-Вильва выиграла краевой конкурс «Центр Культуры Пермского края». Программа развития поселения «Всеволодо-Вильва. Пятый элемент» предполагала ряд разноплановых мероприятий, связанных с улучшением рекреационной среды, разработку и внедрение туристских маршрутов, проведение фестивалей, издательскую деятельность [Денисова, Фирсова 2012].

Перечисленные мероприятия имели положительный эффект, о чем свидетельствует динамика посещения музея «Дом Пастернака»: 769 человек в 2009 г., 732 человека в 2010 г., 1955 человек – в 2011 и 1906 человек на октябрь 2012 года. Много это или мало? Для сравнения приведем показатели посещения литературного музея «Дома поэта Василия Каменского» в п. Троица: 1458 человека в 2009 г., 2900 человек в 2010 г., 3642 человека в 2011 и 2925 человек на октябрь 2012 г. Как видим, показатели отличаются, но не значительно. Учитывая тридцатилетнюю историю музея В. Каменского в Троице и его выгодное положение в туристско-рекреационном каркасе Пермского края (50 км от краевого центра, в отличие от п. Всеволодо-Вильва, расположенного в 240 км от Перми), можно сделать выводы о положительной динамике развития молодого музея «Дом Пастернака».

Наш обзор показал, что литературное наследие п. Всеволодо-Вильвы стало действенным туристским ресурсом территории и позволило поселению заявить о себе и начать продвижение на локальном и региональном туристском рынке.

Список литературы

Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака. // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 125–144.

Абашев В. В., Фирсова А. В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.4. С.98–104.

Александрова А. Ю. Международный туризм: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2010. 464 с.

Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Составление, подготовка текста, послесловие Д. С. Московской – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. 584 с.

Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия, 1997. С. 196–214.

Денисова А. В., Фирсова А. В. Мониторинг территорий-победителей проекта «Центры культуры Пермского края» (на примере г. Кунгура и п. Всеволодо-Вильвы) // География и туризм: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. Вып. 11. С.28–36.

Лихачёв Д.С. Литература — реальность — литература: статьи / Д. С. Лихачёв. Л.: Сов. писатель, 1984. 271 с.

Пирс.Ч. Начала прагматизма/ Перевод с англ. В. В. Кирюшенко, М. В. Колопотина, послесловие Ю. В. Сухачева. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 318 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст. / В. Н. Топоров; Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2009. 820 с.

Чугаев Н. В.
Россия, Пермь

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ОЙКОНИМОВ[1]

В настоящей статье делается попытка выявить экстралингвистические факторы образования ойконимов. Изучение экстралингвистических факторов в образовании и развитии этого класса топонимов важно постольку, поскольку ойкноимы в определенных случаях выступают не только как языковые явления, но и как явления, тесно связанные с социальной и политической жизнью общества.

Можно выделить два периода, существенно различающихся характером ойконимической номинации. Первый период характеризуется стихийным заселением территорий, стихийным образованием пунктов, и, как следствие, естественным характером процесса их номинации. Во второй период, наряду со стихийным образованием населенных пунктов, вырабатывается механизм государственного образования населенных пунктов. В этом случае большая часть ойконимов продолжает появляться стихийно, однако наиболее важные в политическом и про-

© Чугаев Н. В., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330а2, № 12-34-01043а1).

изводственном смысле населенные пункты подвержены государственному регулированию во всех областях, включая наименование. В истории русского государства начало второго периода связано с петровскими реформами и активным государственным строительством в уральском регионе. Государственное регулирование топонимии в первую очередь касается ойконимов как названий рукотворных объектов, однако в истории есть случаи, когда изменялись названия естественных географических объектов – так, указом Екатерины II река Яик была переименована в Урал после пугачевского восстания.

Как уже было сказано, государство регулирует названия только самых важных, центральных населенных пунктов, причем это регулирование направлено на решение политических задач. Появление и развитие нового металлургического центра на Среднем Урале пошатнуло многовековую гегемонию Строгановых в регионе. Известно, что Строгановы, способствуя организации похода Ермака, планировали присоединить к своей вотчине земли восточного склона Уральского хребта. Заводской администрации требовалось зримое обоснование необходимости создания нового центра, чтобы пресечь любые притязания Строгановых. В. де Генин, будучи опытным политиком, находит решение этой проблемы в лингвистической области: центральный Исетский завод называется именем императрицы, таким образом, пресекая любое недовольство со стороны Строгановых. При этом де Генин, не ограничиваясь одним указанием на авторитет императрицы, использует формант *-бург,* осознаваемый престижным, европейским. Такой же формант используется и для наименования *Оренбургской* крепости, при этом, несмотря на то, что крепость три раза меняла свое местоположение, и ее конечное местоположение уже не было связано с мотивирующей основой – гидронимом *Орь,* значение названия *Оренбург* было настолько велико, что его было решено не менять [Мильков 1953: 137].

С переносом административного центра уральского региона связано и появление ойконима *Пермь.* А. К. Матвеев возводит данный ойконим к названию области – *Пермь, Пермская земля* [Матвеев 2008: 212], однако следует иметь в виду, что топоним *Пермский* существовал в составе административных названий *Пермская провинция* и *Пермский бергамт*. Пермский бергамт (горное начальство) был образован в 1725 г. при Пыскорской заводской конторе, очевидно, по аналогии с Сибирским обер-бергамтом (высшим горным начальством), расположенном на Уктусском, а позже на Екатеринбургском заводе. Пермская провинция появилась в 1728 г. в результате переименования Соликамской провинции. Очевидно, что переименование Пермской провинции

было связано с образованием Пермского бергамта. В результате административной реформы, проведенной после пугачевского бунта, потребовалась централизация власти в Уральском регионе и было создано Пермское наместничество – первое административное образование, объединившее уральские земли по обе стороны Уральского хребта. Его центром стал заводской поселок Егошихинского завода, получивший новое название. Учитывая наличие на момент образования наместничества топонимов *Пермский бергамт* и *Пермская провинция*, представляется возможным рассмотреть ойконим *Пермь* не прямо восходящим к названию исторической области, а через посредство этих административных названий.

В качестве экстралингвистических факторов, влияющих на развитие ойконимов, могут выступать не только политические решения, но и особенности производственных связей. Технология металлургического производства предусматривает несколько этапов добычи и обработки руды, в связи с чем заводы разделялись по функции, образуя производственные цепочки. А.С.Жуковский считает, что Егошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский заводы осуществляли единый производственный цикл: Пыскорский завод имел богатейшую рудную базу, но не имел производственных мощностей для ее обработки. Непереработанная и частично обработанная медь сплавлялась на Висимский, а позже на Егошихинский и Мотовилихинский заводы для завершения выплавки. Эту гипотезу подтверждает и то, что в ходе передачи заводов графу Воронцову в середине XVIII в. все четыре были отданы вместе. [Жуковский 1976: 110–112].

Между элементами этой производственной цепи возникают системные топонимические отношения. Из двух пермских градообразующих заводов – Егошихинского и Мотовилихинского – в современной городской топонимии остался последний. Этому способствовало, с одной стороны, сравнительно позднее вхождение Мотовилихинского заводского поселения в Пермскую городскую агломерацию, с другой – довольно раннее прекращение деятельности Егошихинского завода, что связано с формированием нового металлургического центра на юге России. Мотовилихинский завод сохранился благодаря переориентации на оружейное, а позже на машиностроительное производство. Названия, связанные с рекой и поселением Егошиха, «растворились» в губернском городе Перми, как столетием раньше починок Брюханово «растворился» в Егошихинском заводе. Сегодня с топонимом *Егошиха* у большинства пермяков ассоциируется не конкретная локация, а топонимическое предание о возникновении Перми.

С сохранением заводского статуса Мотовилихи связана и история

топонима *Висим*. Особый статус заводского поселения состоит в том, что его коллектив приписан к своей мануфактуре. Когда производство на Висимском заводе было свернуто, предприятие было переведено в Мотовилиху вместе со своим коллективом [История Урала, 1989: 572–577]. Здесь чужаков и место их проживания с характерным для долитературного состояния языка синкретизмом стали называть Висим. Впоследствии название закрепилось в качестве названия микрорайона.

Из мотивирующих основ названий четырех вышеуказанных заводов только *Пыскор* изначально не восходит к гидрониму. Формально Пыскор (из Пыскар) входит в ряд коми-пермяцких ойконимов с формантом -кар- ‘укрепленное поселение, городище’, корневая часть означает ‘ноздря’, ‘дыра’, что связано с наличием на Пыскорском городище подземного хода [Кривощекова-Гантман 1983: 139]. Ойконимы *Висим, Мотовилиха и Егошиха* образованы от омонимичных гидронимов, причем если у названия *Егошиха* довольно легко устанавливается мотивировочная связь с прозвищем *Егошá*, которое в свою очередь генетически связано с глаголами *егозить / егошить* [Полякова 2008: 27], то название *Мотовилиха* не имеет однозначной этимологии. А.С. Кривощекова-Гантман, например, находит здесь древнюю угорскую основу. Более вероятной представляется версия о происхождении названия реки от русского диалектного *мотовило*. Одноименный гидроним, в частности, зафиксирован в Вологодской области [Чайкина 1988]. Реки с названием *Висим* встречаются в Пермской, Свердловской областях и в Ханты-Мансийском автономном округе [Матвеев 2008: 59–60]. Этот топоним имеет неясное происхождение: А. К. Матвеев, например, выдвигает гипотезу о его древнем угорском происхождении. Гидроним через ойконим был перенесен на городской топоним – название микрорайона, вполне употребительное и в наше время.

Таким образом, в настоящем исследовании сделана попытка выявить и показать воздействие экстралингвистических факторов на уральские ойконимы. На процессы наименования крупных административных центров оказывают влияние политические соображения: престижность, необходимость дать новое название новой административной единице. В специфических случаях на топонимию могут влиять экономические и социальные факторы. Особенно важным представляется такой экстралингвистически обусловленный процесс, как перенос населенного пункта при сохранении его названия.

Список литературы

История Урала: в 2-х т. Пермь, 1976. Т. 1. 396 с.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989.

246. с

Кривощекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: Книжное изд-во, 1983. 175 с.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.

Мильков Ф.Н. П. И. Рычков: Жизнь и географические труды. М.: Географгиз, 1953. 144 с.

Полякова Е.Н. Первые дома на Егошихе (по данным лексики памятников XVII в.) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. Конф. 19 декабря 2008 г. Пермь, 2008. С.26-31

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1988. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm, (дата обращения: 14.09.2012).

Жуковский А.С. Висимский медеплавильный завод в XVIII–XIX вв.// Исследования по истории Урала: сборник статей / Перм. ун-т Пермь, 2005. С.108–118.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

Абрамова В. С.
Россия, Пермь

ТРАНСФОРМАЦИЯ РИТУАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

А. П. Чехов сыграл огромную роль в обновлении художественного сознания на рубеже XIX – XX вв. Исследование того, как в мире Чехова выражены те или иные устоявшиеся формы материальной и духовной жизни человечества помогает характеризовать бытие человека в момент смены эпох, на изломе времени.

Одной из таких форм культурной деятельности человека является *ритуал*, который «как бы высвечивает те стороны вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их суть и назначение» [Байбурин 1993: 16–17]. А. К. Байбурин определяет ритуал как символическую форму поведения, имеющую свою грамматику, синтаксис и лексику, т. е. представляющую собой особый текст [там же]. В современном энциклопедическом словаре понятие «ритуал» рассматривается как «вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий (в т. ч. речевых)», служащих для выражения определённых социальных и культурных взаимоотношений (признания каких-либо ценностей или авторитетов, поддержания социально-нормативной системы и т. п.) [Ритуал эл. ресурас]. Таким образом, под *ритуалом* мы понимаем особую форму кодификации образа жизни, выстроенную в обряде – сценарно оформленном действе – и выражающую в знаковой форме ценности группы и / или личности.

Рассмотрим интерпретацию ритуала в прозе А. П. Чехова и проследим, какие изменения происходят с традицией в переходное кризисное время, зафиксированное в его творчестве. Б. И. Зингерман в работе «Театр Чехова и его мировое значение» отмечает: «Ритуал в пьесах Чехова – это совокупность обрядов, сопровождающих священнодейственный акт человеческой жизни <…>, это постоянные сюжетные мотивы и кодекс поведения» [Зингерман эл. ресурс].

Ритуалы важны для сюжетов очень многих рассказов и повестей А. П. Чехова и объективирует различные проблемные поля: иерархию ценностей, смысловую семиосферу (концепты «дом», «семья», «счастье»), культурный фонд символов (праздник). Все ритуалы в прозе

© Абрамова В. С., 2012

А. П. Чехова можно условно разделить на две группы: традиционные ритуалы (свадьбы, родительские благословения, юбилеи, похороны, панихиды, поминки, именины, поздравления, торжественные церемонии и др.) и бытовые ритуалы, связанные с проявлением отдельных сторон бытовой обрядности (общение со знакомыми, поведение с домочадцами, чаепитие, иконопочитание, церковные службы, разнообразные поздравления, публичные выступления и др.).

Основная особенность проявления ритуалов в творчестве А. П. Чехова, которую мы отметили, – это трансформация ритуально-символических форм поведения, вплоть до их полного разрушения. В художественном мире Чехова утрачиваются основные черты ритуала – его символический смысл, вера в возможность символического изменения ситуации и его интегративная функция.

Так, *свадьбы* и в ранних, и зрелых произведениях А. П. Чехова являются не столько завязкой или развязкой действия, сколько сюжетным стержнем, который позволяет строить как юмористические зарисовки, так и серьезные психологические рассказы именно потому, что происходит разрушение ритуала. В рассказах и повестях писателя «Перед свадьбой» (1880), «Брак по расчету» (1884), «Свадьба с генералом» (1884), «Руководство для желающих жениться» (1885), «Анна на шее» (1895), «В овраге» (1900), «Невеста» (1903) свадебный ритуал не доводится до конца, срывается, обессмысливается. В художественном мире Чехова свадьба, предшествующие ей сговор, смотрины – это вечеринки, лишенные высокого духовного смысла, повод для ублажения чрева, празднование дня с акцентом не на жизнь души, но на земное существование. Свадебная тема проявляется в самом прозаическом контексте, что как нельзя лучше подчеркивает привычную обыденность и бездуховность жизни. Посмотрим это на конкретных примерах. «Перед свадьбой» (1880): «В четверг на прошлой неделе девица Подзатылкина в доме своих почтенных родителей была объявлена невестой коллежского регистратора Назарьева. Сговор сошел как нельзя лучше. Выпито было две бутылки ланинского шампанского, полтора ведра водки; барышни выпили бутылку лафита. Папаши и мамаши жениха и невесты плакали вовремя, жених и невеста целовались охотно; гимназист восьмого класса произнес тост со словами: "O tempora, o mores!" и "Salvete, boni futuri conjnges" – произнес с шиком» [Чехов 1974: 46]. «Анна на шее» (1895): «После венчания не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал. Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев – поездка на богомолье за двести верст» [Чехов 1977: 161]. В рассказе «Невеста» (1903) важный сюжетообразующий компонент –

предсвадебный ритуал. У героини рассказа Нади Шуминой нет радости по поводу предстоящей свадьбы, только страх и беспокойство. В ощущениях чеховских героев просматривается фольклорное состояние жениха и невесты (страх перед свадьбой, огорчение, тоска) и фольклорное же восприятие брака как неволи. Чехов показывает рутинность и силу обряда: герои боятся семейного рабства и в то же время стремятся соблюсти общепринятый ритуал. Так, в повести «В овраге» (1900) во время смотрин «Липа стояла у двери и как будто хотела сказать: "Делайте со мной, что хотите: я вам верю", а ее мать Прасковья, поденщица, пряталась в кухне и замирала от робости» [Чехов 1978: 150]. Жених Анисим также «не выражал ни удовольствия от того, что женится, женится скоро, на Красной Горке, ни желания повидаться с невестой, а только посвистывал» [там же]. Во время венчания Липа ничего не понимает, не придаёт значения происходящему. Свадебный ритуал изображается как слишком длинный, мучительный: «Блеск огней и яркие платья ослепили Липу, ей казалось, что певчие своими громкими голосами стучат по ее голове, как молотками; корсет, который она надела первый раз в жизни, и ботинки давили ее, и выражение у нее было такое, как будто она только что очнулась от обморока, – глядит и не понимает» [там же: 153].

В рассказе «Скрипка Ротшильда» (1894) *похороны* утрачивает свое сакральное значение, остается лишь дань когда-то существовавшему обряду: «Старухи-соседки обмыли, одели и в гроб положили. Чтобы не платить лишнего дьячку, Яков сам читал псалтырь, и за могилку с него ничего не взяли, так как кладбищенский сторож был ему кум. <...> Шли за гробом старухи, нищие, двое юродивых, встречный народ набожно крестился... И Яков был очень доволен, что всё так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: "Хорошая работа!"» [Чехов 1977: 153].

Именины упоминаются в таких рассказах А.П. Чехова, как «Корреспондент» (1882), «Единственное средство» (1883), «На гвозде» (1883), «Мои остроты и изречения» (1883), «Дочь коммерции советника» (1883), «75 000» (1884), «Беда» (1887), «Неприятность» (1888). В рассказе «На гвозде» (1883) именины описаны так: «Жена в день мужниных именин принимает начальников мужа одного за другим. Муж с гостями вынужден пережидать визиты в трактире». Как в ранних, так и в более поздних рассказах ритуал празднования именин – это формальные, вынужденные официальные торжества, нередко тягостные для всех («Именины» (1888), «Три года» (1895), «Человек в футляре» (1898)). Традиционный ритуал празднования именин, во время которо-

го происходит самоотождествление человека, подвергается разрушению.

В рассказе «Именины» (1888) чувство праздника у виновников торжества уступает место ощущению «каторжной работы». Приезд именинных гостей требует соблюдения светских формальностей: героиня надевает корсет, чтобы скрыть свою беременность, а вслед за этим подавляет и свои мысли о ребенке. Измученная героиня, раздираемая зовом природы и светскими правилами, гасит в себе материнский инстинкт ради поддержания никому не нужной игры, которой пропитан весь Петров день – праздник, о сути которого все забыли. В день именин Петра и Павла супруги отрекаются от своего ребенка мыслями, действиями, неискренними и пустыми словами. Ребенок, жизнь которого могла стать духовной опорой этим людям, уходит, оставляя после себя ничем не заполненную, пустую форму.

Таким образом, А.П. Чехов показывает, что рамки ритуально-символических форм поведения становятся тесными для его героев. В прозе Чехова звучит мотив изношенного, ложного уклада жизни, уродующего людей и отношения между людьми.

Проявлениям отдельных сторон бытовой обрядности отводится особое место в чеховских произведениях. *Церковная служба* (всенощная) в рассказе «Архиерей» (1902) тягостна для героя-архиерея. Ритуал изображается как слишком длинный, излишний, мучительный: «Как было душно, как жарко! Как долго шла всенощная! Преосвященный Петр устал. Дыхание у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали. И неприятно волновало, что на хорах изредка вскрикивал юродивый» [там же: 186].

Особая роль в чеховских текстах принадлежит *чаепитию*. Русское чаепитие – это универсальный культурный феномен, который затрагивает бытийную и обыденную сторону жизни человека. Традиционно чаепитие как *ритуал* означает окончание мероприятия во время застолья и объединяет всех участников события. В рассказе «Учитель словесности» (1889) вместо гармонизации происходящего, установления коммуникации во время чаепития – споры Никитина и Вари, нежелание услышать и понять друг друга, провал коммуникации: «Первый стакан все выпили с большим аппетитом и молча, перед вторым же принялись спорить» [там же: 313]. Отец говорит только о своем, постоянно повторяя слово «хамство», герои перебивают друг друга, собака лает. В рассказе «Невеста» (1903) герои во время чаепития также не слышат друг друга. Нарушение ритма приводит к распаду семьи, разрушению дома, неизбежным потерям.

Интересно, что в неритуальных действиях появляются черты ритуала: регламентированность, упорядоченность и буквальная повторяемость определенных слов и действий. Сама жизнь героя Чехова нередко становится сводом правил, течет по обычному, повторяющемуся порядку. Яркий пример тому – рассказ «Скрипка Ротшильда» (1894). В первой части рассказа жизнь Якова течёт без перемен, по обычному, повторяющемуся порядку, без указания определённого времени: в тексте используются глаголы несовершенного вида прошедшего времени и соответствующие обстоятельства (*жил, делал, всякий раз говорил, играл обыкновенно в оркестре, иногда приглашал* и др.). Яков Бронза и его жена приходят к одному и тому же фельдшеру, получают одни и те же назначения, которые лекарь произносит одним и тем же равнодушным голосом. Замкнутое пространство порождает цикличность, круговое движение.

Итак, огромное число чеховских текстов связано с изображением ритуалов. А. П. Чехов тонко уловил переходное состояние общества, которое проявилось в том, что разрушаются традиционные, патриархальные ритуалы, а взамен создаются новые, абсурдные. Более того, Чехов показывает недостаточность заранее установленных знаковых систем, когда выполнение предписанных этими системами действий приводит к нулевому результату. Пытаясь действовать в соответствии с традицией, герои становятся рабами бессмысленных обязательств, попадают в ситуацию комического несоответствия представляемого и сущего. В художественном пространстве прозы Чехова выстраивается уникальная чеховская философская система, суть которой состоит в отказе от завершенного взгляда на мир и, напротив, в постоянном развитии его.

Список литературы

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Ритуал // URL: http://encyclopediadic.slovaronline.com/P/РИ/53243-RITUAL (дата обращения: 2.04.2012).

Зингерман Б. И. К проблеме ритуала в пьесах Чехова // URL: http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=110&artID=277 (дата обращения: 02.04.2012).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Арустамова А. А.
Россия, Пермь

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В «ФИЛМОРСКОЙ ПОВЕСТИ» П. П. БАЛАКШИНА

П. П. Балакшин (1898–1990) – один из авторов русской эмиграции в США, чья литературная судьба была связана с Сан-Франциско. Целью данной работы является изучение способов репрезентации пространства и времени в произведениях цикла «Филморская повесть», чтобы понять специфику изображения жизни русских эмигрантов в контексте движения американской истории, особенности восприятия американского города носителями русской культуры и путей его обживания прибывшими в Сан-Франциско русскими.

Балакшин формулирует ключевую метафору – «несущий» элемент структуры цикла: улица Филмор как река жизни, питающая представителей русской диаспоры и определяющая их судьбу. Улица Филмор становится центральным пространственным образом, позволяя автору показать как судьбы отдельных персонажей рассказов-главок этой «повести», так и мозаику жизни русской диаспоры в контексте жизни целой страны, ставшей пристанищем для русских изгнанников и переживающей драматичные страницы своей истории: Великую Депрессию и начало Второй мировой войны.

В произведениях Балакшина Филмор показан как воплощение «танца жизни» – еще одна важнейшая авторская метафора произведений о Сан-Франциско. Писатель воспроизводит распространенную в культуре начала XX в. метафору танца жизни как прихотливого и единого в противоположностях потока жизни. Филмор как символ жизни вмещает в себя свет и тьму, ежедневное и выходящее за пределы обыденного, высокое и низкое, нежность и жестокость, любовь и преступления; это мир кипучей дневной энергии и ночной мир проституток и воров.

Это противоречие поддерживается противопоставлением дневного Филмора ночному. Дневной Филмор полон солнца, это царство «праздничного настроения», вызванного неиссякаемостью силы жизни. Улица кишит людьми, наполнена звуками (от воя кареты скорой помощи до духового оркестра Армии спасения) и ароматами. Ночной же Филмор – это пространство полыхающего света (огни реклам над Филмором, свет маяка), тревожного воя сирены, разрывающего

© Арустамова А. А., 2012

тишину и «беспокойный сон обитателей одиноких комнат» (1, 17). На протяжении всей книги Балакшин показывает двуликость Филмора (дневной парад жизни и зловещая ночная симфония), однако это не романтическое противопоставление дневного и ночного мира, а единство противоположностей, выражающее мысль о драматизме человеческой судьбы. Увиденные, подсмотренные на Филморе сценки его дневной и ночной жизни не просто вторят настроениям героев, но и оттеняют или предвосхищают драматизм происходящего или актуализируют семантику неиссякаемости жизни.

Автор дает характеристику повествованию, обозначая его эпический характер: сказ о Филморе. Эта эпичность, заданная в самом начале книги, поддерживается несколькими способами. Сюжетные линии героев рассказов создают единый сюжет жизни русской диаспоры в Сан-Франциско на протяжении около 20 лет, с начала 1920-х гг. до начала Второй мировой войны. Эпичность текста создается и за счет организации пространства и времени. Не случайно пространственные и временны*е* метафоры и образы также служат заголовками рассказов: «Филмор – река жизни», «Остановившийся маятник», «В одно воскресенье», «На следующий день» и др. Обитатели улицы Филмор – прежде всего русские эмигранты, чье прошлое неизбежно вторгается в их новую американскую жизнь. Сквозь американские контуры их жизни просвечивает русское, оставленная Родина. Как и другие писатели русской эмиграции, Балакшин показывает пути адаптации новоприбывших к американской жизни в Сан-Франциско Примечательно, что для многих из героев книги Америка – следующий после Шанхая этап жизни и пути в собственно географическом смысле.

Из мозаики воспоминаний героев (Иркутск, Дон, Шанхай, улочка детства, запах материнских домашних пирогов и уют детства) на протяжении книги вырисовывается общий для большинства русских эмигрантов в Сан-Франциско маршрут исхода из России. Для прозы Балакшина существенное значение имеет описание ландшафта. Если Эллис Айленд (Остров слез) был воротами для прибывающих в Нью-Йорк эмигрантов, то в Сан-Франциско попадали через пролив Золотые Ворота. Авторы произведений XIX–XX вв., в которых фигурирует Нью-Йорк (от В. Короленко до И. Ильфа и Е. Петрова), подчеркивали открытость пространства. Прибывающие в Нью-Йорк подплывали к нему со стороны океана, открытого огромного пространства, видя перед собой приближающийся символ американской мечты – статую Свободы. Оказаться же в Сан-Франциско можно было только пересекши узкий пролив и попав в бухту Сан-Франциско. Кроме того,

если Нью-Йорк и скрывается в легкой дымке, то, несмотря на это, небоскребы и статуя Свободы, как правило, хорошо различимы. Туман же Сан-Франциско более плотный и часто сопровождается – в прозе Балакшина – тревожным воем сирен острова Алькатрас, «как последний отчаянный призыв SOS, спасите наши души» (1, 49) и всполохами света с маяка. Герои одновременно движутся к финалу их географического пути (Россия – Китай – Америка) и к началу новой жизни, которую придется строить в новом мире, с ее взлетами и падениями, трудностями эмигрантского существования. Ландшафт западного побережья генерирует, таким образом, культурный смысл перехода в новый мир, где прошлый опыт необходимо забыть и начать жизнь сначала, переименовавшись из Федора в Тэда, из Худякова в Хувера и кардинально сменив круг занятий и образ жизни.

Иначе Балакшин показывает и процедуру прохождения эмигрантами иммиграционного контроля. В книге корабли входят в город через пролив Золотые Ворота; до выяснения обстоятельств часть из новоприбывших отправляют на остров Ангелов на эмиграционную станцию. Однако в отличие от авторов, рисующих страдания эмигрантов на Эллис Айленде (от Короленко до Горького и Шолом-Алейхема), Балакшин не живописует драматичный опыт ожидания своей судьбы вновь прибывшими. Вместо этого он насыщает символическим смыслом мотив прохода кораблей с эмигрантами через Золотые Ворота, которые становятся входом в новый мир, в иное.

Мотив перехода повторяется в книге Балакшина и в ином варианте. Поскольку Акимов[1] работает ночным сторожем на автомобильном пароме, в его обязанности входит осматривать и «сторожить палубу ферри Шаста» с огнетушителем от возгорания. Мотив огня / тушения сопровождает сюжетную линию Акимова, актуализируя у читателя / исследователя текста аллюзию на «Энеиду» Вергилия, где упоминаются огненные глаза Харона (книга шестая).

Ассоциативная связь с античными текстами, подчеркнем, проявляется в произведении не раз. Так, Акимов вспоминает ставшими крылатыми строки Публия Теренция Афера, бербера из Карфагена, «hinc illae lacrimae” («вот откуда эти слезы», цитата из комедии «Девушка с Андроса» – *А.А.*), сближая, впрочем неточно, их с текстом Пушкина: «Ему было приятно знать ... что сын африканского невольника, лучший поэт древнего Рима, сказал в одном из своих стихотворений hine illae lactimae <sic! – *А.А.*> и что другой африканский отпрыск, лучший поэт его страны, Пушкин ... повторил в

[1] Автобиографическая деталь: сам Балакшин так же, как и его герой, работал на автомобильной паромной переправе, пока еще не был построен мост Золотые Ворота.

русской версии то, что сказал Терентиус: «Откуда эти слезы»(1, 49)[2]. Вспомним также и тот факт, что именно в конце 1920-х (1928–30) другой писатель, американец, создает произведение, в основе первой части которого – тот же, но переиначенный, сюжет комедии Теренция: Торнтон Уайлдер «Женщина с Андроса», роман, быстро ставший популярным после его выхода из печати[3].

Музыкальные темы и мотивы играют центральную роль в произведениях Балакшина и неразрывно связаны с пространственными маркерами. Так, публичная жизнь русской диаспоры связана с рестораном «Москва» (показательна семантика названия, актуализирующая тему родины), в котором происходят встречи героев, события, значимые для судьбы всей русской «колонии» – литературные чтения, благотворительные обеды, собрания, вечер Тружеников пера.

Именно в этих «общих» эпизодах раскрывается социальная жизнь русской диаспоры. Писатель не жалеет красок, показывая пестроту ее состава. Смешались и стали равны в американском житье представители разных слоев российского общества, собирающиеся в ресторане кто – как посетители, а кто – как кельнер, музыкант или швейцар. Русскость подчеркивается и музыкальными мотивами, буквально пронизывающими текст рассказов, – смесь из городских романсов, обработок народных мелодий, которые играют Вася Штукарь и его балалаечники (среди которых в период Великой Депрессии оказывается ирландка Пат) в ресторане, оперных музыкальных тем и арий. Смесь высокого и низкого музыкальных стилей словно рифмует пеструю же смесь вкусов представителей диаспоры и пестрый их состав. На страницах книги звучат и романсы «Ах зачем ты меня целовала, жар безумных в груди затая», «Догорай, моя лучина, догорай», и ария Фауста, и музыкальная тема из «Ночи на Лысой горе» Мусоргского.

Музыка сопровождает героев на протяжении всего текста, являясь и маркером (хотя и не единственным) «своего» и «чужого» – одной из ключевых оппозиций в книге Балакшина. Молодое поколение, американизирующееся гораздо быстрее, чем старшее, вбирает в себя ритмы Америки, американскую музыку, предпочитает современные

[2] Цитируемые слова являются, однако, строчками из знаменитого, ставшего популярным ариозо Лизы (опера «Пиковая дама»). Таким образом, в приведенном эпизоде герой ошибочно контаминирует пушкинский текст и либретто к опере П.И. Чайковского. Музыкальные лейтмотивы являются составляющей образа Акимова, страстного меломана, что также носит отчасти автобиографический характер.

[3] Вполне вероятно, что Балакшин был знаком с творчеством Уайлдера, равно как и с циклом Шервуда Арденсона «Уайнсбург, Огайо», писателя, который, по общему признанию, оказал влияние на Фолкнера-создателя цикла романов о Йокнапатофе.

американские танцы. Балакшин, показывая этот процесс, использует несколько ироничную интонацию. Так, отдавая дань меняющемуся времени, хозяин ресторана Джимми Полс (переименованный на английский лад русский Дмитрий Павлушкин), завел «музыкального монстра» – «механическое пианино». «Посетители ресторана приняли новшество благосклонно, заметив, впрочем, что «что-то не так». На вопрос, «что же не так?», они возразили, что если бы инструмент вместо незнакомого вальса Мизури (Миссури – *А.А.*) сыграл бы «На сопках Манчьжурии», «то было бы так»» (1,38).

Ирония автора обращена в адрес стереотипизации, потенциальной опасности застывания форм публичной жизни диаспоры, пытающейся сохранить «свое» на чужбине. Так, молодая кельнерша Аня возражает Гаврилычу, наигрывающему «Ах зачем ты меня целовала»: – «Не обольщайтесь, Гаврилыч, не расстраивайте самочувствие! То, о чем вы дребезжите голосом и балалайкой, было давно и неправда...» (1, 221). А в эпизоде обсуждения программы музыкально-литературного вечера в ресторане «Москва» для поднятия «душевной бодрости» в период Великой депрессии после жарких прений участники «чтобы не быть в разрыве со славным прошлым», остановили свой выбор на «старых испытанных польке-бабочке и ... вальсике… «На сопках Манчжурии»! Что может быть роднее и отечественнее этих сопок!» (1, 139). Сам Балакшин, заметим, был достаточно чуток к уровню профессионализма эмигрантской прессы, литературы и форм «общественного самообразования».

Противопоставление «своего» и «чужого» происходит и с помощью «временно*й* метафоры» «маятник жизни». Для русской диаспоры и для американского общества этот маятник движется по-разному. Для американцев он останавливается в период Великой Депрессии, останавливая будто сам ход времени, для русских же продолжает мерно качаться, несмотря на ухудшающуюся экономическую ситуацию.

Писатель изображает русский и американский мир как обособленные друг от друга. Они связываются экономическими отношениями, в которые вступают герои рассказов: они ищут работу, находят, теряют ее, слушают религиозные песнопения чернокожих американцев, восхищаются строительством моста Золотые Ворота, именуются на американский манер, но живут внутри русского мира, русской «общины». Именно это понятие – «община» – появляется на страницах рассказов, составляющих книгу.

Балакшин показывает, как останавливается, разрушается мерное течение жизни американцев, рисует безработицу, отчаяние, толкающее

людей участвовать сутками в «абсурдных» танцевальных марафонах, сидеть месяцами в клетке, подвешенной к крыше домов, безостановочно кружить по городу в автомобиле. «В жизни же филоморских поселенцев маятник продолжал качаться без задержки и остановки. Днем работа, если она была или поиски ее... Настоящая жизнь начиналась вечерами на общественных заседаниях, балах, вечерах, семейных торжествах, встречах и разговорах в домашних столовых и ресторане «Москва» (1, 220). Автор подчеркивает, что нехватка средств компенсировалась помощью диаспоры, складчиной. «Свои» на Филморе помогают «своим» – от обеда в складчину до оплаты счетов отчаянно нуждающихся. Более того – помогают американцам (эпизод, когда русские работники кожевенного завода, разудалые парни, которых «босс» вынужден был уволить, в память о добрых с ним отношениях красят стены и приводят в порядок его дом).

В тексте возникает двойная оптика: с одной стороны, когда речь идет о «русскости», на уровне национальной идентификации, человек у Балакшина включен в жизнь диаспоры, ее активную жизнь. С другой же – человек, уже без различия национальности, в прозе Балакшина остается одиноким и отчужденным от других. Не случайно большинство героев рассказов живут в верхних этажах домов «с миллионами блох в коврах», темными лестницами, крошечными комнатами, населенными ворами, сумасшедшими и проститутками. Они мучительно переживают одиночество, тревожно прислушиваясь по ночам к вою сирен Алькатраса.

На протяжении книги американский мир и мир диаспоры почти не пересекаются. Более того, у русских поселенцев и время словно течет по-своему. Горечь утраты родины «умножает» протекающие на чужбине годы – маркерами времени становятся субъективное его переживание героями временно*г*о рубежа – времени отъезда из России («миллион лет назад», «давно-давно»). Однако ситуация меняется 7 декабря 1941 года, когда США вступили во Вторую мировую войну. Это переломное событие изменило судьбу многих русских поселенцев – ушедших на войну по призыву, приобретших новые профессии, ощутивших новый ритм жизни вместе с пробуждающейся Америкой. Финал книги – эпически панорамное описание пробуждения страны, размыкание времени отдельных судеб в большое историческое время. Есть в книге своего рода эпилог: описание судеб героев в период Второй мировой – краткий итожащий рассказ об основных героях, свидетельствующий о том, что жизнь русской колонии включается в жизнь Америки.

Список литературы

Балакшин П.П. Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. С-Фр – Нью Йорк – Париж – Торонто: Сириус, 1985. 360 с.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. 368 с.

Autobiography of Petr P. Balakshin / Finding Aid to the P. P. Balakshin Papers. 1929-1989. – The Bancroft Library. Univ. of California. Berkeley. P. 3. URL: http://cdn.calisphere.org/data/13030/8d/tf4f59n78d/files/tf4f59n78d. pdf (дата обращения: 12.04.2012).

Balakshin Family History. 1500–2001 / complied by Hellen Sommers, Maria Balakshin, Frank Sommers and Kathleen Smith. Richmond, California, 2001.

Rathmell, George. Realms of Gold. The Colorful Writers of San-Francisco 1850–1950. Berkley, California, 1998. 290 pp.

Бурдина С. В.
Россия, Пермь

АНТИНОМИЯ «ВЕРА – БЕЗВЕРИЕ» В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.БОГОМОЛОВА

Обратившись к творчеству пермского писателя В. Богомолова, сложно пройти мимо одной интересной особенности, которая объединяет фактически все произведения этого автора. Почти все повести и рассказы В. Богомолова воссоздают мир через призму явных или скрытых оппозиций. Именно эти противопоставления, порой, может быть, слишком прямолинейно преподнесенные читателю, помогают раскрыть авторскую позицию, провести отчетливые границы между добром и злом, светом и тьмою, небом и землей, духовным и материальным в жизни человека. Важно отметить, что художественные антиномии нередко становятся у В. Богомолова и структурообразующим фактором его произведений, т. е. именно они организуют сюжет отдельной повести или рассказа.

Рассказы В.А. Богомолова отражают христианский взгляд на мир. Верующие люди в его произведениях – настоящие герои, заслуживающие уважения, и это понятно: действие рассказов протекает, как пра-

© Бурдина С. В., 2012

вило, в богоборческие времена. Автор изображает своего верующего героя в различных ситуациях – переломных, кризисных, в моменты трагические, в минуты горя и раскаяния. И часто именно вера помогает этим людям выжить, спастись, обрести истину. По мнению В. Богомолова, только религия может возродить душу каждого человека в отдельности и всю Россию в целом.

Антиномия «религия – атеизм» (или «вера – безверие») характерна для всей прозы В. Богомолова; обратившись к творчеству любого периода, мы найдем рассказы или повести, где определяющей, а нередко и структурообразующей, предстает именно эта оппозиция. Читателю как бы предлагается возможность рассмотреть ту или иную коллизию с точки зрения верующего человека. Эта точка зрения раскрывается в первую очередь через высказывания героев. Но очень часто в рассказах можно расслышать и голос самого автора, который напрямую прорывается, например, в лирических отступлениях, необходимых, чтобы дать оценку какой-либо жизненной ситуации. Такие рассказы, как *«Скорбящий ангел», «Поездка на исчезнувшую родину», «Есть на свете река Иордан»* и другие, написаны в форме лирического монолога, и противопоставление автором религии и атеизма в них выражено особенно ярко. «*Есть на свете река Иордан*» – рассказ-размышление о необходимости беречь природу. «Без искренней веры в Бога невозможно вернуть благоговейное отношение к святыне» [Богомолов 2006: 216], – пишет автор. Природа – это святыня – вот главная мысль этого рассказа. Заканчивается произведение такими словами: «…облагороженный пикантной ученостью, изысканный и утонченный (толерантный!) атеизм – есть самая короткая дорога к Апокалипсису» [там же].

Типичным для рассказов В. Богомолова поворотом в развитии сюжета является наказание безбожников или неожиданное (часто под влиянием каких-либо событий) обращение безбожника к вере. В рассказе «*Иван да Ольга*» неверующий Иван Павлович заканчивает жизнь самоубийством, а Юрка Петров в рассказе *«Крик над Грачевкой»* пьет водку и устраивает пожар в собственном доме, пытаясь справится с чертями, которые ему привиделись. Показательной является и ситуация, описанная в рассказе *«Безголовый политрук»*, где на наших глазах человека настигает Божья кара. Во время Великой Отечественной войны у солдата, молящегося перед боем, политрук конфискует икону. Именно в этот момент пролетавший мимо снаряд отрывает ему голову. Герой рассказа *«Искупление»* Антошка Фролов всерьез задумывается о Боге, когда еле живой лежит на поле боя. Герой спасается – в этом ему

помогла вера, которую он, потерявший ноги и зрение, обрел, передвигаясь на вражеской территории в надежде выползти к своим.

Чаще всего герои – носители настоящей веры – противостоят у В. Богомолова обществу и резко контрастируют с остальными персонажами. Неверующих героев автор, как правило, наделяет отрицательными качествами, нередко их одолевают всевозможные пороки, в первую очередь пьянство. Достаточно красноречиво противопоставление героев по принципу вера – безверие проявляется и на уровне речевой характеристики. Если атеисты с пренебрежением говорят обо всем, что связанно с церковью (например, Юрка Петров называет иконы «облупленными досками» [там же: 41]), то для личности, олицетворяющей веру, характерно такое выражение, как «мил человек» [там же: 42]. Верующий герой у Богомолова, вступая в дискуссию с неверующим, никогда не кричит и не спорит, говорит поучительные вещи: «Бог открывается только святым людям, и то некоторым, очень праведным, а грешники видят чертей» [там же: 216].

В. Богомолов в своем творчестве нередко обращается к теме войны. Бо́льшая часть его рассказов о войне имеет духовное содержание, и это закономерно: «Великие войны и битвы, – считает В. Богомолов, – свидетельствовали, что вера в Бога только укрепляет любовь воина к Отечеству, и только утвердившаяся после революции 1917 г. новая власть России стала почему-то считать наоборот» [Богомолов 2008: 201]. Эта позиция автора ярко представлена во многих произведениях сборника «Поездка на исчезнувшую родину», но наиболее рельефно, наиболее сильно выражена она в рассказе *«Божьи рабы»*.

Сюжет рассказа чем-то напоминает сюжет кинофильма «Остров» П. Лунгина. Однако поразительное совпадение этих произведений, как мы выяснили в личной беседе с писателем, совершенно случайно. Но тем и показательнее, и симптоматичнее это совпадение. Подобный рассказ не мог не появиться в творчестве В. Богомолова: он удивительно соответствует индивидуальности этого писателя.

В конце Великого поста на исповедь к отцу Евгению пришел явно не церковный человек – Андрей. Он был пьян, но священник не прогнал его, а выслушал не совсем связную, но искреннюю речь. Исповедующийся рассказал, как во время Чеченской войны бросил раненого боевого товарища. Что было с товарищем дальше, Андрей не знает, но убежден, что его убили «духи». На самом же деле, как выяснит читатель позднее, человек этот чудом спасся. Сначала попал в чеченский плен, а после уничтожения бандформирования смог вернуться на родину и решил стать священником. Отец Евгений – это тот самый чудом спасшийся боец. Но Андрей так никогда и не узнает об этом.

Ни работа, ни семья, ни водка не помогли Андрею забыть совершенное когда-то предательство. «Откладывая и процеживая в разуме своем различные разговоры людей, он понял и уразумел, что церковь, батюшка, исповедь – последняя надежда его» [там же: 104], – этими словами рассказ заканчивается. Очевидно, именно в этих словах и заключается его центральная идея, импульсы от которой распространяются по всем линиям повествования, прорываясь в напряженных диалогах его героев.

Автор воссоздает жизнь и судьбу двух людей, которые совершенно разными путями пришли к Богу. «Но ведь тогда выходит, что все это не просто так, а для чего-то» [там же: 101], – думал Женька Созанов после возвращения из плена. Андрей же, человек, который «сроду в церкви не бывал» [там же: 92], идет в Храм за избавлением – в надежде освободиться от греха. Он не знает, как нужно вести себя в церкви, но душой чувствует, что исповедь – единственное правильное решение. В связи с этим автор приводит известные в христианском мире слова святого Тертуллиана, которые тот сказал про душу: «по природе своей она христианка» [там же: 93]. Святой Тертуллиан хотел сказать, что даже если человек воспитан без веры в Бога, со временем он всегда начинает ее искать, а если человек от Бога отступает, то только потому, что нечто внешнее на него воздействует.

В Православии все верующие люди называют себя рабами Божьими. Богословы утверждают, что слово «раб» в данном контексте не синоним слову «слуга», а признание власти Божией над всеми. Называя так свой рассказ, автор стремился подчеркнуть, что судьбы Андрея и Евгения в равной степени испытали действие Божьего промысла. Если бы Андрей спас своего товарища, в их жизни вряд ли что-то изменилось бы кардинально, и, возможно, ни тот ни другой не пришли бы к вере в Бога. Хотя и в этом случае судьбу этих людей сложно было бы назвать обычной. Человек воевавший всегда знает больше обыкновенного человека. На войне открывается изнанка жизни, в памяти солдат остаются вещи, не дающие покоя до самой смерти, такие, например, как воспоминания Андрея или героя песни Юрия Шевчука «Не стреляй!»: «И когда кто-нибудь вспоминал о войне, / Он топил свою совесть в тяжелом вине…».

Таким образом, антиномию «религия–атеизм» можно назвать одной из самых значимых в творчестве В. Богомолова. Именно отношение человека к вере играет нередко решающую роль при описании героя автором. Конечно, герои В. Богомолова меняются вместе со временем. Если в ранней прозе писателя его герои-атеисты были представителями поколения, «которое в Бога верить не научено» [там же: 90],

то в последних сборниках такие герои проповедуют так называемый «толерантный атеизм» (В. Богомолов). Они уже не оскверняют храмы, не сжигают иконы, однако постоянно пытаются найти доказательства того, что Бога нет. По мнению автора, они ничуть не лучше своих «предшественников»: «…изысканный и утонченный (толерантный!) атеизм – есть самая короткая дорога к Апокалипсису» [Богомолов 2006: 216] (рассказ *«Есть на свете река Иордан»*). Изменились и верующие герои В. Богомолова – также в соответствии со временем. Если в ранних рассказах православные – это, как правило, пожилые люди, чтящие традиции, то в современном творчестве писателя – это люди, пришедшие к вере нелегким путем, нередко ценой мучительных размышлений. Именно так пришла вера к героям рассказа *«Божьи рабы»*.

Претерпел эволюцию и стиль автора. При чтении ранних рассказов В.А. Богомолова возникало ощущение, что они были написаны для определенного круга читателей – для верующих людей. Авторская позиция была заявлена здесь достаточно бескомпромиссно. Герои этих рассказов, как правило, противопоставлялись один другому, а из конфликтных ситуаций выходили – в соответствии со своими убеждениями – либо победившими, либо проигравшими. В рассказах зрелого В. Богомолова авторская позиция подается не столь прямолинейно – автор стал более терпим, обрел ценное умение гибко, диалектично оценивать самые разные жизненные ситуации. Не случайно в его рассказах все чаще стали появляться элементы притчи, образы-символы, свидетельствуя об углублении философского начала произведений.

***

Лев Аннинский так размышляет о современной литературе: «Мне кажется, что сейчас люди снова потянулись к серьезному чтению. Пятнадцать лет был праздник самовыражения, все хотели как-то привлечь внимание… Я думаю, что слово никуда не денется. Слово, я убежден, – это самая емкая форма фиксации духа… Я ни о Викторе Ерофееве, ни о Владимире Сорокине, ни о Викторе Пелевине не сказал ни одного дурного слова. Я считаю, что они пишут, как умеют, но это эпоха такая, когда все ценности спускаются в унитаз. Я оцениваю не то, как писатель справился с творческой задачей, а что означает сам факт появления данной книги в нашей культурной реальности» [Аннинский 2008: 2].

Как бы ни оценивали критики современное состояние нашей литературы, какой бы критерий ни пытались положить в основу ее периодизации, одно несомненно: та ситуация, когда «все ценности спускаются в унитаз», проходит, а возвращается, хочется на это надеяться,

время, когда для русского писателя значимость человеческой личности вновь будет измеряться ее нравственно-философским эквивалентом – душою.

О чем бы ни писал В. Богомолов, к каким бы темам ни обращался в своем творчестве, в каких бы жанрах себя ни пробовал, именно душа – то главное, что заставляет его прозу пульсировать, светиться, быть притягательной для читателя. Казалось бы, сам смысл появления этого прозаика в литературе сводится к напоминанию о том, что такие важнейшие ее качества, как лиризм, присутствие живой души, – не покинули русского человека и никогда не покинут. Конечно, произведения В. Богомолова далеко не всегда совершенны. В них нетрудно обнаружить неточные, может быть, даже случайные строки, почувствовать некоторую прямолинейность. Но главное – в творчестве его нет и тени фальши. Проза В. Богомолова подлинна; уходя своими корнями в глубины личностного и народного бытия, она исполнена живой жизни.

С этой особенностью и связана, на наш взгляд, основная специфика образа мира В. Богомолова, реализованного через систему художественных антиномий, семантически значимых оппозиций: город – деревня, отцы – дети, вера – безверие. Преображенные контекстом современности, преломленные мироощущением автора, эти традиционные вопросы русской литературы зазвучали в творчестве пермского писателя по-новому, получили новые акценты, наполнились новым содержанием. Именно эти векторы художественного мира помогают высветить позицию автора, прояснить его систему ценностей, разглядеть главное в его героях, раскрыть специфику созданного В. Богомоловым образа малой родины, народного характера, выявить особенности национального сознания, воплощенного в его рассказах, – другими словами, воссоздать *уникальность художественного образа мира его произведений*.

Сейчас часто вспоминают одну из последних дневниковых записей, сделанных В. Шукшиным: «Важно прорваться в будущую Россию». Понять, что именно имел в виду писатель, до сих пор пытаются исследователи и критики. Собственно, каждый из современных художников так или иначе размышляет на эту тему – о том, «быть или не быть России», о том, в какой ипостаси состоится ее будущее. Свой ответ на этот вопрос дает и проза талантливого уральского автора Виталия Богомолова.

Список литературы

Аннинский Л. Гейзеры оживают под грязью // Независимая газ. 2008. 3 апр. С. 2.

Богомолов В. Молитва из маминого клубочка: рассказы. Пермь: Б.и., 2006. 222 с.

Богомолов В. Поездка на исчезнувшую родину: рассказы и повесть. Пермь: Б. и., 2008. 296 с.

Гашева Н. Н.
Россия, Пермь

КИНО КАК АКТУАЛЬНЫЙ ВИД ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сегодня, в условиях смены культурной парадигмы с вербальной на экранную, кино как вид экранной культуры следует рассматривать в качестве актуального вида искусства, способного с наибольшей полнотой выражать существо культурного самосознания и психологии своего времени. При этом киноискусство развивается в условиях новейших информационных технологий и создает новую эстетику с помощью виртуальных возможностей. Можно сказать, что кино создает сам образ времени на языке этого времени.

Кроме того, в ситуации перехода культуры от логоцентрического разума к разуму интерпретирующему, когда, по выражению М. Хайдеггера, интерпретацию следует трактовать не как способ понимания бытия – гносеологически, а как способ бытия человека – онтологически, – кино, в силу интегративности своей природы, может восприниматься как универсальная форма герменевтики современной культуры. Ибо кино оперирует не только и не просто определенным набором знаков, но набором стратегий их восприятия, набором методологических стратегий герменевтики.

Сегодня подлежит специальному выяснению, что представляет собой в наши дни философия культуры, какую специфическую информацию она может и должна добывать в условиях параллельного развития конкретных культурологических дисциплин и активизации различных способов художественного моделирования культуры. Современный этап развития культурологической мысли отличается широким развитием рядом с философским ее рассмотрением (а подчас и в конфронтации с ним) различных конкретно-научных культурологических дисциплин, с одной стороны, и форм художественно-образного

© Гашева Н. Н., 2012

постижения культуры – в прозе и поэзии, живописи и музыке, театре и кинематографе, – с другой.

Нам представляется, что современное российское кино вполне адекватно и внятно демонстрирует свое лидерство в контексте других искусств как репрезентативный для современной культуры вид художественного творчества, как форма культурного самосознания. При этом в рамках постмодернистского пространства современное российское кино осваивает новые стилистические формы художественного высказывания, сочетающие реализм и условность. Да и сам реалистический способ киноосвоения действительности претерпевает существенные изменения. Многослойность кинотекста, сочетающего различные языки и интегрирующего различные уровни восприятия, во многом обеспечивается за счет синтетической природы кино, впитавшего не только опыт литературы и других видов искусства, но и методологические открытия современного научного дискурса, философской и культурологической мысли. Как и спонтанный жизненный опыт, кинотекст воздействует на нас одновременно на уровне чувственно-эмоциональном, рациональном и интуитивном (подсознательном). При этом обоюдная активность автора, рецепиента и реального культурного контекста создают семантико-семиотическое пространство интерсубъективности. Современное российское кино выстраивает сложный нарративный рисунок, разбивая пространственное и временное единство, обращаясь к ассоциативности, опредмечивая сферы внутренней жизни человека, прибегая к аналитической, метафорической, декоративной и орнаментальной раскадровке пространства, когда изображение становится мыслью, словом, символом, а взаимопроникновение мысли и факта, наблюдения и авторской оценки претворяется в формах метафорического и символического киномонтажа.

Представляется возможным в многоликом пространстве современного российского кинопроцесса обозначить следующие семантико-стилевые тенденции: православно-христианская, этномифологическая, интертекстуальная и экзистенциальная. Нет смысла четко разграничивать их и выделять различные типы киновысказывания в рамках авторского кино, поскольку речь идет именно об авторском кино. Этих четких границ не существует в самом кинопроцессе. Можно говорить о диффузном характере их проявления. По сути, в каждом из рассматриваемых нами кинотекстов, присутствуют православные, этномифологические интенции при наличии интертекстуальных связей и общей экзистенциальной направленности того или иного произведения.

В начале XXI в. художественный постмодернизм находит яркое выражение в механизмах адаптации классических сюжетов к массо-

вым формам художественного сознания, в опыте ремейков произведений прошлых лет, в тиражировании культурного наследия, когда автор продолжает чужие, либо пристраивает собственные тексты к классическим. Ситуация, в которой нагромождаются приемы художественного заимствования, иронии – показательный и непременный атрибут кризисного состояния современной культуры. Современное российское кино научается схватывать, сопрягать и устанавливать нечто общее между явлениями, прежде казавшимися несопоставимыми. Художественное кино последних лет (см. «Яр» М. Разбежкиной по мотивам повести С. Есенина, «Путешествие Пети по дороге в царство небесное» Н. Досталя, «Палата №6» К. Шахназарова по рассказу А. Чехова, «Юрьев день» К. Серебренникова и др.) убеждает, что поэтические матрицы художественной мысли (ментальные архетипы, топосы) свойственны современной отечественной культуре при всей ее повышенной личностности, принципиальной оригинальности.

В полемике со структурализмом и рецептивной эстетикой нарратология выдвигает понятие глубинной повествовательной структуры, которая должна учитываться в «конфликте интерпретаций» и интенций автора и реципиента. При всем многообразии художественной реальности в названных кинофильмах матрицы (принципы поэтики) фиксируют некоторые ее общие особенности. «Приключения» русской идеи на уровне профанирования сакральных жанров мифа, сказки, притчи, в их синтезе с антиутопией, общность мотивов, инвариантность системы образов, композиции, темпоритм точки зрения, выражаемой в характере монтажа, – служат сигналами для создания у зрителя определенного ассоциативного ряда.

«Перекличка» художественных текстов отечественного кино убеждает, что русская идея не абстрактный предмет умозрительной философии, касающийся прошлого, не анахронизм, а реальное явление современной культурной жизни России, проблема, стоящая перед каждым, кому небезразлична судьба его родины. В центре внимания авторского кино проблема внутреннего раскола русского мира. Дилемма «культурная интеллигенция и народная почва» рассматривается кинематографом в контексте, заданном А. Солженицыным в его знаменитых обращениях к соотечественникам «Как нам обустроить Россию» и «Беглецам из семьи». Осмысление трагических событий русской истории XX в., распад всех связей, крушение жизненного уклада, опустошающий атеизм, духовное бездорожье, выраженное опять же в емкой солженицынской формуле «России, полностью проигравшей двадцатый век», – акцентирует ответственность и очевидную вину культурной личности за внутренний раскол российской жизни.

В фильме М. Разбежкиной «Яр» перед зрителем разворачиваются поразительные по своей поэтичности и драматизму картины народно-почвенной русской жизни с ее полуязыческим – полухристианским колоритом. Русская деревня начала XX в. Режиссер показывает противоречия этого бытия, где есть все: добро, зло, смирение, чистота, простодушие, хитрость, грех, жестокость. Именно народ хранит истины, без которых человеку невозможно, – вера, надежда и любовь, представление о естественной справедливости, «земном законе», выработанное всей жизнью народа, неразрывной с бытием природы. Фильм воссоздает архетипический универсум, пробуждая в сознании зрителя прапамять, создавая ситуации узнавания, опознавания сакральных смыслов бытия. Местные жители существуют внутри живого мифа и по его магически-анимистическим правилам, непостижимым логическим сознанием. В мифологическом топосе все возможно – здесь уживаются и добрые, и злые духи, возможно при помощи особого обряда изгнание ведьмы с обжитого людьми пространства. И никто не сомневается в том, что Бог живет и в деревне, и в лесу, и на реке. Бог повсюду, в избытке. Он освящает жилье и пищу, труд и урожай, рождение и смерть. «Конкретная метафизика» (П. Флоренский) почвенного бытия выразительно разворачивается перед зрителем в форме медленного монтажа, подробной (в стиле живописи И. Репина) реалистической детализации мира. Этот русский мир самобытен и внеисторичен – ни цивилизация, ни идеология не в состоянии его изменить, его можно только разрушить. Бегство героя-интеллигента в город, осознаваемое им самим как спасение своей личности для творческой созидательной жизни и освобождение от инверсии и энтропии национально-природного, иррационального, почвенно-созерцательного существования в режиссерской интерпретации трактуется как духовное банкротство. Метафизическая тотальность предательства оттеняется глубоко-символическим образом деревенской бабы-возницы, по-матерински покровительственно-жалостливой по отношению к оторвавшемуся от корней горемык – русскому страннику, заблудившемуся в хитросплетениях обстоятельств и бегущему от самого себя. Визуально-акустическая семиотика режиссерской точки зрения включает в структуру кинообраза культурософский контекст Н. Бердяева «нечто бабье в русской душе». Метафорически фильм символизирует трагическую судьбу С. Есенина, погубленного новым железным веком.

Фильм Н. Досталя «Путешествие Пети по дороге в царство небесное» разворачивает перед зрителем картину разрушения, вернее последствий разрушения естественного, органически-целостного русского мира. Персонажи В. Досталя тоже существуют внутри мифа, однако

совсем иного – искусственно сконструированного идеологами нового Советского государства. Речь о превращенном коллективном сознании и замещении реальности некоей квазиреальностью. Рабочий поселок где-то в Сибири, буквально сросшийся с лагерной зоной. 50-е годы XX в. Знаковая форма фильма красноречиво-символична и беспощадно передает горькие приметы парадоксального бытия советского населения, ворующего колючую проволоку для своих повседневных нужд, отделяющую ужасную жизнь врагов народа, томящихся в сталинском аду, от вольной жизни свободного трудового народа. Условность разницы этого убогого существования двух категорий советских людей очевидна для зрителя. Вся эстетика фильма провоцирует зрительскую память на постоянное сравнивание картины с классическими советскими фильмами эпохи социалистического реализма. Жизнеутверждающая музыка – оптимистический камертон всего фильма, выражающий типичное для эпохи коммунизма бодрое настроение народа, энтузиазм масс страны, где «так вольно дышит человек». В этом мире есть все, как и должно быть в советском фильме: трудовой подвиг шахтеров в забое, перевыполняющих план к государственному празднику; строгий, но справедливый начальник, воспитывающий несознательного рабочего; жалкий индивидуалист-интеллигент; советские дети, в порыве благородного негодования науськивающие лагерную овчарку на зеков; нарушители общественного порядка; бдительность, погоня за врагами советского строя и наконец трагическая гибель советского героя, выполняющего свой долг. Однако атмосфера гайдаровских рассказов для детей («Тимур и его команда», «Военная тайна», «РВС») лишь пародируется в фильме, выстраивающем систему кинокадров постмодернистски двусмысленно. Форма палимпсеста-текста, надстраивающегося над другим текстом, когда смыслы различных текстов переплетаются, вследствие чего возникает особый контекст, вбирает в себя полярно заряженные ассоциации и вызывает амбивалентные зрительские эмоции. Жутковатым обобщением, зловещим символом «околдованного» народа становится ритуальная сцена, своеобразный абсурдистский театр одного актера, когда больной подросток Петя, неадекватно воспринимающий мир взрослых дядей, разыгрывает приветствие вождя со стены вырубленного лопатой в снежном сугробе мавзолея, адресованное прогоняемой в зону колонне врагов народа. Персонажи фильма, живущие внутри идеологического мифа, действуют, думают, переживают по заданной мифом схеме. Поразительна сцена скорби в день смерти вождя: нищая старуха-зомби крупным планом, воющая возле тарелки репродуктора в жалком интерьере своего убогого жилища. Символически-иллюзорная реальность восприни-

мается коллективным сознанием как должная. Вот почему никого из взрослых не пугает детская жестокость к заключенным зекам – обыкновенный фашизм повседневной жизни советского человека. Начальник шахты глушит свою совесть классической музыкой, а культурный герой – врач-вредитель, космополит, – способен выразить свой тайный протест против режима лишь через сексуальный акт с женой начальника лагеря в прачечной местной больнички. Пародирование святости умственно-отсталого Пети, гибнущего, героически помогая представителям власти обезвредить опасного преступника, контрастирует с ясностью режиссерской точки зрения: этот бедный мальчик, возможно, единственный из всех жителей поселка, кто достоин рая. Поскольку всего только играл деревянным пистолетом и следил за порядком понарошку, никого не успел убить и ни на кого не успел донести.

Фильм К. Шахназарова – диалог с Чеховым. Если у Чехова Россия – это палата №6, то в фильме Россия – это огромная клиника для душевнобольных. Режиссер максимально сближает кинореальность с подлинной реальностью нашей повседневности. Фильм построен в жанре документальной хроники, череды сиюминутных интервью с врачом, медицинскими сестрами, психически больными людьми, знакомыми главного героя, то есть всеми реальными свидетелями истории его болезни. Крупным планом перед зрителем предстает страдальческое лицо доктора Рагина – российского интеллигента, решающего гамлетовские вопросы о смысле бытия, о цели собственной жизни, о Боге, и бессмертии. Весь джентльменский набор духовных исканий русского интеллигента разворачивается в знаковом контексте: на фоне книжных полок портреты Э. Хемингуэя, Дж. Леннона и В. Высоцкого. Дорогие сердцу шестидесятников имена, как отголоски былых интеллигентских иллюзий, разбившихся о жесткую действительность. На обломках рухнувшего мифа – слабый русский культурный герой, опустивший руки под грузом обстоятельств. Количественное преобладание зла в мире ослепило его, не различающего ценности маленьких, конкретных добрых дел, творимых маленькими, конкретными, обыкновенными и такими же слабыми, как он, а совсем не супергероями, людьми. Вместе с тем режиссер полемизирует с Чеховым, не оставляющим читателю утешения, – в фильме Господь посылает герою не только страдание, испытание, но и надежду, и человеческое участие, и ангела-хранителя. Может быть, именно теперь, потеряв свой докторский статус, оказавшись за больничной решеткой, герой и воскреснет для новой, осмысленной жизни, наполнив ее деятельным добром. Символическая рамка истории главного персонажа обозначена двумя крупными планами: в начале фильма – это умственно-отсталый паци-

ент клиники, молодой человек, с трудом произносящий слова искренней веры в окончательную победу добра над злом, и в конце фильма – лица двух смеющихся маленьких девочек, отсылающих зрительскую память к словам Иисуса Христа о невинных детях, не ведающих зла мира: именно им принадлежит царство небесное.

В фильме К. Серебренникова «Юрьев день» русская идея представлена как необходимость возврата культурной личности к «почве» с тем, чтобы, разделив с народом его судьбу, пожертвовав собой, отрекшись от себя, собственных амбиций на исключительность, выбрать смирение, страдание, спасти этот вырождающийся и гибнущий народ, помочь ему занять достойное место в мировой цивилизации. Взамен «почва» даст элите возможность привести ее нравственные ориентиры в согласие с православными идеалами, что является необходимым условием дальнейшего братского слияния элиты и «почвы» в целостный русский мир и его воскрешение. Сюжет фильма обращает зрителя к архетипической схеме возвращения к корням. Героиня фильма, примадонна, перед эмиграцией в цивилизованную Европу привозит сына на родину – в заброшенную русскую провинцию, забытую властями, оставленную на произвол судьбы благополучной элитой, спасающейся бегством с тонущего корабля. Однако не все так просто. Русский мир оказывается живым, пространство родины волшебно, оно не отпускает от себя просто так, посылает испытания, искушения, как в сказке, – троекратным повтором, предлагая героине три дороги, три судьбы, трех потенциальных сыновей, которых она никак не может узнать (мотив угадывания-узнавания – тоже из области чудесного). Амбивалентное русское пространство соединяет реальность и сверхреальность. Волшебный русский мир подбрасывает героине в качестве неких мистических подсказок столкновение с непознанным, загадки. Местные жители не понимают ее вопросов, русские люди живут как будто в двух совершенно разных «Россиях», приезжие для них – пришельцы с другой планеты. Мотив вавилонского столпотворения усиливается с появлением в кадре родственника хозяйки, у которой поселилась примадонна. Образ спившегося бродяги крупным планом в кадре представляет собой полную деградацию и первобытное полузвериное обличье осиротевшей без Бога, утратившей божий образ и подобие нации, изъясняющейся на смешанном наречии животных выкриков и дикой жестикуляции. Голос примадонны, старательно-профессионально исполняющей на непонятном простому народу итальянском языке оперные арии, пропадает, еще больше затрудняя общение интеллигентной героини со своим народом. И наконец, блуждая по городку среди трущоб и помоек в поисках утраченного сына, она

видит неопалимую купину – горящий ветхозаветный куст, увиденный Моисеем, которого Господь благословил на спасение своего народа. Чтобы общаться с Богом, человеку важнее иметь не голос, а слух, не случайно в финале картины героиню, решившую петь в церковном хоре, суровая регентша спросит, есть ли у нее слух («желающий слышать, да услышит»…). Воздух родины растворяет единственного сына героини, давая ей взамен других русских мальчиков, так же как и ее родной сын нуждающихся в материнской заботе, любви, помощи. Символика образного языка кино обыгрывает семантику христианских знаков, отталкиваясь от каламбура и пародии: подтягивающийся на перекладине ворот юноша как бы примеривается к распятию, а через несколько минут он примет крест настоящего страдания. Герой проходит через стеклянные двери на фоне креста, раскидывая руки, повторяя: «Бог или рацион?» Героиня в поисках сына тоже растворяется в воздухе родины, отказавшись от призвания, вступает на путь смирения и подвижничества. На том месте, где много лет назад был дом ее деда, теперь туберкулезный диспансер для заключенных. Слиться с народом, разделить его страдания – эта семантика визуально выражена в решении героини: она красит волосы дешевой стандартной краской местного производства. Вот теперь она ничем от них не отличается, теперь они понимают ее язык, их объединяет общий русский крест. Символика креста в фильме соотносима с еще одним важным библейским символом. Это – источник воды, утоляющий великую жажду в Ветхом Завете, когда Моисей ударяет посохом по камням, чтобы напоить свой народ в безводной пустыне, и наконец, откровение самого Христа-Логоса (вода вечной жизни), так просто открывшего свою миссию на земле в диалоге с самарянкой у колодца. В начале духовного испытания, выпавшего на долю героини, она никак не может вспомнить названия реки в городе своего детства. Все попытки узнать название реки у встречного местного народа напрасны, так как забыт столичной примадонной и сам народный язык – язык родины. Далее, измученная неизвестностью и бесплодными поисками сына, героиня, припадая к колонке, машинально утоляет физическую жажду, но не находит душевного утешения и освобождения от груза ментальной ответственности. Ее тщетная истерика, бунт, яростные попытки уничтожить источник воды – знак неготовности к подвигу терпения и смирения (с живой и мудрой жизнью, ее сокрытыми от человека таинственными законами). Символична сцена, в которой героиня спасает от смерти истекающего кровью уголовника в туберкулезном диспансера, где погибают последние представители брошенного государственной и преданного духовной элитой русского народа, по-

матерински прижимая его исхудавшее болезненное обнаженное тело к своей груди, обмывает от крови и грязи его голые ноги. Режиссерский монтаж отсылает зрительскую память к сюжету оплакивания девой Марией снятого с креста Иисуса Христа. Образ Богоматери, теряющей и оплакивающей сына, на Руси издавна был одним из самых сокровенных, как и системообразующий для русской культуры образ матери-земли. В фильме мать встает на путь жертвы, отдавая себя чужим чахоточным сыночкам, христианскому народу, принявшему в истории, по выражению, В. Соловьева, «образ раба».

Думается, что авторское кино, преодолевая ловушки постмодернизма, обращается к методологии христианского реализма (С. Франк), раскрывающего необходимость ответственности человека за активное проникновение в мир сверхмирной благодатной силы. Современное кино пробуждает в человеке генную память о существовании целостного национально-культурного Бытия и наличии своего предопределенного места в нем.

Развитие киноискусства связано со многими областями культуры – технически, мировоззренчески, эстетически. Являясь наиболее мобильным и коммуникативным из искусств, кинематограф образует наиболее подвижные формы интеграции с ними. Интеграционные процессы, начиная с XIX в., становятся одними из определяющих в мировой культуре. Процессы интеграции сопровождаются двумя тенденциями – к стандартизации и индивидуализации. Кино как образное самосознание современной культуры стремится к воплощению индивидуального, раскрывая через уникальность художественного общее состояние сегодняшнего мира. Противоречия современной культуры не поддаются индуктивному анализу. Необходима дедуктивная методология. Кино задает эту дедукцию само по себе, благодаря своей синтетической структуре, метафоричности, способностью к интегрированию интерферентных смыслов и интертекстуальных связей.

Гладких Ю. Г.
Россия, Пермь

АКВАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТАХ В. П. АСТАФЬЕВА: НЕКОТОРЫЕ МОДЕЛИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СДВИГОВ

Тексты В. П. Астафьева насыщены лексикой семантического поля «Вода», которая выступает как в прямом значении, выражая идею аквацентричности астафьевского взгляда на мир, так и в метафорическом переосмыслении. Акватические метафоры в тестах «Затесей» объединяются в регулярные модели категориальных сдвигов. В первом приближении охарактеризуем некоторые из них.

Итак, первая метафорическая модель «Семья, родственные связи – это вода», где аналогией с литьем писатель подчеркивает мысль о преемственности поколений, о духовном родстве матери и сына: *Давно-давно* ***душа в душу перелилась,*** *местом сменилась, и дано было это не понять, нет, лишь почувствовать самым талантливым сынам матерей и благодарно изваять лик ее на иконе…* («Печален лик поэта» [Астафьев 2003: 346]). Сближение человеческой души с водой – это своего рода астафьевская версия бессмертия души.

Вторая метафорическая модель «Жизнь – это вода» и «Вода – это жизнь» имеет обратимый характер и реализуется в сравнительно-метафорических комплексах, сложных текстовых построениях с нанизыванием семантически однотипных (антропоморфных и акватических) сравнений и метафор.

1) *Реки рождаются в блаженной, вечной тишине… Низкое, скупое на тепло и щедрое на свет солнце все же оплавляет спрессованные, тяжелые, как свинец, валы снегов, и разбегаются во все стороны юркие ручейки. Еще малые, еще хилые, тут же совсем близко сходятся они вместе и вперехлест, весело заплетаясь на ходу, катятся вниз по камням и осыпям. Вниз! Вниз! С хохотом и звоном. И уже не остановить их, не вернуть. Реки – что человеческие судьбы: у них много поворотов, но нет пути назад* («Марьины коренья» [Астафьев 2003: 22]).

2) *Жисть наша, как река после лесосплава – одне коряги остались, топляки, ломь древесная, жерди, мусор. Все путное вниз по Анисею уплыло, слепым потоком разнесено, по кустам застряло, по морям развеяно, по волнам рассеяно да перемолото. А мы толкали, мы толкали баграми, руками, шестами – плыви, жисть, к какому тебя берегу*

© Гладких Ю. Г., 2012

прибьет, как тебя изломает, одному Богу известно... («Слово умирающей тетки» [Астафьев 2003: 505]).

Как показывают примеры, межтекстовая обратимость тропов у В. П. Астафьева порождает обратное соотношение метафор и сравнений. В первом примере сравнение *реки – что человеческие судьбы* замыкает метафорический ряд, при этом сравнение основывается на одиночных метафорах, объединяющихся в ассоциативное поле «Детство»: это метафоры рождения, катания с горки, смеха, речи – *Вниз! Вниз!* С их помощью вводится идея активного начала, идея способности повлиять на жизнь-судьбу. Во втором примере сравнение, напротив, открывает метафорический ряд. По-видимому, можно говорить даже о целостной развернутой метафоризации сравнения *жисть наша, как река после лесосплава,* представляющей собой синонимический ряд метафор. Целостное метафорическое осмысление основывается в этом случае не на ассоциативном сближении, а на лексико-грамматических свойствах высказываний. В этом контексте происходит наложение двух семантических полей: лексического поля «Страдание» (слова с семой ‘хаос’ – *коряги, топляки, ломь древесная, жерди, мусор*) и грамматического поля «Пассивность» (писатель нанизывает страдательные причастия и односструктурные высказывания с безличной семантикой).

Обратимость метафорических комплексов в текстах «Затесей» для В. П. Астафьева не является случайным фактом. С ее помощью писатель создает макротекстовую кольцевую композицию, в которой отражаются разные представления о жизни и судьбе – в детстве, когда еще все впереди, и в старости, когда уже все позади. В детстве представляется, что можно повлиять на судьбу, отсюда и слова с активной семантикой; в детстве все житейские невзгоды кажутся незначительными, над ними можно возвыситься, их можно не принимать в расчет, поэтому и актуализируется идея смеха, хохота. В старости, напротив, человек может оглянуться назад и осмыслить, что над своей судьбой он был не властен (грамматическая пассивность) и радоваться нечему (лексика хаоса). В детстве кажется, что все дороги открыты – *разбегаются во все стороны… ручейки*, в старости – что есть только одна дорога, предопределенная свыше. Эта дорога – река *Анисей*. Так В. П. Астафьев подчеркивает значимость не абстрактного, всеобщего бытия человека в мире, а конкретной человеческой жизни.

Еще одна метафорическая модель «Творчество – это вода» представлена в текстах В. П. Астафьева двумя разновидностями, вскрывающими акватическую природу музыки и поэзии.

Так, синонимический ряд метафор, к которым относится аналогия «Музыка – это вода», передает идею смены музыкальной темы, мелодических нюансов и оттенков: *Пением органа наполнены своды собора. С неба, сверху,* ***плывет*** *то рокот, то гром, то нежный голос влюбленных, то зов весталок, то рулады рожка, то звуки клавесина, то говор перекатного ручья...* («Домский собор» [Астафьев 2003: 48]). Предельно широкое пространство мировой культуры, заданное синонимическим рядом, стягивается во времени: близкое В. П. Астафьеву пространство сибирских рек и питающих их ручьев, Средневековая Европа с замками и угодьями, Древний Рим и хранительницы очага – девственные весталки; здесь же мы видим влюбленных, чьи голоса плывут с неба, – всему этому есть одно время – время звучания органа, звучания, способного передать связи мировой и русской культуры как сущностно неразрывного, единого процесса, поскольку музыка передает динамическое состояние и «изображает не предметы, но ту их сущность, где все они слиты, где нет одного вне другого» [Лосев 1995: 443].

«Жидкостная» природа музыки – это самостоятельный образный сюжет у В. П. Астафьева. Значимость музыки открывается в особом «пространстве, определяемом такими крайними состояниями, как созидание или разрушение» [Топоров 1982: 328]. Именно поэтому у В. П. Астафьева плывущая музыка есть выход в запредельность, в вечность, способ преодоления смерти и границ мира, способ уйти от реальной действительности – войны, понять и постичь которую невозможно: *... я вдруг слышу музыку, с другого света, с другой планеты, с другого неба* ***плывущую****, прекрасную музыку, торжественную, разуму недоступную, поющую о другой какой-то жизни, мне неведомой, пробуждающейся под ясным небом, под светлыми звездами* («Мелодия Чайковского» [Астафьев 2003: 667]).

Аллюзии к музыке частотны у В. П. Астафьева. Возможно, это связано с тем, что музыка – это единственный вид искусства, не требующий и не содержащий визуального ряда, а значит, максимально соответствующий восприятию сущности вещей, а не их форм: «В музыке происходит абсолютное слияние звучания, впечатления, ощущения, и именно отсутствие визуальной "картинки" позволяет проникать через границы видимых форм к сущностям» [Бразговская 2001: 45]. Поэтому у В. П. Астафьева музыка – это явление сакрального порядка, сближенное с Богом и вечностью.

Единство людей, природы и Бога в большей степени проявляется в авторском сцеплении прямых и развернутых метафорических номинаций, в которых переплетаются обратимые метафоры воды: *С неба* ***лил-***

ся дождь**, с зонтиков **лился дождь**, по лицам людей **лился поток слез**, **омывающих** душу, иногда высокий чей-то голос срывался на рыдание, возносился над толпой, над этим **морем зонтиков**, **качающихся и плавающих в дожде** людской стихии, и тут же голос отчаяния и боли опускался с высот, соединялся с гласом народным – единый хор славил Пресвятую Деву Марию, Господа Бога, благодарил за деяния Его и милости, просил прощения, просил даровать счастье покаяния и любви к ближнему… Воплями, громкими рыданиями мольбы и раскаяния откликнулась огромная толпа возле храма. И все **текли, текли** по высоким стенам-стеклам, все **не иссыхали слезы небесные… («Открытие костела» [Астафьев 2003: 463, 466]). Как видим, идея единения подчеркивается не только лексическими средствами – прямыми и метафорическими номинациями, а также словами с семантикой единства – *соединяться, единый хор*, но и грамматически – синтаксическим параллелизмом, который, кроме этого, задает определенный ритмический рисунок текста, коррелирующий с ритмом церковного песнопения. Слезы небесные, по В. П. Астафьеву, становятся символом единения людей друг с другом и возвращения их к Богу, к его покровительству и милости.

Вторая разновидность модели категориального сдвига «Творчество – это вода» («Поэзия – это вода») имеет текстообусловленный характер и проявляется при обращении писателя к «чужому» слову. В тексте «Света» В. П. Астафьев открывается как тонкий, глубокий исследователь творчества поэтессы, своей землячки:

***Самопогружение** в себя, когда чувства утихают и лишь ощущение их, и слабое дыхание, иль отзвук его едва доносятся до слуха, когда **истаивают** краски, звуки, **мир вокруг делается в виде аквариума**, где сонно **плавают** цветные рыбки и даже чего-то изредка пугаются, стремительно прянув в искусственные **водоросли**, поднимая муть с искусственно созданного дна стеклянного **водоема**.*

Еще изредка зазвучат, напоминая о себе, реки с такими до слез родными, певучими и милыми названиями – Витим, Вилюй, Ангара, Енисей, – но они текут где-то так далеко, что уж кажутся запредельными, во сне виденными.

***… еще донесет с Ангары грохот ледохода**, звук прощального гудка, хватающего за сердце, еще заглянут в морозное окно московской квартиры родные скорбные лица – бабушки, братца, так и оставшегося в памяти маленьким мальчиком, еще улыбнутся ей приветливо, махнут **с травяного иль каменистого берега** рукой друзья…*

Но опять же ***и Вилюй, и Витим, ясноглазая Ангара в стихах все более и более усмирялись, умолкали****, становились похожими на сонные, ряской покрытые речки Средней России.*

Но у этих речек были и остались свои пронзительные певцы, прославлявшие хилые рощицы, боры в сибирский огород величиной, лесочки, садочки без мощи, бескрайности, без колдовской лешачьей тайности в глубине грозной тайги [Астафьев 2003: 576–584].

Использованные здесь номинации лексико-семантического поля «Вода» *Вилюй, Витим, Ангара, Енисей* призваны метафорически охарактеризовать тематику творчества поэтессы, специфику ритмомелодической структуры её текстов (*еще донесет с Ангары грохот ледохода; и Вилюй, и Витим, ясноглазая Ангара в стихах все более и более усмирялись, умолкали*), устанавливать творческие переклички поэтессы с другими авторами (*и Вилюй, и Витим, ясноглазая Ангара ... становились похожими на сонные, ряской покрытые речки Средней России. Но у этих речек были и остались свои пронзительные певцы*). Отчуждение поэтессы от мира, внешняя и внутренняя изоляция от людей и событий, поэтическое предчувствие смерти также осмысляется В. П. Астафьевым через развернутую акватическую метафору: *мир вокруг делается в виде аквариума, где сонно плавают цветные рыбки и даже чего-то изредка пугаются, стремительно прянув в искусственные водоросли, поднимая муть с искусственно созданного дна стеклянного водоема*. Конкретная метафора аквариума, искусственного водоема, становится астафьевским символом подобия жизни, и следовательно, не-жизни.

Особое место среди акватических метафор занимает окказиональный глагол *встраиваться*, порождающий широкий ассоциативный спектр: *В тихую лирику поэтессы постепенно начали* ***встраиваться*** *мотивы одиночества, неизбывной печали, но по-прежнему почти не было жалоб на свою судьбу, проклятий прошлому времени, вилюйским баракам, обвинений гонителям и погубителям людей*. Слово *встраиваться* фонетически близко слову *встраиваться*, поэтому в нем содержится идея строя, порядка, гармонии. Но слово *встраиваться* имеет шлейф ассоциаций, связанных с производственной, технической практикой человека, с приложением человеческих усилий для достижения какой-либо цели. В. П. Астафьеву же важно было подчеркнуть неподконтрольность, стихийность творчества: автор не властен над тем, что найдет отражение в творчестве. Вместе с тем, формальное сближение слов *встраиваться* и *встраиваться* приводит к отсвету мотивирующих идей гармонии, порядка (строя) в окказиональном слове.

Кроме того, слово *вструиваться* семантически близко глаголу *литься*, но использование последнего, где значима сема ‘интенсивность’, привело бы к актуализации древнего, анимистического представления о шумах природы как природном голосе, немолчности, динамичности бытия, а для В. П. Астафьева принципиально важно обозначить идею имеющей самостоятельную, изолированную силу стихии, что точнее соотносится с последующей темой одиночества и неизбывной печали: *В тихую лирику поэтессы постепенно начали вструиваться мотивы одиночества, неизбывной печали, но по-прежнему почти не было жалоб на свою судьбу, проклятий прошлому времени.* Так В. П. Астафьев говорит о том, что стихи поэтессы позднего творческого периода – это мелодия запредельности, предчувствия вечности.

Художественная картина мира, воплощенная в текстах поэтессы, по В. П. Астафьеву, имеет акватическую природу. Именно поэтому наиболее адекватная художественная форма для описания ее картины мира – слова с аквасемантикой, когда соединение естественности человеческого и природного оказывается знаком исключительности. Рассуждая об особенностях дарования поэтессы, В. П. Астафьев обнаруживает и свое видение сущностных сторон бытия: в тексте «Света» посредством регулярных метафорических сдвигов выражается и астафьевская картина мира – акватическая по своей сути.

Список литературы

Бразговская Е. Е. Текст в пространстве культуры («*Sny. Ogrody. Sérénité*» Ярослава Ивашкевича): монография. Пермь, 2001. 114 с.

Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // *Лосев А. Ф.* Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 405–502.

Топоров В. Н. Поэт // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1982. Т. 2. С. 327–328.

Список источников

Астафьев В. П. Затеси. Красноярск: Вся Сибирь; Красноярское книжное изд-во, 2003. 688 с.

Загороднева К. В.
Россия, Пермь

РЕЦЕПЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА И ГОГОЛЯ В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»

Актуальная для современной литературы проблема формирования авторской самоидентичности [Абашева 2001] в условиях «энтропийного, деструктивного характера современного сознания» [Маркова 2003: 241] и идентичности героя, символизирующего идею шаткости, раскола, порога, и связанная с этим проблема преступания границы как способа познания отчасти разрешается обращением к творческой памяти в художественной культуре. Интерес современного научного знания к теме «взаимовлияний литератур и поиску истоков этих взаимовлияний» [Киселева 2012: 4], к проблеме осмысленного оформления мира в условиях идеологического разлома, когда происходит столкновение различных концепций литературного и экзистенциального характера, диктует свои условия установления многообразия связей произведений писателей-классиков с современными авторами и обусловливает наш интерес к исследованию темы рецепции произведений Пушкина и Гоголя в творчестве Д. Рубиной.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить диалогическую составляющую произведения «Почерк Леонардо» (2007–2008), первого романа трилогии «Люди воздуха», посредством обращения к пушкинскому и гоголевскому текстам, вскрыть художественную природу интерпретации отдельных произведений классиков, проследить «классическую традицию “похищений”», которая состоит в переносе «чужих поэтических строк» в свой текст [Осповат, Тименчик 1987: 310]. Такая проекция исследования высвечивает присутствие образных элементов, параллелей и сопоставлений, которые нашли итоговое воплощение в романе, поскольку судьба литературного произведения складывается не только из «эволюции его общей концепции в читательском восприятии», но и судеб «самых малых, самых дробных частей его вплоть до отдельной строчки» [там же].

Становление художественного мировоззрения Д. Рубиной приходится на своеобразный *сдвиг* культур, когда обозначаются существенные изменения в восприятии мира и происходит формирование новых художественных систем, подчас отрицающих опыт предшествующих. Объединение двух крупных писателей в одной статье объясняется как

© Загороднева К. В., 2012

их *сплоченностью, слитностью* в архитектонике романа «Почерк Леонардо», так и *восприятием* их имен через проекцию Серебряного века, в частности, творчества Д. Мережковского, в произведениях которого наиболее концентрированно выражена проблематика преступания границы, связанная с трансформацией идеи сверхчеловека. Наряду с художественными произведениями писателя (трилогия «Воскресшие боги») учитываются и его литературно-критические работы (статьи «Пушкин», «Гоголь и черт»). Связь художественных образов в романе Д. Рубиной с контекстуальной выразительностью и художественной практикой Серебряного века образует единый поэтический комплекс образов-символов: «белая голова», «вещая птица», «каменный гость», «медный всадник», «правдивое зеркальце», «спящая царевна», «белая панночка», «красная свитка», «гладкое место» и др.

Известно, что рецепция литературных произведений *участвует* в обновлении художественного языка, образной системы, *инициирует* возникновение новых тем, мотивов и проч. В романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» на образно-тематическом, ритмико-композиционном и стилистическом уровнях произведения прослеживается связь со стихотворением Пушкина «Утопленник», поэмой «Медный Всадник», маленькой трагедией «Каменный гость», сказками «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», ранней поэмой «Руслан и Людмила» и др. Особенно очевидна в романе Д. Рубиной образная параллель с *отрубленной головой* пушкинских персонажей и пророчеством гадалки Кирхгоф о смерти Пушкина от *белой головы*, тесно связанная с мотивом расчленения, характерного в целом для творчества писательницы. Образ огромной головы витязя, служащей препятствием для Руслана, построен на сказочных приемах и контрастных противопоставлениях высокого витязя и карлика Черномора, который из зависти отрубает брату голову: «Мой дивный рост от юных дней / Не мог он без досады видеть / И стал за то в душе своей / Меня, жестокий, ненавидеть <…> Как вихорь свистнул острый меч, / И прежде, чем я оглянулся, / Уж голова слетела с плеч» [Пушкин 1992: 56, 58]. Преимущество карлы заключено в его бороде, в которой «таится сила роковая». Примечательно, что во втором романе упомянутой выше трилогии коллекционер Босота отмечен высоким ростом (почти два метра) и бородой, скрывающей раздвоенный, как копыто, подбородок, а его величие снижает упоминание о половом бессилии, присутствующее в тексте. Ср. у Пушкина: «Ревнивый, трепетный хранитель / Замков безжалостных дверей, / Он только немощный мучитель / Прелестной пленницы своей» [там же: 46].

Лейтмотив зеркала в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» непосредственно переплетается с аллюзиями из сказки Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». В сказке разгневанная царица после нелицеприятных слов зеркальца называет его «мерзким стеклом» и объясняет причину, по которой дочь покойной родилась «белолицей»: «Ах ты, мерзкое стекло! / Это врешь ты мне назло. / Как тягаться ей со мною? / Я в ней дурь-то успокою. / Вишь какая подросла! / И не диво, что бела: / Мать брюхатая сидела / Да на снег лишь и глядела!» [Пушкин 1992: 86]. Мачеха Маша в романе «Почерк Леонардо» сходит с ума и, по словам Христины, «уси дзеркала вокруг разбыла, так то ладно, дома мы уж усэ попряталы, но она ж норовит и у окнах стеклы бить». После очередного Машиного приступа Толя прежде всего избавляется от зеркала в прихожей: «Снял тяжелое старинное зеркало в резной овальной раме, и – “черт, словно покойник в доме!” – в кладовке отвернул его к стене» [Рубина 2011: 225–226, 228]. В письме к Анне, которое расположено после главы, посвященной Маше, Сеня называет главную героиню «свет мой, зеркальце».

Интересно, что в сказке Пушкина зеркальце пять раз отвечает мачехе на ее вопрос, ровно столько частей в исследуемом нами романе. Зеркальце всегда сообщает мачехе правду. Как только царица разбивает зеркальце, она почти сразу умирает: «Об пол зеркальце разбив, / В двери прямо побежала / И царевну повстречала. / Тут ее тоска взяла, / И царица умерла» [Пушкин 1992: 112]. В смерти, «столь быстро наступившей после разбития зеркала, можно увидеть воспроизведение весьма архаичного представления о связи между человеком и его иконом: тенью, отражением, изображением <…> зеркало не только всезнающий собеседник царицы, но и непосредственно ее двойник. Уничтожив своего двойника – будь это двойник в зеркале или само зеркало – царица должна была умереть и сама» [Золян 1988: 35]. На наш взгляд, царица умирает от тоски, а разбитое зеркальце лишь предвосхищает смерть.

Наряду с хрупким зеркалом (и стеклом) в романе Д. Рубиной заметен интерес к твердому металлу (и камню), что обусловливает присутствие скульптурной темы в романе «Почерк Леонардо». Образ статуи и «миф о губительной статуе» играл значительную роль в контексте жизни и творчества Пушкина. Среди «выдающихся поэтических созданий Пушкина выделяются три произведения, названия которых указывают не на живое действующее лицо, но на статую, скульптурное изображение, и в каждом случае эпитет обозначает материал, из которого сделана статуя: трагедия “Каменный гость”, поэма “Медный Всадник” и “Сказка о золотом петушке”» [Якобсон 1987: 166, 147].

Образ главной героини романа Д. Рубиной Анны отчасти строится на реминисценциях и аллюзиях произведений Пушкина, посвященных *губительной статуе*. «Мальчиковая фигурка» девушки и сравнение ее облика с утонченной статуей «Давида» Вероккье дополняется *тяжеловесностью* характера Анны, *окаменелостью* чувств по отношению к подруге и опасностью присутствия для Женевьевы: «Просто… на тебя так хочется смотреть… Ты похожа на мальчика, на “Давида” Вероккио… <…> Черная злобная ведьма, ты насылаешь смерть! <…> Ты вертела мною столько лет! <…> Как я ждала твоих приездов! Как лежала тут одна, подушку грызла под грохот твоего отъезжающего мотоцикла» [Рубина 2011: 398, 524, 525].

Упоминание об античном Минотавре, монстре с головой быка и телом человека, в случае с Женевьевой символизирует «тиранию», «скрытую деструктивность» и «подавленные желания» [Тресиддер 2001: 223]. Примечательно, что образ самой Женевьевы отчасти строится на *развертывании* строчки из маленькой трагедии Пушкина «как на булавке стрекоза», оттеняя образ Анны. Талантливый фотограф, форматор «Цирка Дю Солей», Женевьева создает гипсовые головы вновь пришедших артистов, распиливает гипсовые торсы и проч.: «Женевьева колдовала над гипсовым торсом. Склонилась над столом, щуплой спиною к Анне. Забавная фигурка: стрекозьи ножки, трогательно торчащие из шортов, кожаный фартук, завязанный сзади бантиком» [Рубина 2011: 392]. Описание субтильной фигуры контрастирует с занятием девушки, которая подвергает циркачей получасовой смерти, «замуровывая в стенку, начиная с головы». Мотив двойника преломляется за счет контрастного столкновения изящной внешности двух девушек и их исполинских способностей расчленять души людей (Анна) и тела статуй (Женевьева).

Мотив каменного гостя в сочетании с мотивом развенчанного кумира переплетается с образом всадника на коне, упоминаемом в романе: «Эй, всадник! – сказал кустистый. – Ты куда мчишься? В зеркалье? – И пригласительно распахнул дверь» [Рубина 2011: 164]. Став каскадером, Анна совершает сложные манипуляции с мотоциклом, разгоняет его до бешеной скорости. С одной стороны, мотоцикл становится для девушки возможностью настигнуть, застать врасплох близкого человека, с другой – способом убежать от действительности и от самой себя. В «Медном Всаднике» Пушкина «титаническая мощь каменного гостя» соединяется с «титанической мощью изображаемого лица, царя Петра Великого – “чудотворца-исполина” – и его символического партнера, его коня. Однако в сказке, наоборот, статуэтка – “петушок на спице” – почти уподобляется “стрекозе на булавке” <…>

Но независимо от всех этих вариаций сохраняет силу *магия зла*» [Якобсон 1987: 148].

Последняя сказка Пушкина «Сказка о золотом петушке» привлекает внимание современных исследователей игнорированием жанровых канонов и таинственным поведением Звездочета, требующего у Дадона Шамаханскую царицу [Фомичев 2006]. Особенно занимателен образ петушка. В статье «Последняя сказка Пушкина» А. Ахматова пишет: «Принято считать, что в пушкинской сказке петух – “живой”. Однако стих “вдруг раздался легкий звон” как будто противоречит этому» [Ахматова 1977: 18–19]. С. Фомичев как будто развенчивает сомнения поэта, подчеркивая, что «звон (легкий!) все же исходил не от петуха, а от спицы, на которой он сидел», и, апеллируя к рисунку Пушкина к собственной сказке, продолжает: «На титульном рисунке Пушкина <…> петух изображен вполне живым» [Фомичев 2006: 14]. Однако Р. Якобсон акцентирует *искусственность* птицы и материал, из которого она *создана*, поэтому петушок в его интерпретации – настоящая «золотая птица»: «“Легкий звон” ее полета напоминает и одновременно смягчает “тяжело-звонкое скаканье” Медного Всадника» [Якобсон 1987: 149–150].

Поэтическая орнитология Д. Рубиной в романе «Почерк Леонардо» представлена образами наиболее часто встречаемых птиц – это попугаи, гуси, голуби. Повышенное внимание уделяется горбуну и говорун попугаю Говарду, питомцу Женевьевы. Попугай – «вестник, посредник между человеческим и потусторонним миром – символика, совершенно очевидно произошедшая от способности этой птицы имитировать речь человека» [Тресиддер 2001: 288]. Лейтмотив чудесного помощника в «Сказке о золотом петушке», трансформируется в романе «Почерк Леонардо» в мотив неблагодарности птицы по отношению к своему спасителю. Говард набрасывается на Женевьеву, чтобы заклевать хозяйку и таким образом спасти Анну. В то время как золотой петушок в отместку за смерть мудреца губит своего нового хозяина Дадона, влюбленный в Анну попугай целится клювом в единственную хозяйку: «Женевьева его из какого-то питомника взяла умирающим птенцом. Его выбраковали, и ясно почему: мало того, что горбун, у него еще какая-то болезнь перьев была, они все повылезали. Женевьева из пипетки его выкормила» [Рубина 2011: 190]. За счет обращения к тексту Пушкина Д. Рубина углубляет орнитологическую символику, сближая петушка и попугая в трактовке мифа о птичьем оракуле, что делает художественный мир ее романа многомерным и уникальным.

Реминисценции к произведениям Гоголя усиливают мистическое начало, характерное в целом для произведения «Почерк Леонардо».

Цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» и петербургские повести Гоголя можно бесспорно отнести к важным источникам, используемым Д. Рубиной при создании собственной художественной системы и образности в романе «Почерк Леонардо». Панический страх Анны перед оборотнем-альбиносом и исчезновение ее тела под водой сближает героиню с панночкой из повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Мачеха-ведьма посещает «белую панночку» в образе «страшной кошки». С одной стороны, нежелание девочки называть *ма*чеху *Ма*шу «*ма*мой», сближают Машуту с образом злой мачехи-завистницы, с другой – сама Анна близка к образу ведьмы, о чем свидетельствуют ее ясновидческие способности, перевязанная левая рука, соотнесение себя с ведьмой: «Потому, что я – ведьма» [Рубина 2011: 403].

Мотив дара-подарка (в случае с Анной – ясновидения), навязанного герою, материализуется у Гоголя в образе красной свитки: «На ярмарке случилось странное происшествие: все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась *красная свитка*» [Гоголь 1994: 36]. Вещь «расположена в центре гоголевского мироздания <…> Герой “Шинели” – *мертворожденный*, и это вполне согласуется с тем обстоятельством, что *фамилия*, то есть *род* героя, происходит от *вещи*, от башмака» [Вайскопф 2003: 49, 83]. Персонажи «Сорочинской ярмарки» избегают сделки с нечистым, поэтому *волшебный предмет* или сам *прицепляется* к ним, или его подкидывают.

Интересна в связи с этим параллель с другой современной писательницей Н. Садур, в чьем творчестве тоже обнаруживаются мистические мотивы и прямые отсылки к Гоголю. В коротком рассказе С. Василенко «Синяя кофта Нины» прослеживается тесная связь вещи со своим обладателем: «У Нины Садур была синяя кофта. Старая-престарая. Вся в каких-то свисающих нитках. Нина эту кофту очень любила и носила ее очень долго <…> на нее в то время всякие несчастья просто сыпались» [Василенко 2011: 109]. Несмотря на то что цвет гоголевской свитки (красный) и материал (домотканое сукно) заметно отличаются от кофты Н. Садур, апелляция к Гоголю заметна даже в построении фразы: ср. «где-то между товаром показалась *красная свитка* / где *синяя кофта* теперь – неизвестно». В случае с рассказом о вязаной кофте возникает дополнительная ассоциация с богинями судьбы Парками. Ср. у И. Бродского: «Три старухи с вязаньем в глубоких креслах / толкуют в холле о муках крестных».

Мотив дара-подарка отчасти материализуется у Д. Рубиной в зеркалах, постоянно сопровождающих героиню, и во внутреннем зеркале – всевидящем оке – третьем глазе. В романе акцентируется внимание

на отсутствии интереса у Анны к вещам как таковым и наличие лишь маленького рюкзачка-спутника за спиной. Переосмысляя тему искушения в мировой культурной традиции и, в частности, в «Шинели» Гоголя, писательница намеренно подчеркивает бунтарский отказ Анны как от своего пророческого дара, так и от красивых вещей. В отличие от героя «Шинели», который «гибнет от “ничего”, от устремленности на ничтожный, негодный объект» и, становясь «чиновником-мертвецом, сдирает “со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели”», равнодушная к вещам, но бесконечно преданная творческому полету, героиня Д. Рубиной как бы доказывает тезис о «*голом* факте *равенства* всех под всякого рода мехами и кожами», так как «все уравнены скрытой под ними *собственной* кожей каждого» [Бочаров 2011: 68, 69, 70]

Исчезновение Анны вместе с мотоциклом под водой воплощается и поэтизируется у Д. Рубиной в образе-топосе *гладкого места* и симптоматично стремлению героини *не прикреплять себя к месту*. Образ заколдованного места, «присутствующего у Гоголя *повсеместно*» [там же: 60], разворачивается у Д. Рубиной в образ-символ заколдованного *пространства*, в котором посюсторонний и потусторонний миры тесно переплетаются и взаимодействуют.

В своих интервью Д. Рубина никогда не скрывает глубокого погружения в процесс чтения как начального этапа работы над очередным романом. Круг чтения писательницы достаточно широк, многообразен и не ограничен художественной литературой. На примере романа «Почерк Леонардо» мы выяснили, что писательница обращается к знаковым статьям и именам критиков (Д. Мережковский), поэтов (А. Ахматова), исследователей (Р. Якобсон, М.Вайскопф) и др. В результате диалога с произведениями классиков и работами ученых в романе Д. Рубиной возникает эстетическое напряжение, обусловленное временными и индивидуальными различиями.

Пытаясь очертить проблемное поле напряжения своего порубежного времени, Д. Рубина виртуозно интерпретирует произведения Пушкина и Гоголя, творчески-активно переосмысляет их, поднимает философские вопросы о значении непреходящих духовных ценностей. Воспринимая имена классиков через проекцию Серебряного века и знаковые статьи современных исследователей, писательница вычленяет необходимое, и через эту вязь хитросплетений и чересполосицу образов ярко просвечивает игровая установка романа. Истоки творческого кредо Д. Рубиной, на наш взгляд, заключаются в эстетизации и лиризации повествования, а неповторимое авторское видение – в апелляции к

образам мирового искусства через призму русской культуры в целом и отдельных писателей, чьи имена являются именами-знаками для нее.

Список литературы

Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX в.: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 319 с.

Ахматова А. О Пушкине. Статьи. Л.: Советский писатель, 1977. 320 с.

Бочаров С. Г. Заколдованное место // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. СПб.: Петрополис, 2011. С. 60–70.

Вайскопф М. Поэтика петербургских повестей Гоголя (Приемы объективации и гипостазирования) // М.Вайскопф Птица тройка и колесница души: работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 47–105.

Василенко С. Обнаженная натура. Рассказы из жизни // Новый мир. 2011. № 7. С. 108–126.

Гоголь Н.В. Избр. В 2-х т. М.: АО «Прибой», 1994. Т. 1. 576 с.

Золян С. Т. «Свет мой, зеркальце, скажи…» (к семиотике волшебного зеркала) // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. Вып. XXII. С. 32–44.

Киселева М. В. Понятие границы: рецепция Ф.М.Достоевского в австрийской литературе (Ф.Кафка и Р.Музиль): автореф. дисс. …. канд. филол. наук. М., 2012. 36 с.

Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В.Маканин, Л.Петрушевская, В.Пелевин). М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. 268 с.

Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить…». М.: Книга, 1987. 350 с.

Пушкин А. С. Сказки. Пермь: Урал-пресс, 1992. 142 с.

Рубина Д. Почерк Леонардо. М.: Эксмо, 2011. 576 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 448 с.

Фомичев С. О жанровой природе сказок Пушкина // Русская литература. 2006. № 1. С. 3–19.

Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Р. Якобсон Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.

Коннова М. Н.
Россия, Калининград

АКСИОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «Я ПОНЯЛ ЖИЗНИ ЦЕЛЬ И ЧТУ...»[1]

Концептуальный анализ художественного произведения, нацеленный на выявление глубинных когнитивных и семантических пластов текста, раскрывает особенности преломления национальной концептосферы в авторской картине мира. Художественный концепт предстает как «сложная содержательная структура, в которой сливаются воедино индивидуально-авторское понимание и традиция национального употребления ... концепта» [Туктангулова 2004].

Богатство русского языка, как отмечал Д. С. Лихачев, определяется не только обширностью лексики и «грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации. <...> Постоянное обращение к молитвам, к богослужебным текстам, и особенно к Псалтыри, к текстам на церковнославянском языке на протяжении тысячелетия служило важнейшим источником обогащения концептосферы русского языка. Церковнославянские слова, выражения и формы слов служили не только расширению русского литературного языка и просторечия, но и вносили оценочный элемент в мышление» [Лихачев 2012]. Анализ идиолекта творческой личности, позволяющий выявить отношение автора к ценностному потенциалу национальной лексики, помогает уяснить особенности преломления в индивидуально-авторской картине смысловых доминант национальной культуры [Кудинова 2010: 76].

Категория времени играет ведущую роль в структурировании авторской картины мира. Временные координаты мира, как указывает К. Н. Рябцева, не только параметричны, но и аксиологичны, эвристичны, креативны. В физическом мире они дают «количественную оценку происходящему, в метафизическом – качественную и относительную, в обыденном – психологическую … в духовном – бытийную <...> Время – и универсальная, и коллективная, и индивидуальная ценность, качественный параметр, вносящий свой вклад в организацию всех других ценностей» [Рябцева 1997: 82, 94]. В настоящей статье ставится цель рассмотреть языковые особенности выражения аксиологии времени в стихотворении Б. Л. Пастернака «Я понял жизни цель и чту...»

© Коннова М. Н., 2012

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 11-06-00301 «Когнитивный анализ семантики слова (компьютерно-корпусный подход)»

[Пастернак 1998: 42].

Стихотворение «Я понял жизни цель...», вошедшее в лирический сборник «Поверх барьеров», датировано последним предреволюционным годом – 1916. Оно продолжает раскрывать авторский опыт христианского мировосприятия, об истоках которого Б. Л. Пастернак в письме к Жаклин де Пруайяр писал: «Я был крещен своей няней в младенчестве <...> это … оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой. В этом, я думаю, источник моего своеобразия. Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910-1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь» [Пастернак 1992: 167].

Стихотворение открывается утверждением, которое с самого начала сообщает ему сугубо высокую аксиологическую отнесенность: «Я понял жизни цель». Глубина и значительность этого признания подчеркивается троекратным эпифорическим повтором слова *цель* во втором стихе: «...и чту// Ту *цель*, как *цель*, и эта *цель*» (здесь и далее *курсив* в цитатах наш – *М. К.*). Сущность этой цели раскрывается в третьем и четвертом стихах придаточными предложениями: «Признать, что мне невмоготу// Мириться с тем, что есть апрель». Повтор синонимичных инфинитивных конструкций (*признать, что...*; *мириться, что*) передает внутреннее напряжение, сосредоточенность, которые сопровождают признание поэта, и подчеркивает неслучайность парадоксального завершения строфы, ее логической кульминации – «...что есть апрель».

Категориальная семантика глагольной формы настоящего времени *есть* выделяет *апрель* из череды обыденного времени, указывает на его причастность двум бытийно-темпоральным планам: пространству реального настоящего, моменту «здесь и сейчас», и пространству сверхреального настоящего, вечности.

Вневременно́й характер происходящего ещё более подчеркивается в следующих строфах, где однородные придаточные предложения приоткрывают сущность того, что́ вкладывает поэт в слова «...есть апрель». Ритмико-интонационная волна, охватывающая пространство восьми стихов второй и третьей строф, развертывает здесь единый метафорический образ зари: «Что дни – кузнечные мехи, // И что растекся полосой // От ели к ели, от ольхи // К ольхе, железный и косой, // И жидкий, и в снега дорог // Как уголь в пальцы кузнеца, // С шипеньем впившийся поток // *Зари* без края и конца».

Живая наглядность, яркость, почти осязаемость описания достигается посредством высвечивания и сопряжения отдельных

деталей образа зари как раскаленного потока, изливающегося из невидимой плавильной печи – солнца. Образ этот открывается темпоральной метафорой «что *дни – кузнечные мехи*», которая передает все возрастающую силу прибывающего с каждым днем (как нагнетаемый мехами воздух) солнечного света. Всепроникающее свойство зари, наполняющей собой все пространство вселенной, подчеркивается символическим перечислением-повтором «От ели к ели, от ольхи // К ольхе». Синтаксическое оформление этого повтора в виде анжамбемана (текучей строки) как бы воссоздает движение света и повторяет, уже ритмически, семантику глагольной метафоры предыдущего стиха «И что *растекся полосой* … [поток зари]». Чрезвычайная интенсивность цвета и света зари передается эпитетами «*железный* и косой, // И *жидкий*», где аллитерация звука *ж* усиливает образ жгучего, обжигающего металла, вводя антитезу земного – зимнего, снежного («в *снега* дорог») и небесного – весеннего, огненного («с *шипеньем* впившийся поток»). Постепенное развертывание образа, в самой своей осязаемой, как бы неторопливой конкретности ассоциирующееся с движением восходящего солнца, достигает своей кульминации в величественной картине безбрежной зари – «*зари без края и конца*».

Ключом к пониманию сущностной «особенности» зари и сугубой событийной «инаковости» апреля, становится последняя строфа стихотворения с её образом необычайного, полного силы, нескончаемого колокольного звона. Этот напряженный образ немолчного звона-гула помещает все стихотворение Б. Л. Пастернака в надвременно́е пространство празднования Пасхи[2]. Первое из цепи придаточных предложений, номинативное предложение «Что в берковец церковный зык», метонимически свидетельствует о мощи колокола, *зык* («гул, … раскат стука» [Даль 1956: 697]) которого равен десяти пудам («*в берковец*»)[3]. Второе придаточное предложение «Что взят звонарь в весовщики» иносказательно подчеркивает

[2]Сопряженные образы бескрайней зари и немолчного звона-гула являются главными символами Пасхи в стихотворениях многих русских поэтов, ср., в частности: «*Повсюду благовест гудит,* // Из всех церквей народ валит, // *Заря* глядит уже с небес, // Христос воскрес! Христос воскрес!» [Майков 2010: 142].

[3]Ср. строки очерка А. Куприна «Пасхальные колокола»: «Но вот и он. Самый главный, самый громадный колокол собора … *Трудно и взрослому раскачать его массивный язык*; мальчишкам это приходится делать артелью. Восемь, десять, двенадцать *упорных усилий* и, наконец, – баммм... Такой оглушительный, такой ужасный, такой *тысячезвучный медный рев*, что больно становится в ушах и дрожит каждая частичка тела. Это ли не удовольствие?» [Куприн 2005: 40].

непрерывность и силу звона[4] (интересен факт из биографии поэта: в 1908 г. друг Б. Л. Пастернака Сергей Дурылин «водил его на колокольню Ивана Великого показывать работу звонарей» [Пастернак 2011]).

Сугубо личное завершение стихотворения, неожиданно спокойное и мягкое после напряженно ярких красок и звуков предшествующих десяти строк – «Что от капели, от слезы // И от поста болят виски», – раскрывают глубинное значение слов «Я понял жизни цель...». Боль в висках, признак утомления, имплицитно указывает на то, что труд, сильнейшее душевное и физическое напряжение – «от капели, от слезы и от поста» – уже позади. Тем сильнее радость дней Светлой – пасхальной – седмицы. «*Апрель*», таким образом, метонимически указывает на событие Воскресения Христова, о величайшем значении которого для поэта свидетельствует иносказание первого стиха – «Я понял *жизни цель*...».

Исследование аксиологии времени в авторской картине мира Б. Л. Пастернака показало, что в системе временны*х* образов стихотворения «Я понял жизни цель...» выразилось христианское мировосприятие поэта. Сущность *апреля* раскрывается через единство двух предельно насыщенных ценностными смыслами темпорально-бытийных образов – солнечной зари и немолчного колокольного звона. Полный величайшего напряжения и силы образ «зари без края и конца» становится символом Воскресения Христова, Пасхи красной, выводит стихотворение из плана темпоральности и помещает праздник во вневременное всеобъемлющее пространство вечного дня, который, по слову святителя Амвросия Медиоланского (†397), «все проникает и освещает... есть *день без вечера*, *день бесконечный*... *День* оный есть Сам Христос» [Митрополит Вениамин 2007: 129].

Заключенная в темпоральный образ («...есть *апрель*») «жизни цель» – непостижимая для разума («...мне *невмоготу* // Мириться с тем...»), познаваемая верой и почитаемая сердцем («...и чту // Ту цель...») – сближается с заключительными стихами православного Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века». Система темпоральных концептов, выраженных в стихотворении Б. Л. Пастернака, оказывается глубоко укорененной в православной традиции русской литературы, в основе вершинных произведений

[4]Ср. строки романа И. С. Шмелева «Лето Господне»: «*Звон в рассвете, неумолкаемый*. В солнце и *звоне* утро. Пасха, красная. /…/ *Трезвоны*, *перезвоны*, *красный-согласный звон*. Пасха красная. Обедают на воле, под штабелями леса. На свежих досках обедают, *под трезвон*. Розовые, красные, синие, желтые, зеленые скорлупки – всюду, и в луже светятся! Пасха красная! *Красен* и день, и *звон*» [Шмелев 2007: 67].

которой – «сопряжение человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ» [Есаулов 2007: 15].

Список литературы

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1. 700 с.

Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2007. С. 9–20.

Кудинова Т. А. Субстрат как основа авторского идеолекта в русской прозе XXI века // Вестник Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 75–80.

Куприн А. Пасхальные колокола // Пасхальные рассказы. М.: Артос-Медиа, 2005. С. 36–41.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка URL: http: www. gumer.info/bibliotek-Buks/Literat/lihach/koncept.php (дата обращения: 20.02.2012).

Майков А. Г. Христос Воскрес! // Светлое Христово Воскресение / сост. С. М. Шестакова. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. С. 142.

Митрополит Вениамин (Федченков). Пасха. Светлое Христово Воскресение. М.: Правило веры, 2007. 241с.

Пастернак Б. Письма к Жаклин де Пруайяр // Новый мир. 1992. №1. С. 127–189.

Пастернак Борис. Избранное. В 2-х т. Стихотворения и поэмы. СПб.: Кристалл, 1998. Т. 1. 576с.

Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Биография. URL: http://pasternak. niv.ru/pasternal/bio/pasternak-e-b/biografiya-2–4.htm. (дата обращения: 3.04.2011).

Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 78–95.

Туктангулова Е. В. Репрезентация художественного концепта «жизнь» в идиостиле Н. А Заболоцкого (на материале цикла «Городские столбцы) // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2004. № 5(2). С. 53–56 URL: http://vestnik.udsu.ru/2005/2005-05_2/vuu_05_052_09.pdf.

Шмелев И. С. Лето Господне. М.: Светлый берег, 2007. 511с.

Павловский М.
Республика Македония, Скопье

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (европейский и македонский нарративы в македонской драме)[1]

Невзирая на то, какую точку зрения мы разделяем: является ли глобализация совокупностью находящихся в тесной взаимосвязи культурного и экономического контекстов, или же что благодаря глобализационным процессам увеличивается интенсивность и частота контактов – фактом остается факт, что процесс глобализации оказывает значительное влияние на государства, находящиеся за пределами стран так называемого «первого мира» и стремящиеся быть включенными в круг «старой» (old), или «исконной» (core) Европы (см.: [Levy et al. 2005]).

Несомненно, что глобализационные процессы входят в число тех первостепенных факторов, которые способствуют унификации культур в этих странах и созданию условий для их конструирования в рамках эстетических, политических, социальных и др. принципов «старой» Европы. Таким образом, культуры «малого» Другого поставлены перед выбором: принять идеологию сильнейшего или же остаться «за пределами» Европы. Право «развивать» культуры «малого» Другого во имя «прогресса» и «цивилизации», которое так называемая «старая» Европа взваливает на свои плечи, неминуемо приводит к противоречиям. Мультикультурализм, хотя и дискуссионно, но принятый в теории, на практике является одним из способов нивелировать (или, может быть, замаскировать, скрыть) эти конфликты. По словам Марка Постера, «...multiculturalism is a process of subject constitution, not an affirmation of an essence. As the second media age unfolds and permeates everyday practice, one political issue will be the construction of new combinations of technology with multiple genders and ethnicities. These technocultures will hopefully be no return to essence, no new foundationalism or essentialism, but a coming to terms with the process of identity constitution and doing so in ways that struggle against restrictions of systematic inequalities, hierarchies and asymmetries» («… мультикультурализм – это процесс конструирования субъекта, а не утверждение его сущности. Поскольку второе поколение средств масс-медиа выявляет основы и пронизывает нашу жизнь, одно политическое решение представляет собой конструкцию из новых комбинаций технологий, мно-

© Павловский М., 2012

[1] Перевод статьи с македонского языка на русский Н. В. Боронниковой

жеств гендеров и этносов. Эти технокультуры, к счастью, не предполагают возврата к сущности, фундаментализму и эссенциализму, а представлены в терминах установления самоидентификации, это все происходит в форме борьбы против систематических ограничений, иерархий и асимметрий» [Poster 1995: 42]. Вероятно, именно потому, особенно после заявления немецкого канцера А. Меркель [BBC, 17 October 2010], мультикультурализм окончательно становится «утопической теорией» [Lewis 2008].

В глобальном множестве дискурсивных формаций, формирующих современное пост-состояние, где процессы глобализации переплетаются с неоколониальными устремлениями, экономические проблемы с эко-теориями, новая национальная идентичность с космополитизмом, неолиберализм с вопросом о правах человека, где статус личности противостоит метанаррациям, антиномия взаимозависимости и антагонизма неизбежна. Несомненно также, что большинство дискурсов распространяет идеи интеракции различных культур, кросс-, интер- и мультикультурализма.

С другой стороны, интенсификация межкультурной коммуникации, которой способствуют СМИ и современные технологии, поставлена в контекст глобализационных процессов и неравноценной силы культур, экономик, обществ, приводящих к увеличению пропасти между «старой» и «другой» Европой. Более того, неминуема гибридизация культур, воспринимаемая порой как атака на твою собственную культуру и самоидентичность.

Столкновение двух параллельных процессов: неотвратимости глобального сближения, в котором различные, некогда изолированные культуры вступают в контакт, гибридизируются и унифицируются, и желания каждой отдельной культуры сохранить часть своей аутентичности – приводит к возникновению вопроса о способах претворения в жизнь слогана «Европа без границ». И так как мультикультурализм не может стать теоретической платформой, на которой будет построена общеевропейская идентичность, потому что он не разрешает конфликтные ситуации, возникающие на практике, все более актуальной становится необходимость поиска новых путей.

Поставленная таким образом дилемма усложняется в связи с национальными культурами стран, которые исторически и географически принадлежат к Европе, но не являются членами Евросоюза. Пример тому Македония, которая в контексте реализации идеи об общеевропейской идентичности задается вопросом: как преодолеть контрадикторность чувства, возникающего под влиянием желания войти в Европу и стремления подчеркнуть свою особенность, не как нечто «арха-

ичное», «варварское» и «нецивилизованное», а как нечто ценное, обогащающее Европу.

Анализируя репрезентативные примеры македонской драмы, мы попытаемся показать несколько возможных вариантов ответов на этот вопрос. Македонская культура дистанцируется от декларативного мультикультурного концепта Западной Европы, сохраняя автоимагологическое представление о собственной культуре как о колыбели европейской цивилизации, и показывает принадлежность к Европе. В обоих случаях обнаруживается непоследовательность, вызванная невозможностью осуществления идеи об общеевропейской идентичности. При этом обе позиции обусловлены чувством «другости». Однако следует подчеркнуть, что в македонской культурной традиции все-таки ярко выраженным остается осознание своей европейской принадлежности (см.: [Pavlovski and Pavlovski 1998]).

Художественное осмысление вышеуказанной дилеммы представлено в творчестве Горана Стефановского[2], одного из самых популярных македонских драматургов. Особенно показательны две его пьесы последнего периода: «Еуроалиен» (1998) и «Хотел Европа» (2000). В своих пьесах Горан Стефановский не воспевает национальную историю и не страдает еврофобией. Критикуя Европу, он движется по особому пути, оригинальному и творческому. Он осуждает Европу за ее отношение к тем явлениям, которые не вписываются в определения *старая, новая, западная, исконная*, а конкретнее, к той части Европы, которая в этой ситуации находится в положении Другого, т. е. показывает подчеркнутую «другость» македонцев, и шире – Балкан.

Пьеса «Еуроалиен» написана по заказу «Интеркульт» (Стокгольм, Швеция). Стокгольм в 1998 г. был культурной столицей Европы. На спектакль Стефановского собралась вся культурная и политическая элита города и страны, гости из Евросоюза, которые могут путеше-

[2] Горан Стефановский (род. в 1952, г.Битола, Республика Македония), македонский драматург. Окончил филологический факультет при Университете г. Скопье. Изучал драматическое искусство в театральной академии Белградского университета, защитил магистерскую диссертацию. Работал в отделе театральных рецензий телевидения г. Скопье, а потом в качестве ассистента на филологическом факультете Университета г. Скопье. С 1986 г. профессор факультета драматических искусств в Скопье. Живет и работает в Лондоне. Член Македонского ПЕН-центра. Член Союза писателей Македонии с 1979 г., а с 2004 г. член Македонской академии наук и искусств (МАНИ). Наиболее известные произведения: *Јане Задрогаз* ‘Яне-баламут’ (драма, 1974), *Диво месо* ‘Дикое мясо’ (драма, 1979), *Лет во место* ‘Полет на месте’ (драма, 1981), *Hi-Fi* (драма, 1982), *Дупло дно* ‘Двойное дно’ (драма, 1983), *Тетовирани души* ‘Татуированные души’ (драма, 1985), *Чернодрински се враќа дома* ‘Чернодринский возвращается домой’ (драма, 1991), *Гоце* ‘Гоце’ (одноактная пьеса, 1991), *Сараево* ‘Сараево’ (драма, 1993), *Ех-Yu* (одноактная пьеса, 1996), *Euralien* (1998), *Hotel Europa* (2000) и др.

ствовать по миру только с удостоверением личности. Именно этой публике предназначена одна из вводных ремарок автора[3]:

Зрители на входе получат паспорта с «другим» гражданством, т. е. гражданством страны, не являющейся членом Евросоюза, и во время спектакля будут считаться «другими», чужаками или иностранцами. Мы остановим их перед границами крепости «Европа», заставим заполнить формуляры визовых анкет и покажем им различные аутентичные формы проявления «отчуждения». Так публика на собственном опыте увидит и почувствует, насколько грустно и смешно сейчас быть гражданином «другой» Европы. <...> На выходе публика получит новые визы в паспорта: в новую, утопическую Европу, свободную от шовинизма! [Стефановски 2010: 33].

Не напрасно Г. Стефановский дает публике другие паспорта, «другие» – в смысле паспорта стран, не входящих в ЕС, и в смысле «другости». Процесс получения визы и сама виза не только административно отделяет «истинную» Европу от стран, которые «не являются Европой», но и на индивидуальном и коллективном уровне ставит клеймо на владельце паспорта без звездочек ЕС. Так, македонцы и официально становятся Другими, т. е. им отказывают в возможности построения собственной идентичности в рамках европейской.

Однако процесс, с помощью которого легко создаются конфронтирующие *мы-вы*-группы, известен Г. Стефановскому и на Балканах. В 1996 г. он обращается к проблеме под названием «Братство – единство» и определяет механизмы процесса, когда Другой становится угрозой, опасностью уже в собственной (балканской) среде.

Период распада Югославии стал поводом переосмыслить собственное место в культуре. Это период построения новых видов самосознания на Балканах или же переструктурирования старых матриц для самоидентификации. Кроме того, это и период, когда ряд писателей, теоретиков и других «полисмэйкеров» оказывается в своеобразном вакууме: старые югославские марксистско-самоуправленческие эстетические, идеологические, философские, политические фундаменты (опоры идентичности) рушатся, а новые еще не до конца усвоены или же кажутся чужими, «странными».

В пьесе «Ex-Ju» (1996), созданной в ином культурном контексте (написана в Кентербери, Великобритания), Г. Стефановский, кажется, окончательно решает волнующую его проблему потери (или трансформации) самоидентичности, вызванную распадом Югославии. И если для югославов в 1991 г. конфликт до сих пор близких идентично-

[3] В этой же пьесе Стефановский говорит о предполагаемой структуре публики: «Ожидается, что треть публики будет состоять из эмигрантов из разных стран, проживающих в Швеции, вторая треть – регулярные посетители театральных спектаклей, и еще одна – молодежь».

стей был шокирующим, то в пьесе 1996 г. герой пьесы Никола смиренно, и даже цинично, принимает насилие как необходимость, а вместе с ним и ультимативную неизбежность разделения на *мы* и *они*:

МАЙЯ: Вы убивали?

НИКОЛА: Я не позволил им убить себя. (Пауза). Каждый убивал.

МАЙЯ: Мой отец не убивал.

НИКОЛА: Это так. Твой отец никого не убил. (Пауза). Точнее, никого из ***наших***[4].

МАЙЯ: А враги, которых мы убивали? Мы же все жили вместе? Была же такая симпатичная фраза «Братство – единство». Тогда мы все были одним. Они были как мы. ***Они*** *были* ***мы*** [там же: 21].

В пьесе отражаются процессы, которые присутствовали(-уют) как в культуре Македонии, так и в пространстве бывшей Югославии вообще. Г. Стефановский критикует фаворитизацию собственной культуры и нации, некритичное отношение к национальной истории, которое создает подчеркнутую ксенофобичность по отношению к Другому или, если перефразировать Стефановского, ксенофобичность по отношению к тем, кто «был нами», действующую по тому же принципу, что и логика визового режима в «Хотел Европа».

«Ex-Ju»:

НИКОЛА: Ты знаешь, что у них перепонки между пальцами на ногах? Как у уток. Ты слышала об этом?

МАЙЯ: Нет.

НИКОЛА: Они находятся на низшей ступени развития. Это примитивное племя. Хорошо, что мы избавились от них [там же].

«Хотел Европа»:

АНГЕЛ: Паспорт!

(Бездомная протягивает ему документы. Ангел закрывает стенной шкаф, словно это служебное окошко. Пауза. Ангел опять открывает «окно»).

АНГЕЛ: Это твоя фотография? Твоя прическа? Нос? Глаза твои? Подпись. Срок визы истек. Твой паспорт не продлен. Кто ты? Куда ты идешь? С какой целью? Что будешь декларировать? Открой чемодан [там же: 121].

Второе направление для размышлений, которое предлагает нам «Хотел Европа» Г. Стефановского, – это ситуация, сложившаяся в результате процессов глобализации:

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК: Меня зовут Эвридика. Nomen est omen. Имя говорит само за себя. Мне дали его при рождении, чтобы я посвятила себя служению Европе. Я социальный работник. Здесь я временно замещаю. А вообще я изучаю социологию. Я люблю свою работу. Хотя насмотрелась всякого: ложь, алчность, притеснения. Не говоря уже о том, какие махинации здесь проворачиваются. Тайком, разумеется. А вот Европу я считаю общим домом для всех. Европу, где огоньки надежды зажгутся вновь в наше время.

[4] Выделено Г. Стефановским.

Мечта всей моей жизни – очутиться в Брюсселе и вживую увидеть рожи европейских политиков. И рассказать им несколько страшилок:

В кошмаре тьмы томятся,

Бешено лают европейские псы,

А народы выжидают,

С накопленной ненавистью верещат, клянчат.

Мы не можем допустить еще одной катастрофы. Мы знаем, каково это. Мы больше не сможем оправдаться. Что мы скажем своим детям, если это опять произойдет? Что мы ничего не знали? Второй раз этот трюк не пройдет. Всем уже понятно, что знаем. 'Je regrette l'Europe aux anciens parapets!', как сказал когда-то поэт: нужно вернуть время героев. Мы должны разобраться с софистами, экономистами и счетоводами. 'Oui, c'est l'Europe, depuis l'Atlantique jusqu'à l'Oural, c'est toute l'Europe, qui décidera du destin du monde'. Вы понимаете, о чем я вам говорю? [там же: 94–95].

В монологе Социальной работницы[5] просматривается позиция Г. Стефановского по отношению к глобализационным и внутриевропейским процессам, а конкретнее – к противостоянию так называемых «старой» и «новой» Европ. С одной стороны, автор прославляет европейскую цивилизацию, понимаемую как «Европа – общий дом». Цитаты из А. Рембо[6] и Ш. де Голля[7] приведены не только с целью представить картину «истинной» Европы, но и включить автора и его культуру в общеевропейский культурный контекст. Г. Стефановский говорит именно о такой Европе, которой **пока** нет. С другой стороны, монолог Социальной работницы подводит нас и ко второму элементу глобализационных процессов в Европе: Стефановский дает своеобразную критику глобализации, провоцирующей появление маргинализованных групп. В «Хотел Европа» беспощадно показана «старая» Европа с ее надменным элитаризмом, неприятием Другого и акцентированием «высоких» ценностей, «естественных» для «утонченности» такой Европы. С показа именно такой Европы автор начинает драму:

ПОРТЬЕ: (Глубокий старик с изысканными манерами, одет с иголочки, элегантен от природы. Р произносит на французский манер.) Простите за хаос. Отель переполнен, это видно невооруженным глазом. По правде говоря, это происходит не в первый раз. Иногда даже не могу себе представить, о чем думают эти, из бюро регистрации. Попробуем как-нибудь уладить вашу проблему. Но что может сделать один человек? Не нужно мне все так близко принимать к сердцу. Но я горжусь своей профессией. Я здесь единственный

[5] В ремарке она охарактеризована как «энергичная, сообразительная молодая женщина».

[6] Первая цитата на французском из «Пьяного корабля» Артюра Рембо. На македонском стихотворение опубликовано в: Рембо А. Пијаниот брод / пер. Д. Томовского // Културен живот. 1976. 1–2.

[7] Знаменитое заявление генерала Ш. де Голля, сделанное 25 ноября 1959 г. в Страсбурге.

человек на своем месте. Я происхожу из семьи, члены которой поколениями работали в лучших отелях [там же: 89].

Таким образом, пьеса начинается с изображения традиционной Европы, для которой переселенцы – это источник хаоса, Европы, которой традиция дает право утверждать, что ее правда единственно верная. Отсюда и «право» на автоимагологическое провозглашение себя «истинной» и «неоспоримой» и на маргинализацию Другого. Даже если считать, что подобная логика уже устарела, потому что принадлежит старомодному портье, то в дальнейших событиях драмы она вновь показывает свою жизнеспособность в дискурсе Хаусмастера. Согласно ремарке, он «молодой, самовлюбленный, подстрижен под военного, накачан»:

ХАУСМАСТЕР: Дегенераты! Недоноски! Гады! Кретины! Скоты! Тупицы, свалившиеся с Марса. <...> Сколько у нас безработных в стране? Миллионы. А правительство каждому придурку, упавшему с небес, дает крышу над головой и наличные. Мы жилы рвем, чтобы свести концы с концами, а они хотят все и сразу, на блюдечке с голубой каемочкой. Плодятся, как скот. Воняют, смердят [там же: 124].

И элитаризм «высокой» культуры в образе старого Портье, и растиражированная массовая культура в лице Хаусмастера, по сути, являются выражением единой точки зрения, благодаря которой Европа делится на две несоединимых части: «цивилизованную» и «варварскую». Меняется только стиль, процесс остается тем же. Старая европейская колониальная культура, которая гегемонизм упаковывает в любезность, элитарность и утонченность, трансформируется в ксенофобичную неоколониальную культуру, ценности которой формируют средства массовой информации. И элитарный европоцентризм, и массовая культура конструируют Восток и Балканы как европейского проблематичного Другого и потому не приемлют эту часть Европы (подробнее см.: [Georgievska-Jakovleva and Pavlovski 2009]).

Это же, со своей стороны, вызывает уже знакомый нам рефлекс – глорификацию и мифологизацию собственного героического прошлого, что является, вероятно, одним из основных препятствий для принятия идеи наднациональной идентичности. Романтическая национальная идея как способ компенсации процессов маргинализации и Другости сталкивается с глобализационными процессами, которые навязывают необходимость конструирования европейской идентичности. В «Хотел Европа» это столкновение показано как прямое физическое сведение счетов:

МУЖ: (поет) Вино пијам ем ракија, / Коња јавам ацамија, / Коњ ме шета горе-доле, / Горе доле низ тоа поле, / Па ме однесе в ладна меана... 'Вино пью и

ракию, / Седлаю коня молодого, / Конь несет меня куда глаза глядят, / Несет меня по чистому полю, / И привез он меня в прохладный трактир…'

ЖЕНА: Ты где был?

МУЖ: Бился за Македонию!

ЖЕНА: Опять?

МАЖ: Останавливают меня какие-то подонки и спрашивают, откуда я. – Из Македонии, – говорю им! – А это что за хер, – говорят мне, – где это? – Сейчас увидите, – отвечаю я. (Кладет руку на сердце.) Здесь! – говорю им. Здесь этот самый хер. Не хотите с ним познакомиться? Ну и подрался этими шестью амбалами, шестью недоумками!

ЖЕНА: Как и в прошлый раз.

МУЖ: Ну, да.

ЖЕНА: Если ты приходишь домой пьяный, значит, ты дрался за Македонию!

МУЖ: Враги у нас за каждым углом [Стефаносвки 2010: 92].

Чтобы было понятнее, вернемся в 1991 г., когда Г. Стефановский пишет драму «Гоце», с подзаголовком «Театральная импрессия о последних минутах жизни Гоце Делчева». В ней, и не только из-за образа главного героя[8], автор обращается к македонской национальной истории. Очевидна параллель с драмой «Црнила» (1960 г.) Коле Чашуле[9],

[8]Гоце Делчев (1872–1903), настоящее имя Георги, революционер, идеолог и организатор македонского национально-освободительного движения в конце XIX в. – начале XX в., учитель, воевода. Будучи воспитанником Военного училища в Софии, тайно посещал социалистические кружки и распространял пропагандистскую литературу, из-за чего был исключен из училища. С 1986 г. по 1903 г. член ЦК ТМРО. Во время своих поездок по Македонии работал над созданием организационной сети штабов, комитетов и партизанских отрядов Организации. Вместе с Гёрче Петровым разработал проект устава и проект внутреннего распорядка ТМРО. В 1986–1901 гг. был уполномоченным представителем Организации в Софии. Вел борьбу с верховистами. Выступал за самостоятельное развитие Движения, революционное просвещение народных масс, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности, готовил их к борьбе за политическую автономию Македонии.

[9]Коле Чашуле (1921–2009), македонский революционер, драматург, писатель, романист, публицист, дипломат, академик. Участвовал в подготовке вооруженного восстания македонского народа 11 октября 1941 г., за что был приговорен болгарскими оккупантами к смерти. Работал редактором изданий «Нов ден», «Современост», «Разгледи», руководил многими организациями в области культуры. Консул в Канаде, посол в Боливии, Перу и Бразилии. Один из инициаторов создания ДПМ, его председатель, член македонского Пен-центра, с 2003 г. почетный член МАНИ. Его творчество означает поворот македонской драмы к модернизму. *Вејка на ветрот* 'Ветка на ветру' (1957) – первая македонская драма, трактующая проблему современного отходного промысла психологически, с появлением пьесы *Црнила* 'Беспросветная жизнь' (1960) возникает т. н. политический театр. В центре его внимания мотив национальных проблем и политическое переосмысление народно-освободительного движения. Его прозаическое творчество тоже имеет патриотическую тематику. Для Чашуле писательское творчество – это революционный акт, вступление в «битву, которая длится непрестанно». Другие известные драмы Чашуле: *Игра или социјалистичката Ева* 'игра, или социалистическая Ева'

воплощенная в образах Юноши (у Чашуле) и Парня (у Стефановского). Однако имеются небольшие «коррективы»: Парень у Стефановского не убийца. В пьесе «Гоце» убийца-предатель – Комита, образ которого должен символизировать опыт, доблесть и борьбу македонского народа за свободу. И даже эта лаконичная характеристика образов показывает разницу не только между пьесами «Црнила» и «Гоце», но и в отношении Стефановского и Чашуле к истории и героизации прошлого. Стефановский использует исторические события только для того, чтобы обратиться с наказом к современному поколению. Для него предательство, которое как злой рок преследует македонцев, – не проблема:

КОМИТА: Они угрожали, что убьют моих детей. Подожгут дом. Я рассказал, где мы заночуем.

(Парень набрасывается на Комиту.)

ГОЦЕ: Оставь его. Он только орудие в чужих руках. Нужно ударить по той руке, которая преследует нас.

КОМИТА: Прокляни меня, учитель.

ГОЦЕ: Ты прощен. Беда с тобой случилась? А ты знаешь, как испечь угря в золе? [там же:13–14].

Драма завершается кратким монологом Гоце, обращенным к «будущим поколениям», в которых легко узнаваемы современники автора. В речи он наказывает почитать традицию и призывает бросить праздную риторику. Монолог заканчивается ультимативным заветом-криком: *Берегите свое имя и свои корни, чтобы знать, кто вы, куда бы ни забросила вас жизнь. Любите свою страну. Чтобы и она любила вас* [там же: 14].

То «небольшое» изменение, которое привносит в текст Стефановский, по сути, является серьезной критикой национал-романтических идей в современных условиях. В сегодняшнем глобальном мире они могут стать причиной столкновений и насилия. И если идентификация аутентичной национальной культуры не может быть построена на героизации прошлого, если это приводит к насилию, то возникает вопрос: как любить Родину, т. е. как сохранить аутентичность? Ниже процитирован диалог между Парнем и Гоце, в котором Гоце выступает в роли Данаила Николаева[10]:

(1961), *Градскиот саат* ‘Городские часы’ (1965), *Вител* ‘Вихрь’ (1966), *Партитура за еден Мирон* ‘Партитура для Мирона’ (1978), *Суд* (1978), *Житолуб* (1981), *Дивертисман за еден Стрез* ‘Дивертисмент для Стреза’ (1967/90).

[10] Болгарский генерал. Участвовал в сербско-турецкой войне, русско-турецкой войне и сербско-болгарской войне. Адъютант князя Фердинанда I. Министр военных дел Болгарии в период Балканских войн.

ПАРЕНЬ <...>: Вы хотите реки крови и горы трупов. А мы хотим жить и расти. Вы ничего не знаете о нас, не вмешивайтесь. Нам не нужны ни покровители, ни хозяева.

ГОЦЕ (в роли генерала): Не говорите глупости! Вы не знаете международной ситуации. <...> Мы сами решим, когда наступит момент действовать. Ясно? Это наше последнее слово. В противном случае…

ПАРЕНЬ: В противном случае?

ГОЦЕ (в роли генерала): Мы вас уничтожим!

ПАРЕНЬ: Или вы нас, или мы вас.

ГОЦЕ (целует его в лоб): Все ответы точны. Ты научился! [там же 2010: 11].

Ложный патриотизм становится причиной насилия, поэтому возникает необходимость поиска новых идей – идеи прощения, примирения, любви (к Другому, к Родине), которая взамен маргинализации рождает равноправие.

Через пьесы Стефановского проходит череда жалких, гротесковых, и, без сомнения, маргинализованных образов: контрабандисты, коррумпированные таможенники, уличные проститутки, пугливые юноши, ангелы-пограничники и бездомные. Нет ни «роскошной» Европы, ни «древних» Балкан. Нет ни блеска европейских метрополий, ни строгой мудрости святых, взирающих с македонских икон. Есть только продукт логики разделов и границ. И все-таки в своих пьесах Г. Стефановский (позвольте мне быть на первый взгляд парадоксальным) прославляет Европу. Не какую-то отдельную ее часть, будь она самой развитой, самой богатой, или же «колыбелью цивилизации», а Европу многогранную.

Остается вопрос: способствует ли глобализация связи культур, помогают ли глобализационные процессы созданию общеевропейской идентичности? Кажется, что у Горана Стефановского нет на него однозначного ответа. Процессы глобализации, которых уже не избежать, показывают, что современный мир нуждается в пересмотре ценностей. Ни западноевропейская маргинализация, ни балканский национал-романтизм не способны создать новые ценности, которые обеспечат процесс интеграции Европы. На пути к построению новых ценностей возникает проблема: как Европе защититься от импортируемых невежества и нищеты, которых достаточно и без того, и как Македонии защититься от притеснения? От способа, с помощью которого Европа (вся Европа, а не только Евросоюз) ответит на этот вызов, будет зависеть успешность проекта «Европа без границ».

Список литературы

BBC. 17 October 2010. *17* October 2010 [Online]. London: BBC. Available: URL: http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11559451

[Accessed] (дата обращения: 11.02.2011).

Georgievska-Jakovleva L. & Pavlovski M. Europe as Europe's Otherness // *Arslan S., Aytar V., Karaosmanoglu D. & Schroeder S. K.* (eds.) Media, Culture and Identity in Europe. Istanbul: Bahcesehir University Press, 2009.

*Levy D., Pensky M. & Torpey J. O*ld Europe, new Europe, core Europe : transatlantic relations after the Iraq war. London ; New York: Verso, 2005.

Lewis J. Cultural studies : the basics. Los Angeles: Sage Publications, 2008.

Pavlovski J. & Pavlovski M. Macedonia Yesterday and Today. Skopje: MI-AN, 1998.

*Poster M. T*he second media age. Cambridge: Polity Press, 1995.

Павловски Ј. & Павловски М. Од првична идеја до држава. Скопје: Детска радост, 1993.

Рембо А. Пијаниот брод // Културен живот. 1976. 1–2.

*Стефановски Г. С*обрани драми. Книга трета. Скопје: Табернакул. 2010.

Сухоева Д. А.
Россия, Пермь

ОБРАЗЫ ЕВРОПЫ В «ЕВПРОПЕЙСКОЙ НОЧИ» В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

К образу Европы в поэтическом и прозаическом творчестве В. Ф. Ходасевича обращались немногие литературоведы. С.Г. Бочаров сопоставляет «Европейскую ночь» и мемуары «Некрополь» с «Закатом Европы» О. Шпенглера и определяет предысторию этих книг В. Ф. Ходасевича как славянофильскую [Бочаров 2011: эл. ресурс]. И. И. Гарин, говоря об общеевропейском пафосе, также сравнивает «Европейскую ночь» с «Закатом Европы» [Гарин 1999: 684]. М. А. Гельфонд считает, что «Европейская ночь» «фиксирует состояние “сумрака”, охватившее уже всю европейскую культуру» [Гельфонд 2008: эл. ресурс].

Многие авторы упускают из виду «эмигрантскую» поэзию В. Ф. Ходасевича как ту, в которой главную роль играет образ Европы, во многом противостоящий образу России. С. М. Кормилов в статье «Москва в поэзии Владислава Ходасевича» отмечает, что «в лирике

© Сухоева Д. А., 2012

В. Ф. Ходасевича его родной город занимает большее место, чем любой другой локус в России и за рубежом» [Кормилов 2011: 84]. Опровергая этот тезис, можно привести в пример последнюю книгу стихов В. Ходасевича, где исключение составляют несколько упоминаний о Москве («Соррентинские фотографии», «Встаю расслабленный с постели...»). Е. Ю. Куликова в работе «Петербургский текст в лирике Ходасевича» утверждает, что «“европейский” мир Ходасевича организован по художественным законам петербургского мира» [Куликова 2000: 30]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти: в сборнике «Европейская ночь» есть только два упоминания о Петербурге: первое – в стихотворении «Соррентинские фотографии», второе – в стихотворении «Петербург». В обоих случаях город рассматривается непосредственно в качестве топоса прошлого и ассоциируется с воспоминаниями:

<...> А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах <...> [Ходасевич 1996: 248].

Воспоминания о мрачной России можно обнаружить в стихотворениях и других представителей русского зарубежья, например в творчестве Г. Иванова:

<...> Улыбайся морю. Наслаждайся югом.
Помни, что в России ночь и холода... <...> [Г. Иванов 2005: 283].

В последней книге стихов В. Ходасевича, по мнению С. Г. Бочарова, «российские темы, даже в виде лирической памяти, почти ушли, <...> европейская чужая реальность стала осознанной близкой темой» [Бочаров 2011: эл.ресурс]. Однако воспоминания занимают огромное место в творчестве других эмигрантов (Г. Иванова, Г. Адамовича):

Меня уносит океан
То к Петербургу, то к Парижу.
В ушах тимпан, в глазах туман,
Сквозь них я слушаю и вижу <...> [Г. Иванов 2005: 333].
<...> С каким-то невским ветерком от Сены
Летят как встарь послушные слова,
День настаёт почти нездешне яркий,
Расходится предутренняя мгла,
Взвивается над Елисейской аркой
Адмиралтейства вечная игла <...> [Адамович: эл. ресурс].

Европа в творчестве эмигрантов изображена как сумеречная, холодная, мертвая, маленькая:

На Монмартре, в сумерки, в отеле,
С первой встречною наедине,

Наспех, торопливо, – неужели
Знал ты всё, что так знакомо мне?
Так же ль умирала, воскресала,
Улетала вдаль душа твоя?
Так же ль ей казалось мало
Бесконечности и бытия? <...> [там же].

В последней книге В. Ходасевича восприятие Европы такое же мрачное, а некоторые бытовые реалии (дома, улицы) гиперболизированы до фантастичности:

<...> *В берлинских улицах*
Людская тень длинна.
Дома – как демоны,
Между домами – мрак;
Шеренги демонов,
И между них – сквозняк.
<...>
Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь
И песьи головы
Поверх сутулых плеч. <...> [Ходасевич 1996: 259].

Помимо мрачного пространства Европы, В. Ф. Ходасевич описывает «человеческие портреты отдельных лиц из массы – берлинской Mariechen за пивною стойкой, старика из жуткого стихотворения «Под землей», портного – солдата Джона Боттома, безрукого, идущего в синема с беременной женой» [Бочаров 2011: эл. ресурс]. Всех этих героев вслед за Ходасевичем С. Г. Бочаров называет «Европы темные сыны» [Бочаров 2011: эл. ресурс]. Европейское общество в последнем сборнике В. Ходасевича предстает перед читателем как ненужное, когда-то бывшее почитаемым и значимым, как старик в стихотворении «Под землей»:

<...> *Потом вонючая метла*
Безумца гонит из угла.
И вот из полутьмы глубокой
Старик сутулый, но высокий.
В таком почтенном сюртуке,
В когда-то модном котелке,
Идёт по лестнице широкой,
Как тень Аида — в белый свет,
В берлинский день, в блестящий свет <...> [Ходасевич 1996: 264].

Европа показана как подземелье, как мёртвое царство Аида, жители которого (старые европейцы) уже не люди, а тени. Европа – девушка

Mariechen (Марихен), которая «нездорова и бледна»; глупый безрукий, смеющийся «над идиотствами Шарло»; мёртвый солдат Джон Боттом; слепой, бормочущий «сам с собой»; самоубийца, выпавший из окна. Лучший исход для Европы, по мнению лирического героя:

<...> Попасться бы тебе злодею
В пустынной роще вечерком.
Уж лучше в несколько мгновений
И стыд познать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать <...> [там же: 260].

Девушка Mariechen, персонаж этого стихотворения, может трактоваться как образ нездоровой не столько Германии (имя девушки немецкое и в стихотворении печатается на немецком языке), сколько всей Европы. Для лирического героя В. Ходасевича Европа, единственное возможное место для существования, – мрачная, больная.

Социальный мир последнего сборника (такой же мрачный и больной) представлен персонажами, которые отражают картину угасания европейской цивилизации:

Сквозь ненастный зимний денёк
– У него сундук, у нее мешок
По паркету парижских луж
Ковыляют жена и муж.
Я за ними долго шагал,
И пришли они на вокзал,
Жена молчала и муж молчал.
И о чем говорить, мой друг?
У неё мешок, у него сундук... <...> [там же: 281].

Ненужные никому скитальцы, посетители казино, «одни шарманщики да нищие», в понимании автора, европейский социум. Таким же ненужным и сиротским человечество представляется лирической героине М. И. Цветаевой:

<...> Жарких самоуправств
Час – и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств [Цветаева 1994: 213].

Однако образ умирающей Европы в поэзии В. Ходасевича неоднороден: безликие и мрачные Париж и Берлин противопоставлены беззаботной, яркой Венеции:

Интриги бирж, потуги наций
Лавина движется вперёд.

А всё под сводом Прокураций
Дух беззаботности живёт
<...>
И всё исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто — в лёгкой и приятной
Венецианской болтовне [Ходасевич 1996: 269].

Восприятие Ходасевичем полной веселья, беззаботной, приятной и простой Италии близко гоголевской интерпретации Рима (в отрывке «Рим»).

Важно отметить итальянские мотивы в «Соррентинских фотографиях», где сквозь летнюю, теплую Италию (Капри, Сорренто, Венеция, Неаполь) автор показывает холодный ноябрьский Петербург 1917 г. и дореволюционную зимнюю Москву. Совмещённые в этом стихотворении времена (реальное (настоящее и прошлое), художественное и мифологическое) и пространства (реальное (города Италии, города России) и мифологическое (царство Аида)) «как бы» объединяют вместе не только Европу и Россию, но и мифологические топосы, не только прошлое и настоящее, но и библейское время:

<...> Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них
Домишко низкий и плюгавый.
Обитель прачек и портных.
И как ни отвожу я взора,
Он все маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой.
И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
Он жалкой тенью набежал.
<...>
В страстную пятница всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Айдесский, древний ветер веет
И ущербляется луна <...> [там же: 270].

Это символическое единство безнационально. Описывая исторические события в России через призму настоящего времени и пространства Италии, В. Ходасевич объединяет эти хронотопы в один пространственно-временной континуум, где всеобщая катастрофа выражается в библейском сюжете заклания агнца:

<...> Порой фотограф-ротозей

Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей
На Капри с беленьким козленком
<...>
Пред ним
Смешались воды, люди, дым
На негативе помутнелом.
Его знакомый лёгким телом
Полупрозрачно заслонял
Черты скалистых исполинов,
А козлик ножки в небо вскинув,
Везувий рожками бодал... <...> [там же].

Как отмечает Е. В. Волкова в отношении «Соррентинских фотографий», умение героя «взглянуть “сквозь” здешнее бытие, вместе с тем от него устраняясь. Происходит совмещение двух планов реальности» [Волкова: 2001, 114]. Герой, поднимаясь над обществом, наблюдая за жизнью отдельных персонажей, констатирует всеохватывающую трагедию. Стихотворение «Окна во двор» покадрово раскрывает этот трагический мир:

Несчастный дурак в колодце двора
<...>
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
<...>
Курносый актер перед пыльным трюмо
<...>
Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
<...>
Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах <...>[там же: 278].

Здесь всеобщность и безнациональность трагедии передается через упоминание ряда лиц, почти не прорисованных духовно и физически, а только представленных в драматической ситуации.

В стихотворении «Дачное» акцент на всеохватность катастрофы подчеркивается не только отсутствием указания на место и национальность, но и полным обобщением персонажей. В «Дачном» отражено «мировое уродство». Здесь нельзя вычленить европейские образы или образы России:

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды <...> [там же: 263].

Е. Пономарёв в статье «Распад атома в поэзии русской эмиграции (Георгий Иванов и Владислав Ходасевич)» указывает на сходство «уродов» в «Европейской ночи» Ходасевича и «мирового уродства» в «Распаде атома» Г. Иванова. «Сам частица мирового уродства, – я не вижу смысла его обвинять», – говорит лирический герой «Распада атома» [Пономарёв 2002: 66].

Европа в поэзии Ходасевича больше, чем собственно Европа. Поэт на примере увядания европейского общества поднимает проблему увядания мира в целом, опять же не указывая на конкретный топос:

Вверху – грошовый дом свиданий,
Внизу – в грошовом «Казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий. <...> [там же: 293].

Земной мир в образе грошового «Казино» – низкий, пошлый, глупый, грязный. Образ сцены в казино – бытие, где каждый зритель – смертный человек, а происходящее на сцене – жалкая аллюзия хода небесных светил:

<...> *Ведут сомнительные девы*
Свой непотребный хоровод.
Сквозь облака по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывёт полярная звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд – Медведица большая
Трясут четырнадцать грудей.
И до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой <...> [там же].

Гипертрофированное восприятие бытия как кабаре, небесных светил как грязных танцовщиц не просто описание европейской реальности, а констатация падения мира. Ходасевич, редко определяя топосы и еще реже их называя, характеризует общество как не прикреплённое к конкретному государству. Кроме того, редкие заимствования и фразы на французском, итальянском и немецком языках не определяют, на наш взгляд, характер лирики «Европейской ночи» как отражающий именно европейские социум и пространство. Разнообразие и пересечение европейских («с берлинской улицы», «по скважинам громоздкого Берлина», «в берлинский день», «венецианская

болтовня», «на парижский чердак», «амальфитанский перевал», «Встает Неаполь из паров», «с венетийских площадей»), российских («в Останкине летом», «в тьме гробовой российской», «Москвы бунтарские призывы», «над мутною Москвой-рекой», «на восьмигранном острие золотокрылый ангел розов» и др.), австралийских («ночные голоса Мельбруна») и мифологических («Айдесский, древний ветер воет») топосов характеризует последний сборник не как отражающий европейский крах и угасание европейской культуры. Кроме того, нельзя сказать, что стихотворения «Европейской ночи» являются исключительно воспоминанием о России. Этот сборник отражает общечеловеческую катастрофу, разрушение культуры, общества, системы ценностей и личности.

Список литературы

Адамович Г. В. Собрание стихотворений. URL: http://lib.rus.ec/b/197371/read (дата обращения: 20.03.2012).

Бочаров С. Г. «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле / С.Г. Бочаров // Филологические сюжеты. URL: http://lib.rus.ec/b/347738 (дата обращения: 4.04.2012).

Волкова Е. В. Мотив в поэтическом мире автора (На материале поэзии В.Ф. Ходасевича): дис. … канд. филол. н. М., 2001. 193 с.

Гарин И. И. Поэт божиею милостью // Серебряный век: В 3 т. Т. 2. / И. И. Гарин М.: Терра, 1999. С. 617–702.

Гельфонд М. А. Пушкин и Боратынский в поэтическом сознании Ходасевича. URL: http://ifi.rsuh.ru/vestnik_2008_1_9.html (дата обращения: 15.03.2011).

Иванов Г. И. Стихотворения / вст. ст., подг. текста, состав. примеч. А. Ю. Арьева. С.-Пб.: Академический проект, 2005. 768 с.

Куликова Е. Ю. Петербургский текст в лирике В. Ф. Ходасевича: «Тяжелая лира», «Европейская ночь»: автореф. дис. … канд. филол. н. Новосибирск: 2000. 20 с.

Пономарев Е. Р. Распад атома в поэзии русской эмиграции (Георгий Иванов и Владислав Ходасевич) // Вопросы литературы, 2002. № 4. С. 48–81.

Фридлендер Г. М. Поэзия и проза Владислава Ходасевича // Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». С-Пб.: Наука, 1995. С. 487–523.

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1: Стихотворения и литературная критика 1906–1922 / сост. И. П. Андреева, С. Г. Бочаров. М.: Согласие, 1996. 591 с.

Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7-и т. Т.1. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Шуплецова Ю. А.
Россия, Шадринск

ОЖИДАНИЕ РАЗЛУКИ КАК ОСНОВНОЙ МОТИВ ЛИРИКИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Творчество М. И. Цветаевой – одна из самых благодатных областей для исследования русской литературы начала XX в. М. Цветаева обладала, как и положено поэту, особым взглядом на мир и на жизнь. Основу ее эстетики составляет понятие «любовь», которое начало формироваться еще в раннем детстве, и, дополненное жизненным опытом, определило все ее творчество. В ее стихах оно воплотилось высшей ценностью, тем прекрасным и возвышенным чувством, которое, тем не менее, обязательно пропитано трагедией.

Неизбежность расставания, восприятие любви только через призму будущего конца берет свои истоки в раннем детстве, моменте, когда она впервые осознала себя личностью, а учитывая тот факт, что «все чувства у этого ребенка с рождения предельно, почти болезненно были обострены» [Кудрова 2007: 12], возможно объяснить своеобразие взглядов М. И. Цветаевой на многие вещи. Трагизм и обреченность витали в воздухе для поэтессы всегда: брак ее родителей – «союз двух одиночеств», как называла его Ариадна Эфрон, волею судьбы стал результатом расставания обоих родителей со своими возлюбленными. Иван Владимирович, «будучи уже немолодым человеком…, похоронил горячо любимую жену и женился вторично, продолжая любить умершую» [Саакянц 1988: 51]. Мария Александровна, расставшаяся в юности с любимым, тоску по несостоявшейся жизни, полной семейного счастья, выражала в музыке, стремилась свои неосуществимые мечты передать детям, вложив в них жажду того, что невозможно, но «чего так хочется и жаль». В такой семье закономерно появилось чувство одиночества, привычка быть одной в доме, где все, казалось бы, вместе, но не родные, духовно не близкие. Единение, родство – это вещи, виденные у других и недолго, а потом – возвращение в свое вечное одиночество. Отсюда ожидание от отношений их окончания, потому что страшная реальность все равно проникнет в сказку.

© Шуплецова Ю. А., 2012

Огромное влияние на М. Цветаеву, которая «беспорядочно читала книги и жила жизнью героев, исторических и вымышленных, реальных и литературных, одинаково страдая за всех» [там же: 7], оказали и произведения античных и западноевропейских авторов, откуда она впоследствии почерпнет сюжеты, образы и мотивы, содержащие в себе психологические переживания, изображение любовного кризиса. Книги ввели ее в мир, полный приключений, здесь истоки цветаевской мечтательности, отчужденности от мира, а главное – романтизма, воспевшего безответную любовь к совершенному идеалу, полную страданий и безысходности.

В этом плане не менее значимым стало влияние А. С. Пушкина: благодаря «Цыганам» будущая поэтесса узнала, что такое любовь, а «Евгений Онегин», точнее сцена признания Татьяны Онегину и его жестокой отповеди, сцена, когда она любила, а он нет, определила ее представления об отношениях: «Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда целовались, всегда, когда расставались… Моя первая любовная сцена была ***нелюбовная***… эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той минуты не захотела быть счастливой и этим себя на ***нелюбовь*** обрекла» [Цветаева 1989: 33].

С этого момента и на всю жизнь расставание с возлюбленным поэтесса будет считать естественным, ведь почему человек говорит «Прощай»? Потому что, «когда любишь, всегда прощаешься – Только и любишь, когда прощаешься» [там же].

Потом, чуть позже, когда появятся настоящие отношения, окажется сложно разрушить логично и четко выстроенную схему «любовь – разлука – страдание». Усугубит положение цветаевская идеализация и романтизация образа возлюбленного, стремление любой ценой подогнать его под рамки книжного героя, которому простым смертным сложно соответствовать. В этом смысле она «легко обманывается, избирая объект восхищения: она слишком доверчива к первому впечатлению, слишком легко предполагает в человеке прекрасные качества» [Кудрова 2007: 47], а разглядев за маской, которую сама же и надела на мужчину, личность, она разочаровывалась и уходила. Очень точно это состояние М. Цветаевой описал ее муж С. Я. Эфрон: «Почти всегда все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался… Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой – и через день снова отчаяние…» [Кудрова 1991: 99]. Цветаева и сама мучилась от этого придуманного еще в детстве мифа о неизбежности расставания: «Может, я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, нужно думать – во мне, что все мои отношения рвет» [Катаева-

Лыткина 1997: 46]. Так, для Цветаевой, интуитивно воспринимающей многие события своей жизни, любовь оказалась всегда сопряжена с неизбежным финалом, что было вызвано и, помимо прочего, довлеющим над ней роком. Закономерность разлуки, ее постоянного ожидания вышли из самой жизни, ведь судьба М. И. Цветаевой – это череда сплошных потерь и расставаний надолго или навсегда.

Так приходит в ее творчество с самых первых стихотворений и остается до последних мотив ожидания разлуки, ставший одним из основных и непременно связанный с любовью, ведь боль, усиливающая стократно чувство, появляется лишь тогда, когда «по живому режут». Это катарсис, кульминация, ярчайший момент жизни лирической героини – концентрация страсти, душевной боли, переходящей в физическую, то сумасшествие, которого она жаждет. Потому отказ, отречение часто предпочтительнее согласия, он порождает целую гамму неконтролируемых эмоций, вырывающихся на свободу, захватывающих целиком и полностью. В них та мощь, которой нет в счастье, в них хлещущая из открытой раны кровь и боль, желанная для человека, понявшего «с такою силою… разлуку, что кажется и смерть не разведет…». С момента осознания неизбежности расставания жар в груди преобразуется во всепоглощающее пламя. Разлука – огонь, в котором героиня сгорает, как Феникс, становясь пеплом, чтобы спустя мгновения восстать и снова сгореть, потому что

Птица-Феникс – я, только в огне пою! [1] (108).

Отсюда и жажда новых болезненных и обреченных заранее отношений:

Гляжу на след ножевый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: пить. (103).

Прощание в эстетике поэтессы в определенной мере необходимый элемент любых отношений, ее лирические героини живут в ожидании конца, поскольку – «… как таинство непреложное “расстанемся”, а в самой поэтессе с детства жила «цыганская страсть разлуки! Чуть встретишь – уж рвешься прочь». Ее «дикая воля», ярко обозначенная еще в ранних стихах и красной нитью прошедшая через все творчество, изначально диктовала стремление с боем двигаться вперед, жить в состоянии вызова, борьбы:

Чтобы рвал меня на части
Ураган!

[1] Здесь и далее цитируем стихотворения М. И. Цветаевой из книги [Цветаева 2003] (см. список источников). В круглых скобках указана страница источника.

Чтобы все враги – герои! (9).

Вот тогда уход, расставание – это необходимость, чтобы не было душе покоя, «чтоб был безумьем каждый день». И нет ничего удивительного в невозможности двух людей долго быть друг с другом: покой, мирное течение жизни, тихое счастье не было коньком поэтессы ни в юности, ни в зрелом возрасте. Ей нужен Рок, неотвратимая судьба – губительница, разрушительница:

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки. (56).

Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка…
Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла! (106).

В судьбе лирической героини и ее героя появляется третий, но далеко не лишний, он данность, факт, неизбежность и в какой-то мере даже «надобность», поскольку позволяет оценить силу разрушенной любви. Только в руинах находится истина, и она становится источником вдохновения для творчества М. И. Цветаевой. Она полюбит это чувство боли, внутреннего напряжения в момент конца, отчего разлука очень скоро станет ремеслом:

И что тому костер остылый,
Кому разлука – ремесло! (164).

И все равно, менее мучительной от этого не станет ни предчувствие финала, ни сама разлука:

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, –
Только тайны утраченной жаль! (11).

В Цветаевой, захваченной в плен сильных эмоций, будет жить жажда болезненного разрыва отношений, ухода в мыслях задолго до реальной разлуки, видение конца уже в начале:

Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала. (49).

В этом плане показательным является цикл «Подруга»:

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои…(44).

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперек души… (45).
И еще тебе скажу я:
– Все равно – канун! –
Этот рот для поцелуя
Твоего – был юн. (45).

Стихотворение написано 28 апреля 1915 г., до окончательного разрыва с Парнок оставался год с небольшим, но эта жажда прощания, неизживная в эстетике М. И. Цветаевой, уже диктовала свой путь в судьбе лирической героини и поэтессы.

Таким образом, мотив ожидания разлуки – один из наиболее ярких и четко прослеживаемых в эстетике М. И. Цветаевой – берет свои истоки в мироощущении поэтессы, основы которого были заложены благодаря детским впечатлениям и романтическим сценам из книг, а позднее нашли отражение в ее творчестве, определив его своеобразие.

Список литературы

Катаева-Лыткина Н. И. Князь Волконский и М. И. Цветаева // Литературное обозрение, 1997. №2. С. 46–51.

Кудрова И. В. Версты, дали…: Марина Цветаева: 1922–1939. М.: Сов. Россия, 1991. 368 с.

Кудрова И. В. Путь комет: в 3 т. Т. 1. Молодая Цветаева. СПб.: Крига; Изд-во Сергея Ходова, 2007. 123 с.

Саакянц А. А. Марина Цветаева // Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. М.: Худ. лит., 1988. Т. 1. С. 3–29.

Цветаева М. И. Проза. М.: Современник, 1989. 590 с.

Список источников

*Цветаева М.И.*Избранное. Смоленск: Русич, 2003. 592 с.